

ОГОНЁК

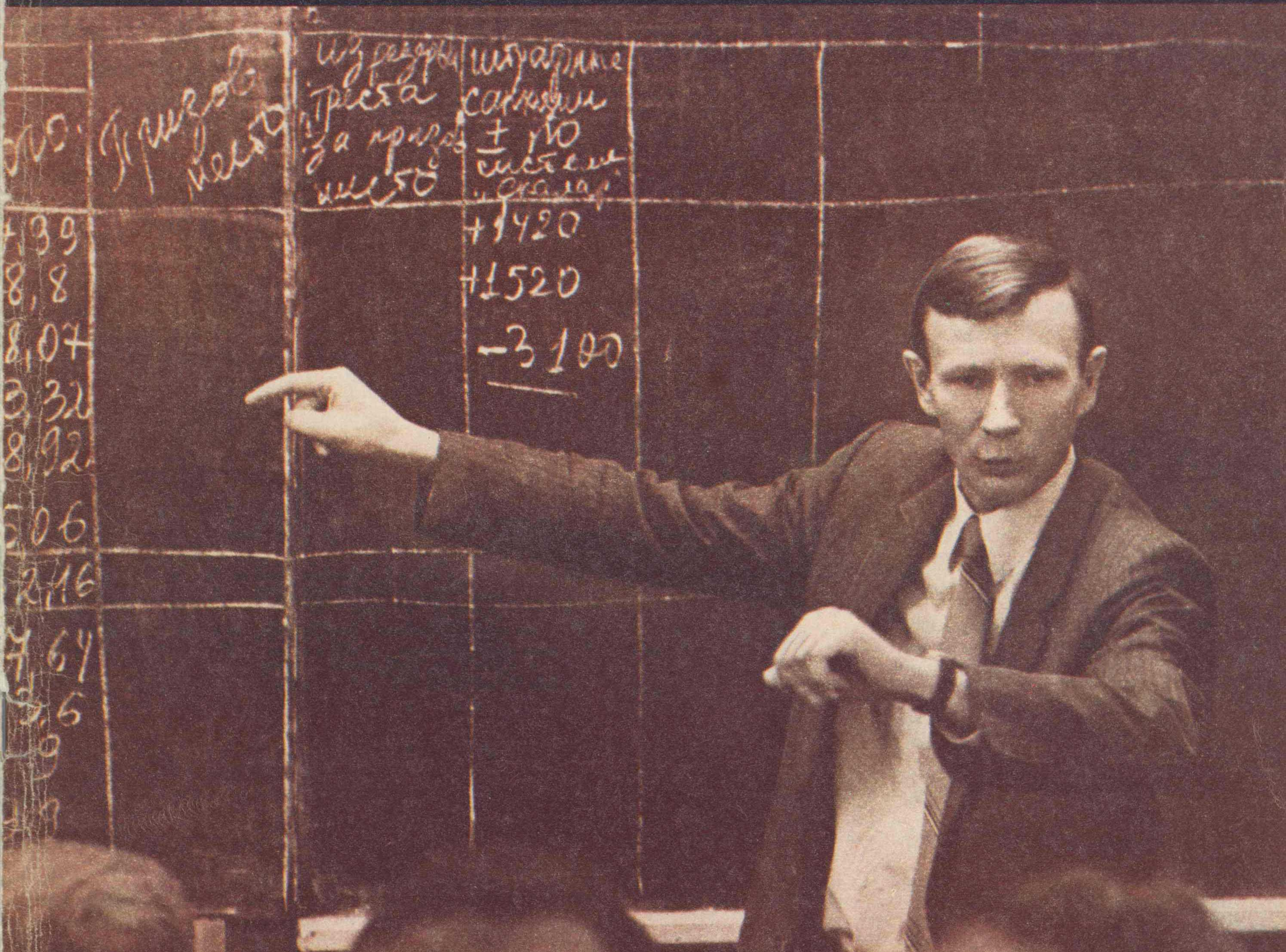
СИМОНОВ
О ЖУКОВЕ

С НЕБА
НА ПОЖАР

ПЕСНИ ЖАННЫ БИЧЕВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО № 49 ДЕКАБРЬ 1986
«ПРАВДА», МОСКВА

Герой Социалистического Труда

Николай ТРАВКИН:

«ПРИБЫЛЬ, ЗАРАБОТКИ—ВСЕ ТЕПЕРЬ
ЗАВИСИТ ОТ НАС!»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 49 (3098)

6—13 ДЕКАБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Д. К. ИВАНОВ
[ответственный секретарь],
А. Ю. КОМАРОВ,
Б. А. ЛЕОНОВ
[первый заместитель главного редактора],
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
[заместитель главного редактора],
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

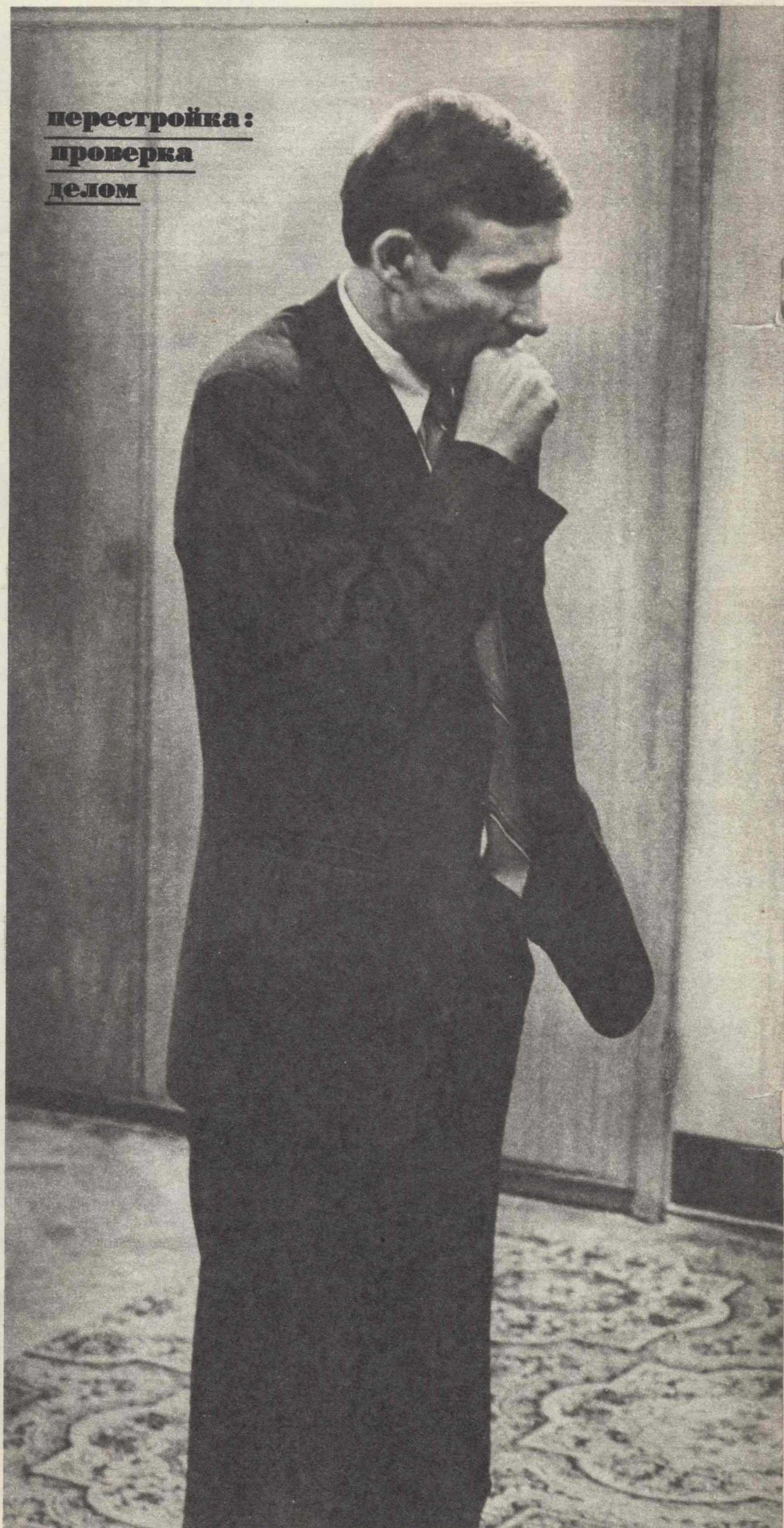
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.11.86. Подписано к печати 02.12.86. А 00768. Формат 70×108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2961. Заказ № 3964.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

перестройка:
проверка
делом

КАКОЙ ХАРАКТЕР У НИКОЛАЯ ТРАВКИНА?

О Николае Ильиче Травкине писать трудно и интересно. Интересно потому, что этот человек всего за пять лет совершил головокружительный скачок от рядового бригадира до управляющего крупным строительным трестом, стал лидером коллективного подряда.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Трудно потому, что как пионер этого метода он нарасхват — всем нужен. То в главке, то в Московском обкоме партии — он член обкома, его приглашают участвовать в совещаниях и едут к нему за опытом. И все это в самую горячую для строителя пору поздней осени, когда наседають, теребят заказчики и будущие новоселы. К тому же и рассказывать о себе Травкин не то что не любит — не переносит: мгновенно нахохливается или отгораживается ледяным панцирем. Иного репортера может в другой раз и оборвать: «Опять я должен делать стриптиз?» — под этим подразумеваемая копания в его биогра-

Николай Ильич
Травкин.

Деревня Аксаково.

Перед
хозяйственным советом
всегда кипят
страсти.

Визит Генерального секретаря
ЦК КПСС М. С. Горбачева
в Индию,
дав новый мощный импульс
развитию
советско-индийских отношений,
подтвердил решимость обеих стран
неустанно работать
во имя спасения
народов Земли
от ядерной катастрофы,
ради такого
международного порядка,
где не будет места диктату
и насилию
и каждый народ
сможет свободно
избирать свой путь развития.

Д. БИРЮКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

ВЕТЕР ВЕКА

Как только Ил-62, на котором прилетел М. С. Горбачев, остановился перед зданием аэровокзала в делийском аэропорту Палам, раздался первый залп салюта в честь высокого гостя — так началась торжественная встреча советского руководителя. Столица Индии встречала не просто государственного деятеля из великой соседней страны. Город и его жители приветствовали человека, которому доверяют, друга, с которым связывают надежды на мир, свободный от ядерного оружия, насилия и ненависти, страха и подозрительности.

Визит продолжался, а ощущение торжественности не проходило, наоборот, с каждым новым сообщением о ходе переговоров, с каждой новой встречей М. С. Горбачева с индийцами оно нарастало, потому что было подкреплено делом. И, наверное, кульминацией визита стало выступление советского руководителя в парламенте, когда в центральном зале, том самом, где почти сорок лет назад Дж. Неру провозгласил независимость, все депутаты стоя аплодировали М. С. Горбачеву, предложившему программу «звездного мира».

Я стоял вместе с другими журналистами на втором этаже в ложе прессы и пытался понять: а возможны ли были такое взаимопонимание, такой успех на переговорах без многолетнего опыта советско-индийского сотрудничества? Скорее всего — нет: дружба создается годами.

Мне доводилось работать в Индии, и там я неоднократно убеждался — к советскому человеку здесь относятся хорошо уже за то, что он советский человек.

Помню одну из своих командировок в Калькутту. Я бывал здесь не раз и, как мне казалось, мог вполне прилично ориентироваться в городе. А в тот раз вдруг заблудился в узеньких улочках, тесных переулках, обрубленных тупиками.

«Извините, пожалуйста, как пройти к советскому консульству?» — обратился я к индийцу, явно спешащему. Он остановился и, улыбаясь, сказал: «Что, пошли посмотреть Калькутту? Пойдемте, здесь недалеко. Я провожу. Вы знаете, десять лет назад мы с вашими специалистами здесь, в Калькутте, монтировали ретрансляторную станцию. Какие ребята были! До сих пор всех по именам помню. Да что имена. Помню, как меня, простого рабочего, учили сварке, искусству монтажа, как вместе обеды, разговаривали. Да я им всем обязан. Разве был бы сейчас мастером? Вы знаете, я в политике не очень разбираюсь. Но вашей стране полностью доверяю. Ведь она столько сделала для моей родины».

Судьба этого молодого калькуттца в чем-то схожа с судьбами тысяч индийцев, которые трудились на строительстве совместных советско-индийских предприятий и заводов, создавая прочный фундамент промышленности независимой Индии и одновременно создавая мощный потенциал доверия между нашими странами и народами.

Индийская газета «Санди мейл» накануне визита М. С. Горбачева провела опрос общественного мнения:

«Кто является лучшим другом Индии — СССР или США?»

США — 6%,
СССР — 94%».

Память, наверное, самое ценное, что у нас есть. Она дает нам индивидуальность, позволяя запечатлеть события с особой четкостью и неповторимостью. Она объединяет нас тысячами нитей, связывая друг с другом, с нашей историей, заставляет задумываться о будущем, по-новому оценить прошлое.

СССР и Индию разделяют высокие хребты, у нас разные социально-политические системы. Но есть у наших народов и общее, что объединяет нас. Это память о нашей истории — не легкой, полной тяжелых испытаний. Это память о тех людях, которые на протяжении многих веков соединяли Индию и Россию, Индию и Советский Союз. Это и память о советско-индийском сотрудничестве в экономике и в политике. А еще объединяют нас неудовлетворенность сегодняшним днем, постоянное стремление сделать наше будущее лучше, наш мир прочнее и справедливее.

В 1955 году было подписано соглашение о строительстве металлургического комбината в Бхилаи. В те времена голодающая, разоренная колонизаторами Индия стремилась развернуть строительство заводов и фабрик, думала о собственном металле для железных дорог, о метро, турбинах и станках. И во всех делах ей была гарантирована помощь Советского Союза. Так развивается наше сотрудничество. Стремление в будущее продемонстрировал и нынешний визит М. С. Горбачева. Подписана Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, а мы уже мечтаем о том времени, когда не только применение ядерного оружия, но и само ядерное оружие будет объявлено вне закона, когда «звездные вой-

ны» останутся только на страницах мрачных фантастических романов.

Вечером в холле гостиницы «Ашока», где во время визита жили журналисты, появлялась пожилая худая американка, одетая по-местному в сари. Протягивая книгу одного из религиозных обществ, она скороговоркой начинала объяснять, что только религия принесет человечеству мир и спокойствие, освободит его от страха и подозрительности. Верила ли она в то, что чтение молитв, самосозерцание, в общем, уход от реального — это единственный шанс сохранить жизнь на Земле? Думаю, верила. Верила потому, что не нашла другого выхода, а может быть, и не искала. Может быть, запутавшись в речах политиков своей страны, выбрала восточную религию и уехала в Индию. Все это могло быть. Но важно другое: она пришла в гостиницу не обращать нас в свою веру, а убеждать в том, что мир нужно спасти.

Да, мир нужно спасти. И этой высокой цели были посвящены переговоры М. С. Горбачева и Раджива Ганди, на которых обсуждался не мифический, а реальный путь, основанный на новых принципах в политико-экономических отношениях, отвечающих интересам миллиарда людей. Именно столько мужчин, женщин и детей живет в Индии и Советском Союзе. Именно столько голосов, я думаю, получили бы при опросе населения наших стран Делийская декларация, Конвенция, запрещающая применение или угрозу применения ядерного оружия. А если в этом референдуме приняли бы участие все жители нашей планеты? Не сомневаюсь, что подавляющее большинство поддержало бы итоговые документы визита, смысл которых не в противопоставлении убеждений, взглядов, а в мощном призыве к разуму, к продолжению жизни на Земле.

«Расскажите о перестройке», — просит меня после пресс-конференции Джа Пракаш Бхартти, редактор газеты «Нандан». — Для нас это очень важно. Мы сейчас самым тщательным образом изучаем ваш опыт. Ведь это, безусловно, по-

влияет на наше сотрудничество, придаст ему новые формы, новый размах. Я вам хочу честно сказать, что визит М. С. Горбачева для нас важен не только в политическом и экономическом отношении. Дело в том, что мы сейчас встретились с человеком, который для нас является олицетворением нового мышления. Обыкновенный, простой человек, способный мгновенно оценить ситуацию и предложить нестандартное решение, — руководитель Советского Союза».

Подобное мнение я слышал от многих индийских и зарубежных журналистов, общественных и политических деятелей Индии. «Их подкупило», — написал редактор газеты «Пэтриот», — не только обаяние М. С. Горбачева, но его искренность, глубина знаний и, самое главное, решимость совершить исторический поворот нашей эпохи».

Открывая совместную пресс-конференцию, Раджив Ганди сказал: «Я считаю, что визит Генерального секретаря М. С. Горбачева в Индию явился крупнейшей вехой в наших двусторонних отношениях».

Когда я услышал эти слова, то вспомнил Твардовского:

За годом — год, за вехой — веха,
За полосой полоса.
Нелегко путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса.

Слова мира и разума, прозвучавшие в Дели, эхом разносятся по планете, сокрушая домыслы о неизбежности гонки вооружений, ядерные доктрины.

Состоятся новые встречи, новые переговоры. Но и тогда эхо Дели не утихнет. Есть все основания надеяться, что достигнутое здесь станет своеобразным маяком международных и экономических отношений между странами и народами. Ветер века дует в наши паруса!

Дели — Москва.

ОТ ТИХОГО ДО АТЛАНТИЧЕСКОГО

**Эдгар ЧЕПОРОВ,
собкор АПН в США,
специально
для «Огонька»**

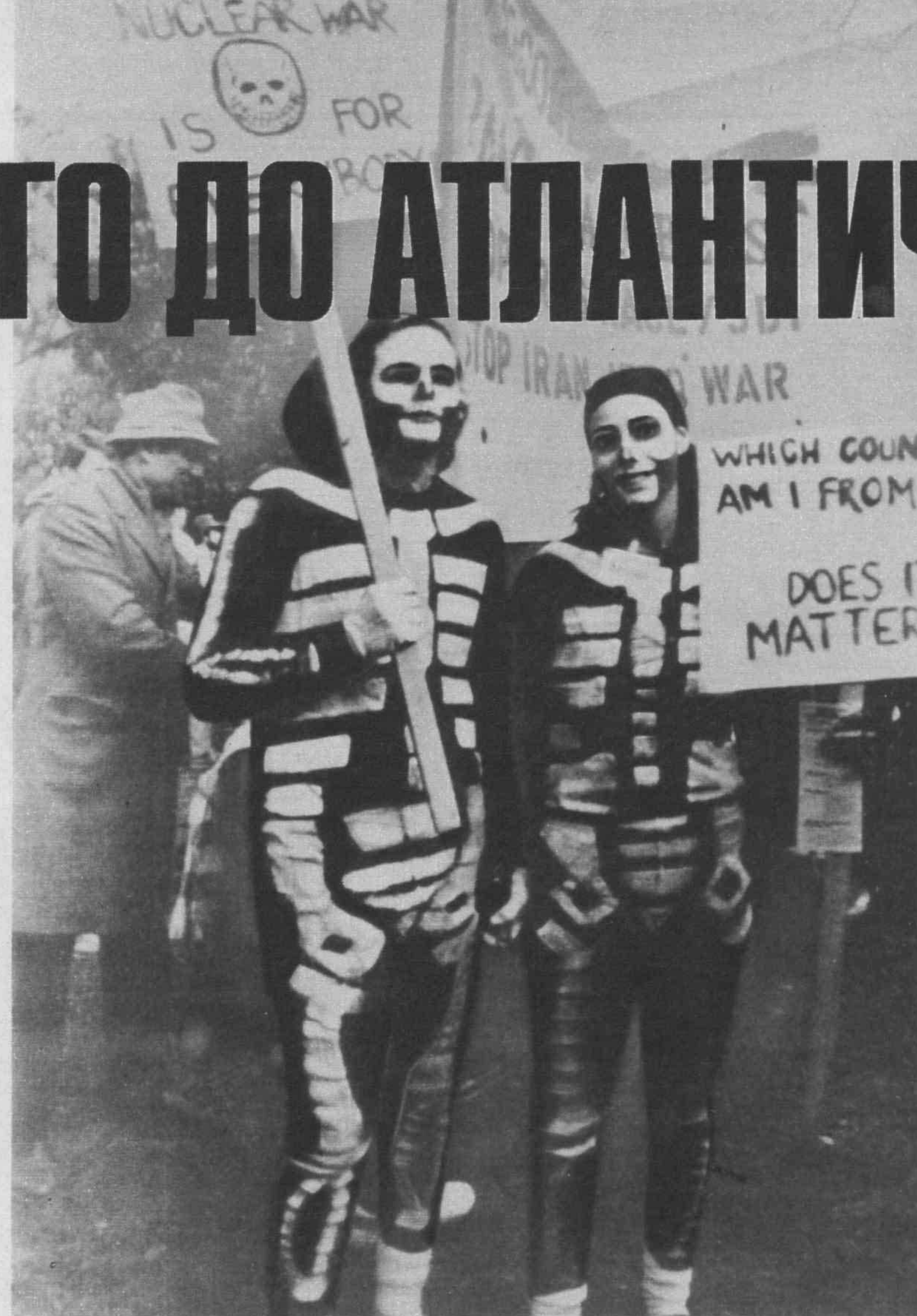
**260 ДНЕЙ
ПРОДОЛЖАЛСЯ
МАРШ МИРА
ЧЕРЕЗ ВСЮ АМЕРИКУ
С ЗАПАДА НА ВОСТОК.
ЛЮДЕЙ,
СОВЕРШЕННО РАЗНЫХ
ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ,
ПОЛИТИЧЕСКИМ
ВЗГЛЯДАМ, ОБЪЕДИНЯЛО
ОДНО — СТРЕМЛЕНИЕ
ОСТАНОВИТЬ
УГРОЗУ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ.**

Я видел, как они переобувались. Это было на стоянке перед мостом Джорджа Вашингтона, ведущим в Манхэттен, центральную часть Нью-Йорка. У тех, кто присоединился к «Великому маршу мира» несколько недель назад, ноги были разбиты в кровь, залеплены пластырем. Им помогали ветераны — те, кто начал путь еще в марте прошлого года. Вокруг толпились зрители.

Я рассказываю вам об этом для того, чтобы вы взглянули на участников марша глазами вот этих собравшихся недалеко от моста американцев. Они слышали о марше, хотя не так уж много, потому что газеты о нем почти не писали, и вот видят воочию людей, многие месяцы идущих через пустыни, поля, дорогами проселочными и шоссевыми, поднимавшихся в гору и переправлявшихся через реки. Людей, которые оставили свои дома, сломали сложившийся уклад жизни и, самое главное, бросили работу без всякой гарантии получить ее вновь. Во имя чего? Ради чего эти разбитые ноги, ночевки то на ледяной, то на раскаленной земле? Задумаетесь...

Но именно для того, чтобы американцы задумались над тем, куда идет их страна, вернее, куда ведут ее нынешние лидеры, над реальностью ядерной угрозы, прошел «Великий марш мира за глобальное ядерное разоружение» от Калифорнии до Вашингтона. Для того, чтобы отправиться в такой путь, чтобы его завершить, самим участникам марша надо было остро ощущать хрупкость сегодняшнего мира.

Старая, очень старая истина — убеждают не просто слова, а человеческий пример и опыт тех, кто эти слова произносит. Люди, которые встречали марш, задумывались над тем, что вот у этих запыленных, не слишком хорошо выбритых путников есть какая-то большая цель, заставившая их принять на себя все эти тяготы.

Берт Ламберт из Цинциннати говорил встречным людям:

— Если вы хотите понять, что такое бомба в одну мегатонну, то представьте себе грузенный динамитом железнодорожный состав длиной в две сотни миль.

Думаю, что если бы Берт произнес то же самое с экрана телевизора, то имел бы куда меньше шансов дать представление людям о страшном, равном одной бомбе поезде...

— За время, проведенное в дороге, я мог бы заработать от 75 до 100 тысяч долларов, — сказал Джо Бройдо, бизнесмен из Калифорнии.

Да, американцы умеют считать деньги. Но и Бройдо, и его сподвижники знают, что есть вещи важнее долларов, что ядерная бомба не даст скалькулировать ни будущее их самих, ни Америки, ни всего мира. Вот такими, в сущности, очень простыми и ясными мотивами и было продиктовано непростое решение стать пилгримами ядерного разоружения. Джо Бройдо, заметьте, не говорит: «Я потерял свои тысячи долларов». Он, наверное, мог бы и вообще не вести этих подсчетов, если бы вопросы о деньгах не задавали репортеры.

Когда марш покидал Калифорнию, в его рядах были 340 человек. Когда он подошел к Нью-Йорку, эта цифра удвоилась. В Вашингтон с ним вступили 15 тысяч человек. Так и было задумано с самого начала — к маршу может присоединиться любой, присоединиться на день, на месяц, на час, на столько, на сколько он может и хочет. Статистика: в марше шли представители 13 стран, за время его движения один человек умер, четверо пар соединились супружескими узами, самый старший участник — 79-летний Фрэнклин Фолсом, самая юная — Алекса

Четырехчасовым митингом в Лафайет-парке перед Белым домом закончился «Великий марш мира».

Фото ТАСС

Недью — ей семнадцать. Многие взяли с собой детей.

А жизнь учила всех участников марша.

Ведь визитная карточка Марша мира: «Советы прекратили ядерные испытания, почему не сделали этого мы?» — появилась далеко не в первый день. Автор лозунга Фрэнк Фолсом еще в годы «великой депрессии» участвовал в «Марше голодных». Тогда они тоже шли через всю страну на Вашингтон. Сегодня Фолсом убеждал тех, кто шагал рядом с ним, что лозунг, требующий прекращения ядерных испытаний, нужен маршу, что он должен стать формулой их антивоенной позиции. И убедил.

Я слышал, как на одном из митингов Фрэнк Фолсом зачитывал текст советских предложений о моратории на ядерные взрывы. «Наш марш, — говорил он, — против стратегии «звездных войн», за то, чтобы все государства отказались от ставки на первый ядерный удар, за то, чтобы в глобальных масштабах были прекращены испытания, производство и размещение ядерного оружия, чтобы началось систематическое сокращение, а затем и ликвидация ядерных arsenалов».

Программа, как видим, мало напоминающая политику нынешних washingtonских лидеров. И нигде, по всему маршруту следования «Великого марша», в бесчисленных городах, деревнях эту программу не отвергали. Над ней задумывались, о ней спорили, и чаще всего с ней были солидарны.

Всюду маршу дарили символи-

ческие ключи, встречали цветами, предлагали ночлег. Если бы не пожертвования простых американцев, марш прекратил бы свое существование уже через неделю. «На одной из остановок, — рассказывает дантист А. Ротс из Лос-Анджелеса, — я решил купить лекарства. Когда в магазине узнали о нашем марше, мне загрузили полную машину медикаментов. Бесплатно». Джон Лакт вспоминает, как однажды они завтракали на границе Калифорнии и Невады. «Рядом со мной сидел водитель грузовика. Мы проговорили с ним 45 минут, в основном о марше. Когда мы встали, он вложил в мою ладонь скомканные доллары и сказал: «У меня дети. Продолжайте идти». Это была не просьба. Это прозвучало как приказ».

В Вашингтоне, у Мемориала Авраама Линкольна, в день, когда завершился «Великий марш мира», одна из его участниц обратилась к толпе с вопросом: «Считаете ли вы, что смерть моей дочери или любого другого ребенка в ядерной войне — это «приемлемая потеря»?». «Нет», — ответили тысячи голосов.

Им хорошо известна эта формула — «приемлемые потери». Ею не раз оперировали деятели из президентского окружения, стремившиеся убедить американцев, что нации есть смысл «пострадать» в ядерной войне, лишь бы «победить русских». Колин Грей, президент Национального института государственной политики в Ферфаксе (Виргиния) утверждает, что гибель 20 миллионов американцев в «победной» ядерной войне с СССР — цена, вполне приемлемая для Соединенных Штатов. Замечу, что именно после обнародования этих выкладок Колину Грею было предложено стать советником президента США. Предложение было принято, уже в этой своей роли Грей заявил, что советский план освобождения мира от ядерного оружия является «неприемлемым и даже абсурдным».

Я говорю об этом потому, что деятели вроде Грея и те, кто руководствуется их советами, пытаются приучить американцев к мысли о неизбежности ядерного конфликта, породили реакцию, явно не запланированную. Поначалу они запугали миллионы людей и «русской угрозой», и обещанием «первого ядерного удара по Советам», и готовностью жертвовать жизнями соотечественников. Но при этом разбудили у многих, даже у тех, кто был далек от политики, желание в столь критической ситуации пораскинуть мозгами, задуматься над тем, что предлагает Москва и от чего отказывается Вашингтон. Авантюрный характер washingtonской политики стал катализатором осознания подлинных причин этой опасности.

Процесс трудный, далекий от завершения. Но он начался. И огромный импульс дают ему наши, советские предложения. Мытый дождями, опаленный солнцем, множество раз написанный почти заново лозунг «Великого марша» — «Советы прекратили ядерные испытания, почему не сделали этого мы?» — тому подтверждение.

КОФЕЙНЫЕ СТРАСТИ

А как
на самом
деле?

Кофе не главное в жизни. И, кажется, просто без него обойтись. Когда он есть. Но вот уже несколько месяцев его нет по всей стране — ни молотого, ни в зернах, ни растворимого. Московский магазин «Чай. Кофе» на улице Кирова, куда молотый кофе поступал лишь изредка, постоянно окутан слухами и живет под угрозой вызванных ими очередей. Большинство же магазинов живут спокойно, ибо давно уже нет почвы для слухов, то есть кофе. Зато читателей кофейный вопрос беспокоит. И действительно, положение невозможно уже объяснить, скажем, организационными недоработками торговли. Поэтому граждане ищут аргументы поувесистее. И тут осведомленность поистине не имеет границ: одни доверительно сообщают об урагане, разметавшем по морям-океанам караваны с кофе, другие — о неурожае в Бразилии, третьи — о гибели кофейных плантаций по всему свету. Те, кто попрактичнее, попросту прогнозируют грядущее подорожание: есть «щадающие» впечатлительных покупателей «данные», но есть и леденящие их душу цифры...

А все-таки что же случилось с кофе?

— Во втором полугодии этого года переработка кофе сократилась на семьдесят процентов по сравнению с первым, — сообщила нам заведующая отделом торговли бакалейными

товарами и табачными изделиями Минторга СССР Л. В. Мещанинова.

Предприятия по переработке кофе принадлежат Госагропрому, туда мы и обратились.

— Переработка кофе сократилась потому, что нечего перерабатывать, — пояснил заместитель начальника подотдела пищевой и соляной промышленности В. И. Панасевич. — Мы недополучили кофе-сырья настолько, что находимся буквально на голодном пайке.

Итак, причина в поставках. Но они ведь плановые, продуманные. И что касается продуктов, закупаемых на валюту, — вдвойне продуманные. Быть может, случилось что-то, о чем и сказать неудобно?

Оказывается, нет ничего такого уж особенного. Нормальные и понятные, думается, всем трудности. В начале этого года в Бразилии действительно случилась засуха, в африканских странах-экспортерах кофе погиб от небывалых заморозков — все это привело к резкому увеличению цен на кофе на мировом рынке. С другой стороны, валютные средства были необходимы нашей стране на иные, серьезнейшие и общественно важные цели. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что за последнее время спрос на кофе в принципе возрос. Вот, собственно, и все факторы, которые дали, столкнувшись, нынешнюю ситуацию.

Временную. Ибо, как нам сообщили в Минторге СССР, в следующем году не ожидается сокращения продажи кофе, подобного нынешнему. Уже сделаны закупки, но, чтобы стабилизировать положение, естественно, потребуются некоторое время. Вопрос повышения цены на кофе не обсуждался и не стоит на повестке дня.

Но хотелось бы сказать еще об одном источнике кофейных страстей.

Последнее время мы часто произносим хорошее слово — «гласность». Но, произнося, нередко воспринимаем его чисто теоретически. На практике же порой пугаемся иллюзорных препятствий. Что произошло бы, если бы представители ответственных за кофе ведомств сразу объяснили, в чем причина его временной нехватки? Случился бы кофейный «бум» в магазинах? Да полно, кофе-то к этому моменту уже не было. Многие читатели пишут, что могут, если надо, отказаться от кофе, но хотят знать, почему. Справедливое желание. И давайте впредь не упускать из вида эти «почему?», какими бы малозначимыми они ни казались. Иначе те, кто их задает, будут получать сомнительные «уроки гласности» — в очередях да дымных закутках всякое может родиться...

А. ПЕТРОВ

«Огонек» выступил. Что сделано?

ЕЩЕ РАЗ О ДОСТАВКЕ

В двух публикациях [№№ 37, 43] «Почему задерживается доставка «Огонька» и «Путешествие «Огонька» из Москвы в Ташкент» мы рассказали о проблемах доставки журнала подписчикам, назвали несколько конкретных фактов, когда были нарушены сроки доставки.

На днях редакция получила ответ заместителя начальника Главного управления почтовой связи Министерства связи СССР В. И. Корева. Он сообщает, что объявлен выговор начальнику участка сортировки Могилевского почтамта тов. Максимовой, задержавшей отправку «Огонька» № 32 в отделение связи на четыре дня, из-за чего подписчик получил свежий журнал позже тех, кто покупает его в розницу.

По вине старшего инструктора алма-атинского агентства «Союзпечати» тов. Ким в городские киоски с опозданием поступил № 31 «Огонька». Из органов связи тов. Ким уволена, а начальник агентства А. С. Смаилов строго предупрежден.

Ташкентским подписчикам, получившим № 34 и № 36 «Огонь-

ка» лишь на четвертый-пятый день после прибытия в город всего тиража, В. И. Кокорев объясняет, что это досадное недоразумение произошло из-за того, что опоздали сортировочные таблицы [в них указываются фамилии и адреса подписчиков]. Заместителю начальника городского агентства «Союзпечать» В. Н. Цой указано на необходимость строгого соблюдения правил приема и составления заказов на печать.

Установлено, что подписной тираж журнала № 37 в Светлогорск поступил 18 сентября, а розничный — лишь 21 сентября. Расхождение сроков доставки в этом, как и во всех других случаях, происходит оттого, что путь журнала к подписчику и в розницу осуществляется по разным каналам. К тому же технология обработки изданий для доставки подписчикам более трудна и длительна.

В отличие от прежних лет, когда редакции лишь сообщали о мерах наказания виновных по отдельным тревожным сигналам наших читателей, на этот раз назначен целый ряд мероприятий по упорядочению системы службы

доставки периодической печати по самым отдаленным пунктам страны.

Эти меры намечены на совещании представителей Министерства связи СССР, издательства «Правда» и редакции журнала «Огонек». По некоторым направлениям, где это возможно, «Огонек» будет отправляться не почтово-багажными поездами, а скорыми и пассажирскими. Издательство «Правда» пересмотрит график отправки журнала по различным регионам с тем, чтобы сократились сроки его поступления в отдаленные районы.

На этом же совещании установлена возможность отправки «Огонька» авиатранспортом, но, к сожалению, только в ограниченные регионы. Ведутся переговоры и с Министерством морского флота — об ускорении переправки журналов в Петропавловск-Камчатский к самому дальнему читателю.

Редакция благодарит всех, кто сохранил верность «Огоньку» в 1987 году, и приветствует наших новых подписчиков. Думается, они заслуживают право получать каждый свежий номер без опозданий.

МАРШАЛ ЖУКОВ

ЧТО РАССКАЗАЛ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ О КАНУНЕ И НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Фрагменты
из документального повествования
Игоря ИЦКОВА и Марины БАБАК
о легендарном полководце

*Не исключено,
что иные оценки
и суждения Г. К. Жукова —
спорные, субъективные, неполные.
Но мы полагаем,
что они представят интерес для читателей и
должны быть обнародованы,
в первую очередь уже потому,
что это суждения и оценки Жукова...*

Авторы

В

1940 году генерала армии Г. К. Жукова назначили командующим Киевским военным округом.

В последние дни декабря 1940 года и в первую декаду января 1941-го проходило совещание высшего командования Красной Армии. Георгий Константинович через тридцать лет так оценивал большую военно-стратегическую игру, которая была проведена сразу же после совещания:

— В этой игре я командовал «синими», «играл» за немцев. А командующий Западным военным округом Павлов командовал нашим Западным фронтом. На Юго-Западном фронте ему подыгрывал Штерн. Взяв реальные исходные данные и силы противника, я развил операции «синих» именно на тех направлениях,

Продолжение. См. «Огонек» № 48.

Генерал армии
Герой
Советского Союза
Г. К. Жуков
с наркомом обороны
Маршалом
Советского Союза
С. К. Тимошенко
(довоенный снимок).

на которых потом развивали их немцы. Нанесли главные удары там, где они их потом нанесли. Группировки сложились примерно так, как потом они сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все подсказывало мне именно такие решения, которые потом, в 1941 году, приняли и немцы. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедлило темп продвижения «синих», придерживало его. Но «синие» на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей.

В январе состоялся разбор стратегической игры на Главном Военном Совете...

— Сталин слушал, задавая вопросы мне и другим выступавшим. В частности, он спросил, почему «синие» были так сильны, почему в исходных данных нашей игры были заложены такие крупные немецкие силы? Я ответил: это соответствует возможностям немцев и основано на реальном подсчете тех сил, которые они могут бросить против нас, создав на направлении своего главного удара большое преимущество. Этим и объясняется такое решительное продвижение «синих» во время игры...

В начале 1941 года ни новый начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, ни Сталин не знали о плане «Барбаросса». И как ни трагически это звучит, синие стрелы на карте Жукова, нанесенные им в дни «игры», совпали с тремя главными направлениями ударов, которые были обрушены на нас на рассвете 22 июня — всего через полгода...

* * *

...Наверное, далеко не все знают, что первым, кто решил сосчитать, сколько же дней и ночей длилась война, был Константин Михайлович Симонов. Это он впервые сказал в фильме «Шел солдат...» — тысяча четыреста восемнадцать начиная с 22 июня 1941-го...

С безоблачного неба, с сумятицы телефонных звонков начинался самый длинный в жизни миллионов людей день. И длился он без малого четыре года, этот день суровых испытаний, мужества, день большой беды и высокой славы.

* * *

В размышлениях о начале войны Жуков не скрывает ничьих — ни чужих, ни своих просчетов и ошибок:

— У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина.

С одной стороны, это верно. Но с другой, думаю, что нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков, Каганович. Не говорю о Берии. Он был готов выполнить все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие люди и необходимы. Так что вопрос о нем — особый вопрос, и в данном случае я говорю о других...

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове. Часть ответственности лежит на нас — военных. Я не имел опыта штабной работы и к началу войны, по моему собственному ощущению, не был достаточно подготовленным начальником Генерального штаба, не говоря уже о том, что по своей натуре и по опыту службы тяготел не к штабной, а к командной деятельности...

...Говоря о предвоенном периоде и о том, что определило наши неудачи в начале войны, нельзя сводить все только к персональным ошибкам Сталина или в какой-то мере к персональным ошибкам Тимошенко и Жукова.

Все это так. Ошибки были. Но надо помнить и некоторые объективные данные. Надо подумать и подсчитать, что представляли тогда собой мы, наша армия, и Германия, и ее армия. Насколько выше был ее военный потенциал, уровень промышленности, уровень промышленной культуры, уровень общей подготовленности к войне!.. После завоевания Европы немцы имели сильную, испытанную в боях, развернутую и находившуюся в полной боевой готовности армию, идеально налаженную работу штабов и отработанное буквально по часам взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и авиации. Немцы имели перед нами огромное преимущество в военно-промышленном потенциале. Почти втрое превосходили нас по добыче угля, в два с половиной

раза по производству чугуна и стали. Правда, у нас оставалось преимущество по нефти — и по запасам, и по объему добычи. Но, несмотря на это, мы к началу войны так и не имели необходимого нам количества высокооктанового бензина для поступающих на наше вооружение современных самолетов — таких, как МИГи.

Словом, нельзя забывать, что мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией.

Наконец, надо добавить, что Гитлер со дня своего прихода к власти абсолютно все подчинил интересам будущей войны, в Германии все строилось в расчете на победу в этой войне, все делалось для этого и только для этого. А мы остановились на полумерах. Сталкивались друг с другом интересы ведомств. Шла бесконечная торговля по каждому вопросу, связанному с вооружением армии и подготовкой к войне. Все это тоже надо класть на чашу весов, объясняя причины наших поражений и неудач первого года войны...

Перед лицом повторяющихся тревожных сигналов Наркомату обороны удалось добиться от Сталина разрешения частично призвать в армию полмиллиона запасных и перебросить в западные военные округа еще четыре армии. Я, как начальник Генерального штаба, понимал, что и переброска армий, и переброска мобилизованных к месту службы не могут остаться в секрете от немцев, должны встревожить их и обострить обстановку. А раз так, то одновременно с этими необходимыми мероприятиями нужно привести в боевую готовность войска пограничных округов. Я докладывал об этом Сталину, но он после того как его две недели пришлось убеждать согласиться на первые два мероприятия, согласия на третье мероприятие, непосредственно связанное с первыми двумя, так и не дал... Он ответил, что приведение в боевую готовность войск в пограничных районах может привести к войне, а он убежден, что нам удастся славировать и объяснить частичный призыв и переброску армий таким образом, чтобы это не встревожило Гитлера...

Так получилось, что одни меры мы провели, а другие нет. По существу, мы остановились на полумерах, что никогда не приводит к добру...

...Горела родная земля. В течение месяца с небольшим были оставлены Минск, Рига, Псков, Витебск, Смоленск...

На самом трагическом для нас первом отрезке войны народ умел проявить и терпение, и выносливость, и мужество.

Народ верил стоящей у власти партии. А сама партия не имела иных интересов, кроме интересов общенародных.

...Пройдет много, очень много лет, и, оказавшись после большого и торжественного дня — дня двадцатилетия Победы — в кругу московских литераторов, Георгий Константинович Жуков без укора, но твердо, как о глубоко продуманном, скажет:

— Долго обходили это время молчанием. Начинали повествование только с контрнаступления под Москвой. А между тем все было решено уже в первые месяцы!

* * *

В августе 1941 года Жуков был назначен командовать войсками Резервного фронта, сражавшимися под Ельней. После ожесточенных боев, в середине сентября, прозвучали наконец радостные сводки... Впервые с начала войны мы шли по отвоеванной земле. Впервые видели неприбранные трупы гитлеровцев. До этого фашисты не бросали своих мертвецов на поле боя, хоронили под крестами из берез, аккуратно выписывали готическим шрифтом таблички с именами убитых.

Жуков наступал. Наступал с теми солдатами, что, по словам Твардовского, перед этим отступали «вспять от западной границы до ворот родной столицы...». Воля Жукова была непреклонна: и в дни поражений солдат обязан учиться великой науке побеждать. Бои под Ельней показали, что воин может не только стоять насмерть, но и наступать. В этом повороте сознания армии и была огромная заслуга Жукова.

Через девятнадцать лет маршал так рассказывал о ельнинских боях:

— Вспоминаю пленного немца, которого я допрашивал под Ельней. Это был один из первых взятых там в плен танкистов. Молодой, высокий, белокурый, эдакий нибелунг. Даже вспомнилась картина «Нибелунги», которую смотрел в кино в двадцатые годы. Словом, образцовый экземпляр. Начиная его допрашивать. Докладывает, что он механик-води-

тель такой-то роты, такого-то батальона, такой-то танковой дивизии. Задаю ему вопросы. Не отвечает. «Почему не отвечаете?» Молчит. Потом заявляет: «Вы военный человек, вы должны понимать, что я, как военный человек, уже ответил, кто я и к какой части принадлежу. Ни на какие другие вопросы отвечать не могу, потому что дал присягу. И вы не вправе меня спрашивать, не вправе от меня требовать, чтобы я нарушил долг и лишился чести».

Тогда я спрашиваю его, знает ли он, с кем разговаривает. Нет, не знает... Переведите, что я генерал армии Жуков. Выслушав, он отвечает: «Я не знаю вас. Я знаю своих генералов. А ваших генералов не знаю».

Молодец! Держится таким наглцем, просто на редкость. Ну как его не уважать? Нельзя не уважать... Я говорю, если не будете отвечать — расстреляем вас, и все. Побледнел, но не сдался. Говорит: «Ну что ж, расстреливайте, если вы хотите совершить бесчестный поступок по отношению к беззащитному пленному. Расстреливайте. Я надеюсь, что вы этого не сделаете. Но все равно я отвечать ничего сверх того, что уже ответил, не буду».

Когда я потом докладывал Сталину о Ельнинской операции, я рассказал ему об этом пленном, проиллюстрировал, с кем нам приходится иметь дело. Знать это и ясно оценивать — важно. Потому что эта оценка неотъемлемо входит в расчеты и планы. С такими вещами надо считаться и при оценке противника, и при оценке собственных возможностей. Планируя операцию, надо оценивать моральное состояние, уровень дисциплины и выучки солдат противника. Недооценив все это, нетрудно впасть в ошибки и просчеты.

* * *

Г. К. Жуков и К. М. Симонов часто и подолгу беседовали в 1965—1966 годах, когда создавался фильм «Если дорог тебе твой дом». Маршал согласился рассказать перед киноаппаратом о нескольких решающих моментах битвы за Москву.

Приехав к Георгию Константиновичу на подмосковную дачу, чтобы договориться о времени съемок и сказать, что их придется делать не там, где думали, а здесь, у него дома, Константин Михайлович Симонов с тревогой ожидал вопроса: «Почему?» Но Жуков ничего не спросил, только сказал: «Ну, что ж, на даче так на даче. Как-никак тоже зона обороны Москвы».

Место это — Сосновка, теперь совсем неподалеку от новых кварталов, рядом Кунцево и Крылатское... Архитектор создал сооружение экстравагантное. Серое монументальное здание по странной прихоти судьбы удивительно похоже на казино инженерного училища в Карлсхорсте. Жуков был необыкновенно привязан к своему подмосковному дому. Здесь он прожил до конца своей жизни. А жизни его, со всеми ее взлетами и падениями, хватило бы, пожалуй, на пять биографий... После октября 1957 года Н. С. Хрущев распорядился отобрать дачу в Сосновке. Однако Жуков предъявил документ, подписанный И. В. Сталиным, утверждающий Политбюро ЦК ВКП(б): «...закрепить пожизненно за тов. Жуковым...»

...В саду хлопотала съемочная группа — разматывали бесконечные кабели, включали и выключали осветительные приборы, проверяли камеры и магнитофоны. Многолюдство и хлопоты эти, однако, казалось, нисколько не смущали хозяина дома. Он спокойно сидел за переносным садовым столиком неподалеку от крыльца в фуражке и повседневной форме, сидевшей на нем, как парадная, с четырьмя Золотыми Звездами над невообразимо длинной, многоярусной колодой орденовских планок. Жукову предстояла трудная задача: рассказать об огромном, всемирно-историческом масштабе сражении. Перед ним лежало несколько десятков машинописных страниц. Но, пожалуй, ни разу за время долгой и, прямо скажем, мучительной съемки Жуков не обращался к написанному.

— В конце сентября — начале октября я командовал войсками Ленинградского фронта... Как командующий фронтом и как член Ставки, я, естественно, был достаточно информирован о сложившейся обстановке под Москвой в конце сентября и особенно в начале октября. А затем мне позвонил Сталин. Поинтересовавшись, как идут дела на фронте, как обстановка, он сказал, что мне нужно будет немедленно вылететь в Москву для выполнения особого задания. Ну, я ему сказал, что завтра же вылетаю. Сдав дела по командованию фронта начальнику штаба фронта генералу Хозину, я вылетел в Москву. В Москву прилетел уже вечером и сразу же направился в Кремль. Сталин болел гриппом, но работал. Поздоровавшись кивком головы, он предложил посмотреть на карту и сказал:

— Вот смотрите, какая сложилась обстановка на западном направлении. Не могу, — говорит, — добиться ясного доклада, что проис-

Занавес был открыт,
и сцена зияла.
Она была торжественна,
загадочна и пуста.

М. БУЛГАКОВ «Театральный роман».

Время, расстояния, эпохи и стили разбросали по небосклону искусства имена великих бутафоров прошлого. Они как погасшие звезды: дела их рук истаяли, доносятся только их художнические мечты, сочинения и фантазии, доносится свет памяти и сияющие легенды. Впрочем, это вообще судьба всего, что предлагает театр:

Я не увижу знаменитой «Федры»
В старинном многоярусном театре.
С прокопченной высокой галереи...

И действительно, где реквизит «Глобуса», где кулисы молюеровских фарсов, снежный тюник Тальони и тряпичный кафтан Петрушки Нижинского, где кроваво пылающие закаты бакстовой «Шехеразады», где гонзаговы сады и античные руины? Они истлели, как истлело само слово «бутафор», теперь выпавшее с заглавной страницы театрального словаря, почти уничтожившее, но когда-то гордое своей репутацией, предвкусывавшее феерию, фейерверк красок и панорамных иллюзий, эфемериды и обманы реальной видимости, которые принимались при удаче с восторгом не меньшим, чем от игры славнейших комедиантов или драматургического закрута страстей. Уже со взгляда, брошенного на занавес, — вот с чего начинались часто эти восторги.

Как ни странно, о театральном занавесе не написано исследований и монографий, хотя именно в нем, в его идее и эстетике выражается во многом театральная суть; занавес — черта раздела, граница, рубеж, за которым простирается мир совсем других измерений. Старинные мастера это знали очень хорошо, но Гонзага знал, пожалуй, лучше других. Он приехал в Россию в 1792 году и умер в Петербурге в 1831-м, достигнув восьмидесятилетия и вышних пределов бутафорского искусства — перспективные гонзаговы построения и декорации буквально потрясали всех, кто их видел. И сегодня сцену маленького театра в подмосковном Архангельском закрывает его занавес; ткань обветшала, краски пожухли и выцвели, но эффект отражения до сих пор изумителен — своим почти объемным рисунком занавес продолжает, вытягивает до бесконечности колоннаду зала, будто на сцену водрузили огромное тусклое зеркало.

Родился Пьетро ди Готардо Гонзага в Италии, но он как бы отдан России: лучшее, что им сделано, сделано на этой земле. Его судьба типична для истории нашего искусства XVIII века: декоратора, странствовавшего между миланским «Скала» и римским «Аргентино», ангажировал князь Юсупов и, добавим, ангажировал рискуя, ибо нанятый бутафор значился «в чудаках», добываясь в своей работе чего-то большего и глубокого, чем блестящего ремесла, — философии и поэзии, считая, что его талант имеет общественное предназначение: «Почувствовать впечатления от предметов и уметь передать это другим — значит быть хорошим художником-поэтом, познать причины, вызывающие эти впечатления, — значит быть художником-философом».

В России Гонзага стал одной из образующих сил театра, он из числа тех немногих людей, которыми этот театр создавался и дарованием которых питается по сей день. Есть даже утверждения, проводящие прямую связь от Гонзаги к Станиславскому — в отношении жизнеподобия, к Мейерхольду — в отношении сценической условности, к Баксту — в отношении сценического декоративизма. Репертуар же Гонзаги охватывал и Моцарта, и Гретри, и Чимарозу, и Бортнянского, и Бомарше, и Княжнина.

Плюс — он был родителем странного жанра: спектаклей без актеров, с участием только одних занавесов и декораций. На подмостках юсуповского театра в Архангельском 8 июня 1818 года, в день, когда владелец усадьбы принимал у себя императора Александра I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III, состоялся первый из таких спектаклей, но известно: высокие гости были разочарованы.

Чего же добивался этот одержимый человек? Говоря современным языком — цветомузыки, названной им «музыкой глаз», то есть синтеза зрительных и слуховых впечатлений, «страсти души»: «Я почувствовал, что можно пойти дальше и что общий вид той сцены, на которой происходит действие, мог бы и сам сделаться выразительным и возвещать, подготавливать, сопровождать и усиливать чувства, пробужденные поэзией и пантомимой». Его занимал вопрос о соотношении музыки как временного искусства и живописи как искусства пространственного, их общая «мимика», способная передать ощущение веселья или печали, благородства, изящества или гнетущей тяжести. Потом о сплыве краски, орнамента, звука и жеста будут думать Вагнер и Скрябин, Коровин и Добужинский, Кустодиев и Якулов, Сапунов и Судейкин, Лентулов и Борис Григорьев, Дмитриев и Вильямс, а уже почти в наши дни — Федоровский и Пименов. Но Гонзага был первый.

Главной его темой служили архитектурные фантазии, некий оттиск прекрасной, хотя иллюзорной жизни — картонные площади и фанерные фонтаны, холщовые лестницы и дворцы. В бутафорском искусстве эта дорога была исхожена вдоль и поперек — почти всякая декорация несла подобные мотивы, но до Гонзаги спектакль разыгрывался **рядом** с воспроизведением прекрасной архитектуры, теперь же

действие стало от нее неотделимо. И такую неотделимость уже предвосхищал занавес: он всегда указывал на исторический и географический фон ожидаемых событий, заставлял настроиться на их тон и вдохнуть их воздух.

Обычно на занавесе предстал туманный Рим, поскольку Гонзага тяготел к классике, но то вздымался Рим воображаемый, выдавая, что автор его еще и страстный романтик. Занавес был как бы вуалью, вуаль поднималась, и город уже начинал ощущаться совсем живым — и своими камнями, и своим небом. Рим буколических персонажей Дегтярева, заполненный музыкой Люлли или оперой «с хорами, полетами, превращениями и танцами «Сандрильоной» — то есть той чудесной сказкой, какую теперь мы знаем под именем «Золушки». Это было фантазмагорично, но это было и чрезвычайно зрелищно.

Оптическим фокусам в живописи Гонзага обучился у виртуозов венецианской ведуты, всемирно известных Гварди и Белотто, внося, однако, в традиционные живописные перспективы свой сценический вариант и начав еще в молодости с того, что на занавесе миланского театра изобразил миланский же театр, его скопировав, вычертив, раскрасив буквально «под натуру», и зрители на первом представлении пребывали несколько мгновений «в раздумчивом изумлении, породившем глубокое молчание. Один спрашивал другого: где мы — внутри здания или снаружи? Все долго занималось тем, что распознавали и называли знакомые предметы, — потом разразились аплодисментами».

Время Гонзаги — время оаций бутафорству, и пройдет больше столетия прежде, чем зал снова разразится ими в адрес театрального художника: это будет в 1909 году на премьере знаменитых «Русских сезонов» в Париже, которые неожиданно явили для европейцев «то, что есть лучшего в искусстве в данный момент на свете».

Впрочем, и в пространстве от Гонзаги до Бенуа кое-что было в России. Сам Бенуа вспоминал, как привела его судьба к театру: чуть ли не маниакально им завладело желание оживить впечатления детства — балаганы на Марсовом поле, увиденный однажды на концерте роскошный занавес, где необычайно тонко был выписан фасад Царскосельского дворца, который «во всю свою ширь был виден через арки (никогда не существовавшего) перистилля, в нишах которого в вычурных позах стояли мифологические персонажи. Самый же дворец был изобра-

Александр БАСМАНОВ

ГРАНЬ

из истории
русского
театрального
занавеса

жен блистающим позолотой, как оно и было в действительности в первые годы его существования. Занавес этот принадлежал кисти знаменитого декоратора Роллера и был в своем роде шедевром».

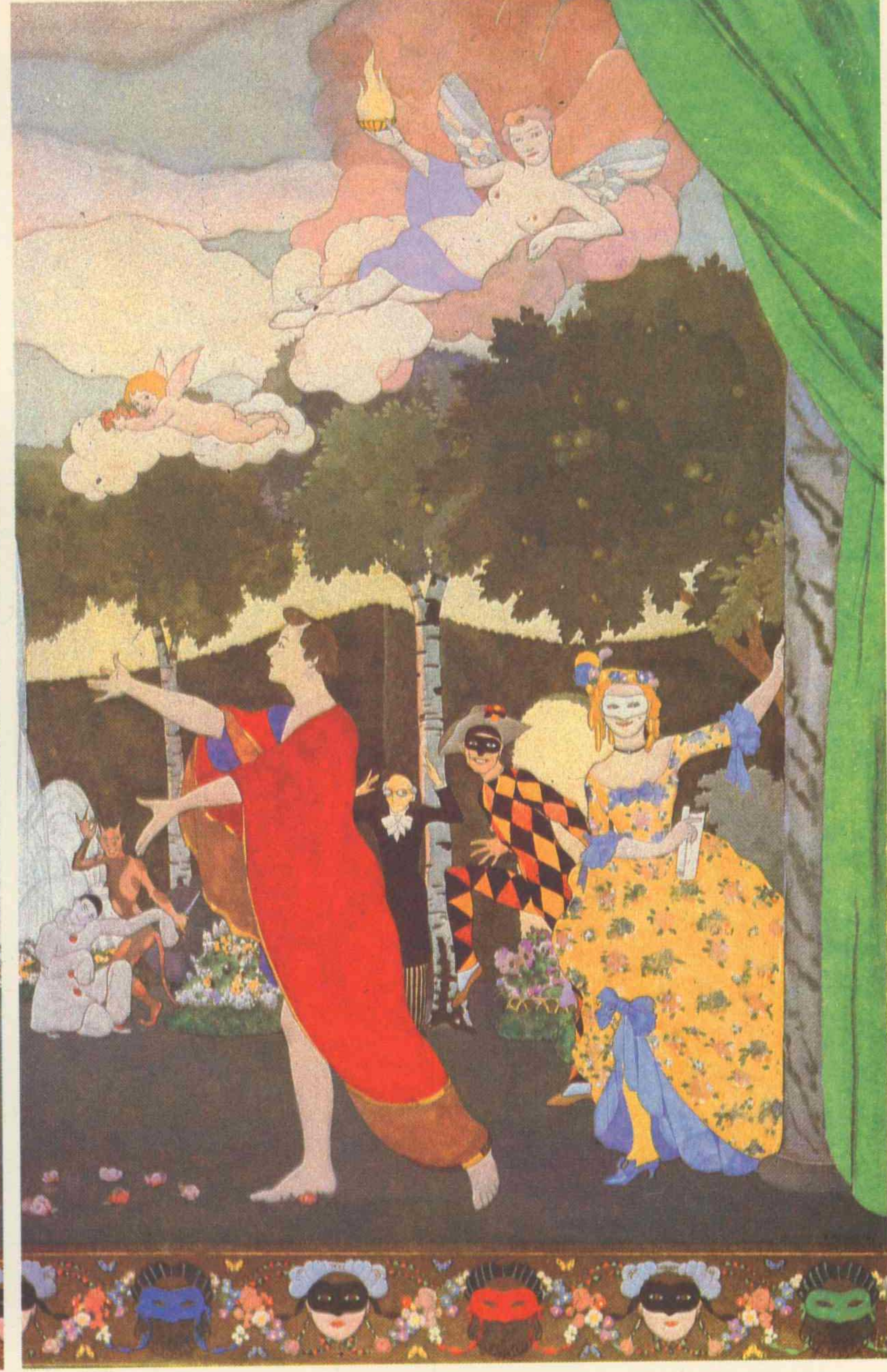
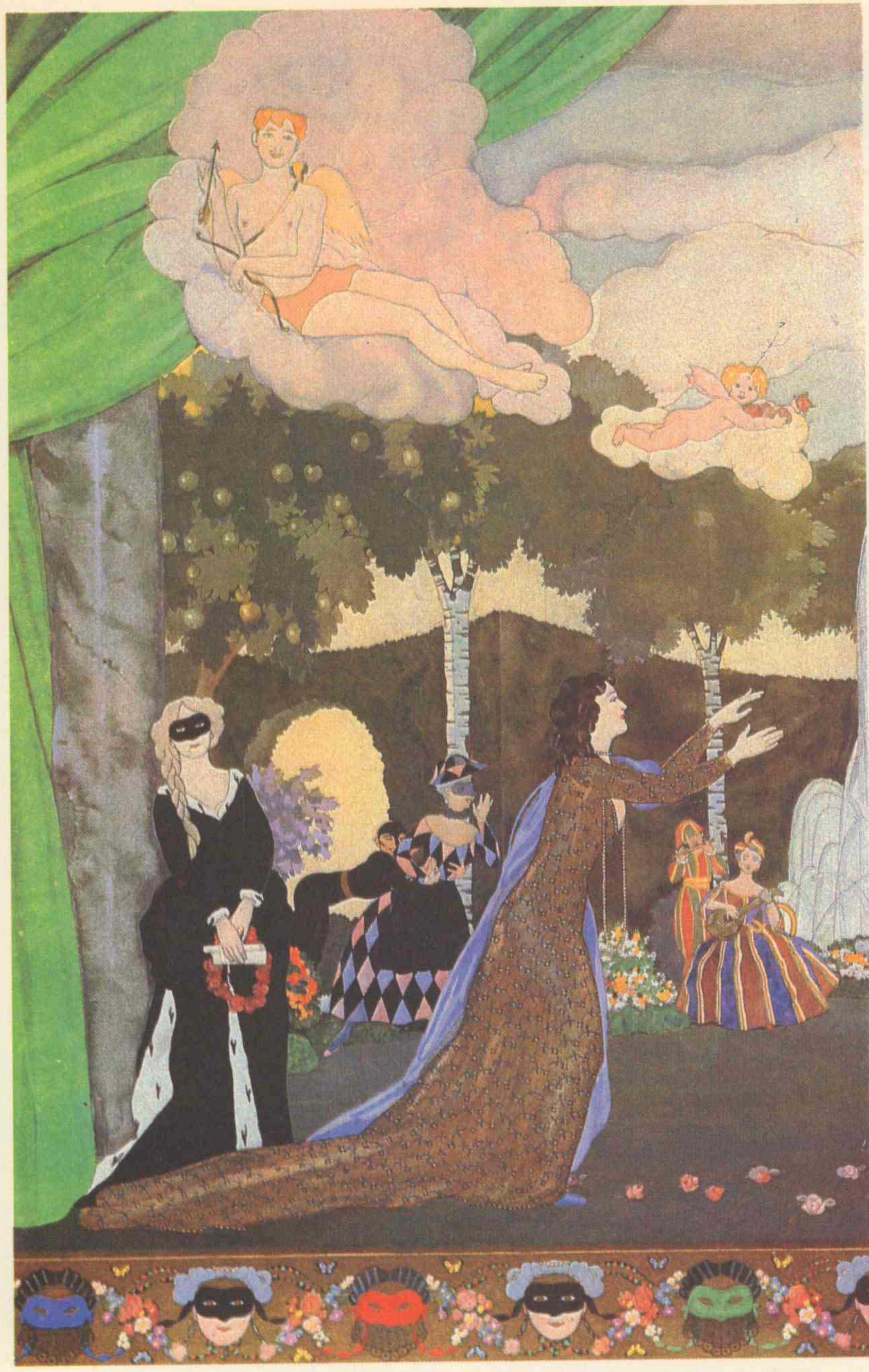
Роллер — выдающийся мастер, и занавесы его — эмблема, некий пароль, предзнаменование и легендарных арабесок Дидло, и божественного голоса Патти, и полетов Истоминой. Как никто, этот человек чувствовал *стиль*, и потому роллеровские задники и занавесы для «Сильфиды» — всегда ландшафт, а его занавес для балетных интермедий XVIII века — почти всегда картины Ватто или Ланкре, и тут — точная заковычка пластических мотивов, поскольку живопись Ватто и Ланкре, в свою очередь, почти всегда впечатления от менюэта, то есть от маскарадного портрета целой эпохи.

Роллер был большой сочинитель занавесов, но с ним успешно спорили и Иванов, и Шарлемань, и Шехтель: этот покров Мариинского театра — голубоватый храм Аполлона, заключенный в увитую розами раму; этот занавес Михайловского театра, изображавший коронование бюста Мольера; наконец, занавес московского Большого театра — в раме «псевдорусского пошиба», внутри которой у стен Кремля народ встречал царя Михаила Федоровича, как бы представляя иллюстрацию заключительного акта оперы, известной ныне как «Иван Сусанин».

Занавес не только определял культуру театра, не только давал очерк театрального профиля, он говорил вообще о солидности культуры, его представлявшей. И потому рубеж веков и первое двадцатилетие века XX — неповторимое время для русской сцены: на ней, украшенной Валентином Серовым, Рерихом, Билибиным, Гончаровой, образ всех искусств.

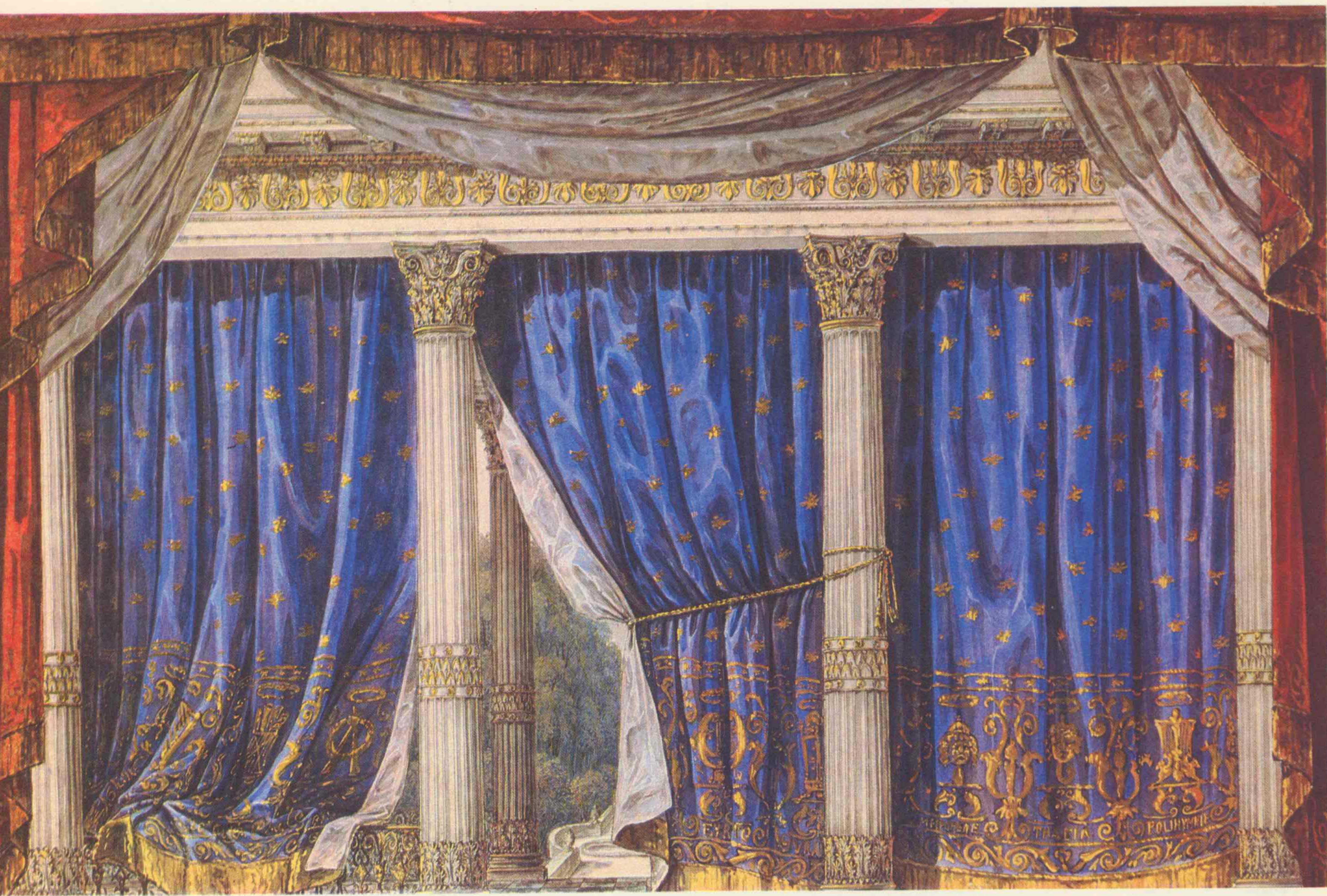
Именно так, соединяя в своем репертуаре музыку, танец, драму, литературу, живопись, родился в 1913 году «Свободный» марджановский театр, и именно в расчете этого соединения решил для него свой занавес Сомов.

К. Сомов. ЗАНАВЕС ДЛЯ «СВОБОДНОГО ТЕАТРА». 1913.

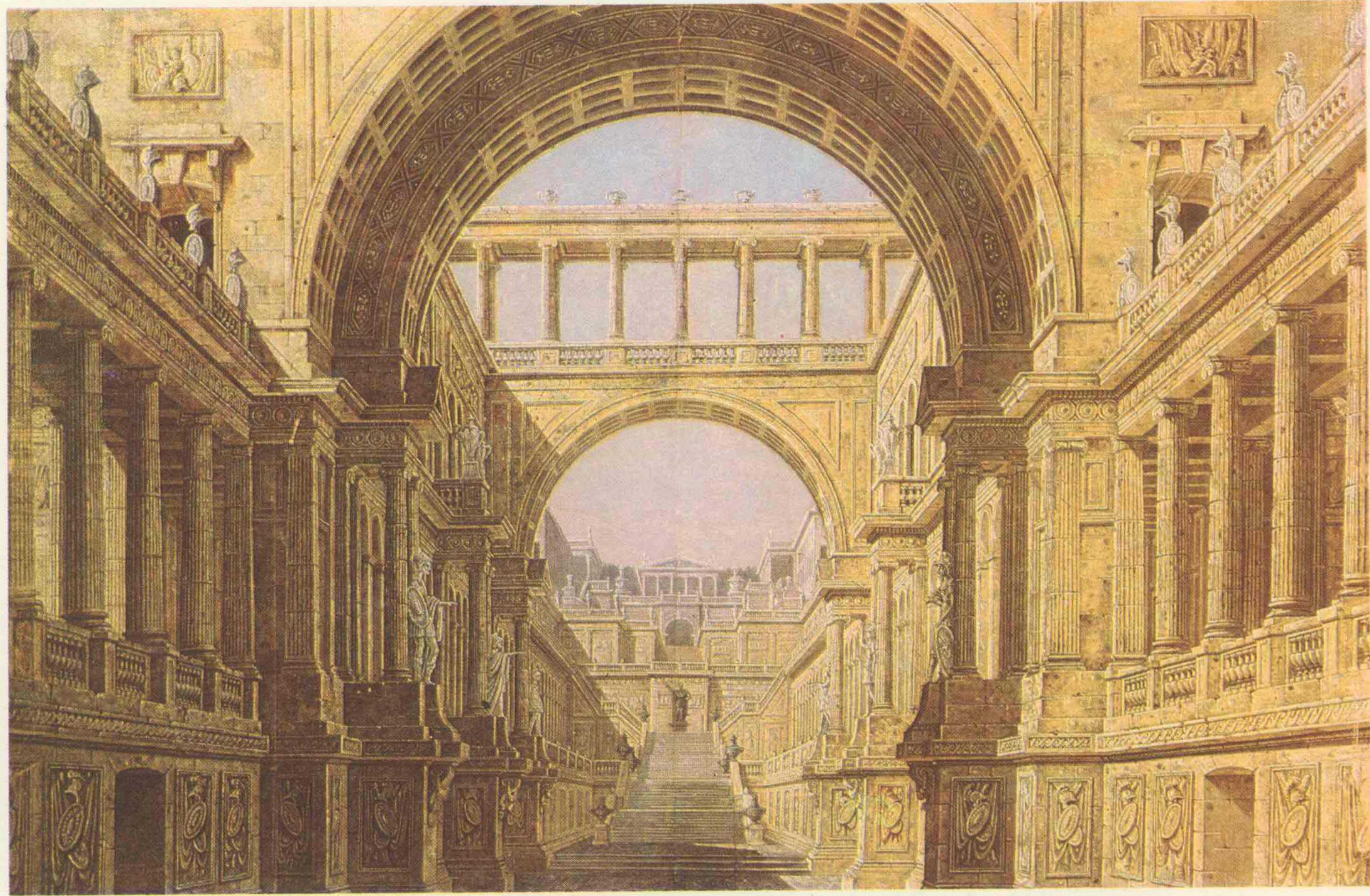
С. Судейкин. «ЖЕНИТЬБА ФИГАРО», 1915.

А. Роллер. ЗАНАВЕС ДЛЯ БОЛЬШОГО ТЕАТРА. Петербург. 1840-е гг.

П. Гонзага. «САНДРИЛЬОНА», 1810-е гг.

Что белеет у фонтана
В серой нежности тумана?
Чей там шепот, чей там вздох?
Сердца раны лишь обманы,
Лишь на вечер те тюрбаны —
И искусствен в гроте мох.

Невероятный всплеск русского искусства в «года глухие», окрашенные мрачными зарницами, в года железа, денег и предчувствий грандиозного катаклизма — до сих пор загадка, до сих пор изумление.

Лучи и ветер, как чудесно сказано, и кто снова вернет их театру? Для того чтобы наступал тот миг, в который торжественно, будто открывая несказанную тайну, эта величественная живописная мантия сцены, эта громада снова и снова вдруг дрогнет и поплывет куда-то вверх, к колосникам, повинуюсь колдовскому слову, извечно, вполголоса и благоговейно произносимому в тени кулис: занавес.

* * *

За белкой гонится куница —
Сумятица и чехарда.

* * *

2. Огонек 49.

ШКОЛЫ ГЛУБИНКИ

перестройка: проверка делом

Владимир
КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

-Б

Более полутысячи школ Хабаровского края, распахнув этой осенью двери, начали третий учебный год под флагом реформы, — явно довольно говорил заместитель заведующего крайоно Александр Николаевич Зеленков. — Как известно, основным вопросом школьной реформы является перестройка трудового воспитания учащихся, — продолжал он, успевая при этом перекладывать страницы то ли доклада, то ли специально заготовленной справки, что-то выискивая в них. — С этого года труд вошел в расписание уроков наравне с общеобразовательными предметами. Сегодня и в городе, и в селе при каждой школе свои мастерские. Из восьми тысяч необходимых рабочих мест на базовых предприятиях мы уже имеем семь тысяч. Предоставляем ученикам возможность выбора профессий, стараемся максимально удовлетворить желание ребят, — зачитывал найденные абзацы Александр Николаевич. — Нелегко это делать в сельских школах, но и там стараемся, кроме традиционных профессий — механизаторов и животноводов, — предоставить школьникам возможность познакомиться с работой операторов узлов связи, продавцов магазинов, специалистов комбинатов бытового обслуживания. В крае за каждой школой закреплено базовое предприятие...

Далее последовал насыщенный цифрами монолог о достижениях и трудностях.

— Если вас интересуют школы наших сел, — завершил статотчет Александр Николаевич, — рекомендую проехать в Некрасовку. Недавно там работала группа журналистов Центрального телевидения.

Прекрасно рассказывает Александр Николаевич. Хозяин кабинета живописал картину школьной реформы в Хабаровском крае красками благополучия и оптимизма, обойдя при этом вопросы школьного строительства, проблемы, волнующие учителей, помехи реформе. Что-то мешало перебраться замзаву на другую волну. И когда я напомнил Александ-

ру Николаевичу об этом, он сразу насторожился:

— Негативное ищите?

— Да нет... Хочу разобраться объективно.

Но Александр Николаевич не верил. Видимо, потому при прощании он не удержался:

— Советую показать материал после написания. Дабы не допустить ошибок...

От Хабаровска до рекомендованной Некрасовки два десятка километров. Село — крупнейший поставщик горожанам свинины, бройлерных цыплят, яиц. Две птицефабрики и откормочный совхоз — предприятия современные, со сложившимися крепкими коллективами. В Некрасовке и торговый центр, и лучший в крае сельский Дом культуры, и прекрасный спортивный комплекс. А школы, хотя и считаются сельскими, живут получше иных городских. Базовые предприятия ежегодно выделяют на их нужды приличные суммы. Здесь есть чему поучиться, есть что показать гостям. Везут в Некрасовку иностранцев, едут делегации учителей из других районов и городов, навещают журналисты.

Но я поехал ухабистыми большими в сельскую глубинку — в Дормидонтовку.

...Размеренно, неторопливо плывут по классу слова учительницы. Диктант. Ребяшки склонились над партами. Время от времени то одна, то другая головка поднимается и ненадолго поворачивается к окну. Осень... К холодному стеклу прилип мокрый лист. За окном, рассыпав иней у голых деревьев, уже властвует предзимок. Глянув в окно, учительница Татьяна Николаевна Баранник вздрагивает, стягивает ворот вязаной кофты. Знобит даже при мысли о холоде: в минувшие годы так намерзались!..

Накануне вместе с Татьяной Николаевной побывали мы в доме, что построен двадцать лет назад специально для учителей Дормидонтовской средней школы. Внешне дом как дом — стандартный проект шестнадцатиквартирной двухэтажки, какими заставлены центральные усадьбы дальневосточных деревень. Считается, что дом со всеми удобствами. А на деле о водоснабжении, канализации и мечтать тут перестали. Правда, отопление еще подает признаки жизни, хотя зимой температура в комнатах не поднимается выше восьми-девяти градусов. Пришлось жильцам в крохотных кухнях соорудить печи, расширить дверные проемы, чтобы тепло в комнаты попадало. Понятно, печи в тайне содержатся. Пожарные узнают — сравнивают с кухонным полом. Вода в квартиры подается не по трубам. Дважды в неделю ее привозят машиной. И бегут на большие переменах учителя растаскивать по квартирам баки и фляги с улицы на этажи.

— Куда мы только не обращались, — сетовали педагоги. — Знают о наших бедах и депутаты, и руководители района, знают и читатели «Учительской газеты». Теми же «болезнями», что и дом учителей, страдает и школа. Там тоже не работает канализация и тоже не хватает тепла. В морозы дети

сидят за парты в пальто! Появилась была надежда, когда за школой закрепили базовое предприятие, да тут же и погасла.

КАКОВА ЖЕ БАЗА БАЗОВОГО!

С этим вопросом вхожу в кабинет директора Дормидонтовского лесозавода. Валерий Александрович Сульдин — местный житель, и школьные беды ему знакомы буквально с парты.

— Да, «удобства» школы сам испытал, пять лет в ней проучился. И очень хотели мы, став базовым предприятием, хоть чем-нибудь помочь, но, к сожалению, не получается. Во-первых, утеряна строительная документация. И со дня открытия школу капитально не ремонтировали. Да и сделать ремонт сегодня силами завода мы не в состоянии. Это во-вторых. Наше предприятие убыточное. И те четыре-пять тысяч, что перечисляем ежегодно на нужды школы, изыскиваем с большим трудом.

Безусловно, мощному заводу или хозяйству-миллионеру содержать школу легко. А каково нам? Вот и получается, что в районе одним ребятам повезло, а другим, увы, нет. Может быть, разумнее объединять средства базовых предприятий и создавать фонд хотя бы в масштабах района.

Теперь о занятиях в цехах нашего завода. Трижды в неделю к нам приходят старшеклассники. Их встречает заводской мастер и ведет в цех деревообработки. Выбор специальностей невелик — станочник деревообработки. Но название, мягко говоря, неточное, поскольку все сводится к распилу досок по размерам. Посылая к нам школьников, никто не спрашивал, нравится им пилить доски или нет. Так вот и получают наши дети первые уроки формализма.

Время перемены требует более взыскательного подхода к самому важному аспекту школьной реформы. Надо начинать с нас, взрослых. С производственников, учителей и обязательно родителей. Кто, если не отец с матерью знают наклонности и способности своего ребенка? Почему бы отцу, который работает электриком, слесарем, токарем на нашем же заводе, не познакомить сына со своей профессией? И если она мальчишке придется по душе, то почему бы родителю не взять к себе в ученики сына да еще двух-трех его приятелей. Так же могут поступить и закройщица ателье, и продавец магазина.

А пока — что ни выпускник сельской школы, то обладатель свидетельства механизма узкого профиля или оператора машинного доения. Вот и весь набор профессий.

Не знаю, как у других, а у нас в Дормидонтовке все трудовое обучение ввалили на базовое предприятие. Но ведь никто не упразднил отделы народного образования. Обращается к ним директор школы со своими нуждами, его тут же направляют на базовое предприятие. Вот и требует подшефный оплатить наряд рабочих, прислать электрика, залить коток, произвести ремонт. Не выполнишь — жалобы в райком, звонки

первого секретаря: «Почему?» А потому, что наш небольшой завод — единственное предприятие на весь поселок. Конечно, мы стараемся помогать, но не все нам по силам.

...Слушаю директора и думаю: ведь хорошие предложения высказывал он. Но высказывал их мне, а не совместному собранию коммунистов завода и школы. Такого собрания и не было. Между тем оно могло бы решить многие вопросы, унять обиды и организовать дело неформально. Не для отчетности в районо и выше, а с пользой для дела. Прав Валерий Александрович: начинать надо с них — директоров школы и завода.

«ДИРЕКТОРОМ БЫТЬ НЕ ЖЕЛАЮ»

Так и заявила Валентина Петровна Юрьева, исполняющая обязанности директора Тополевской школы. Двадцать лет преподает она русский язык, десять заведовала учебной частью, два года — за директора. И не рада этой должности.

Село Тополево буквально цепляется своими огородами за жилые кварталы Хабаровска. С городом связывает пешая дорожка.

— По ней уходят учителя, — заметно волнуясь, говорит Валентина Петровна. — Вот подписала обходной Забелову. Не смогли обеспечить жильем. Из сорока преподавателей школы десять стоят в очереди на квартиру. Скажем, завуч Галина Ивановна Когут с мужем и двумя детьми живет в девятиметровой комнатке. Можно ли в таких условиях готовиться к урокам? И, знаете, за что обидно? За должность свою, за то, что помочь не в силах. Товарищ Зеленков любит повторять: «Директор — учитель учителей». А в жизни директор — это снабженец, хозяйственник, а потом уж учитель. Если останется время на педагогику.

Судите сами. Сегодня в нашей средней школе 720 учеников, а она рассчитана на 320 мест. Не вдруг, не в один год переросли мы себя на четвереста человек. О том, что школа мала, говорили давно. Еще в 1979 году проектировщики разработали документацию на пристройку. Через три года появились на школьном дворе первые строители, соорудили фундамент и затишли. Во время очередного наскока возвели стены без потолков. Испытание временем и морозами они не выдержали — потрескались. Сегодня строители вынуждены каждую стенку опоясывать металлическим поясом. Стягивают и замазывают. А мне страшно детей туда пускать: вдруг не выдержат?

Директор за все в ответе. А что же базовое предприятие? Помочь готовы, но не могут. Не повезло нам с базовым: из пяти предпринимателей, разместившихся в Тополеве, нас закрепили за самым слабым. Завидую тем школам, у которых сильные и заботливые шефы, где производственники видят в школьниках свою смену. Ничего подобного не скажешь о нашей агропромтехрембазе. И ребята это чувствуют. Не нуждается в наших выпускниках и совхоз имени Ленина. Иначе не прервали бы занятия с десятиклассниками.

Обращалась я во все инстанции и везде слышала только обещания. А почему нельзя сделать так, чтобы все пять тополевских предприятий по-настоящему помогали школе?

КРУПНЫЕ МЕЛОЧИ

Следующая встреча состоялась в крохотной учительской маленькой школы далекого села. Я беседовал с самым молодым, пожалуй, директором. Сергею Ивановичу Ерофееву двадцать четыре года. В Капитоновку приехал по распределению из Хабаровского педагогического института. Зная английский язык, он мог остаться переводчиком в краевом центре. Но поехал в деревню. Причем в такую, где пять лет не преподавали иностранного. Факт, кстати, не единичный. Многим ребятам из сельской глубинки так и не доводится познакомиться за школьные годы с иностранными языками.

В своей школе молодой директор пытается выправить положение. Ведет английский во всех старших классах. А заодно взял и уроки физкультуры.

—...Получается замкнутый круг,— говорил он,— маленькая школа — мало учеников, мало учителей. Преподаватели рисования, пения, физкультуры не набирают часов на ставку, значит, и не задерживаются. Сейчас вот мы заговорили о серьезном обучении детей труду. А кто ведет этот предмет в сельской школе? У нас в штате один «трудоулик». Как правило, на эту должность идут мужчины. У него в расписании десять часов. Мальчишек он еще может увлечь. А чему научит девочек? Вождению трактора, ремонту автомобиля, изготовлению табуреток? А как быть с домоводством?

Столкнулся я еще с одной серьезной проблемой — малокомплектные школы. Если в начальных классах меньше пятнадцати учеников, классы объединяются. И с так называемым комплектом занимается один учитель. Ну, прямо как во времена царя Гороха. Программа третьего класса требует двести десять часов, значит, у него ровно наполовину сокращается эта программа. Вот и получается, что мы пытаемся сберечь средства на знания учеников. Такая экономия — плохая экономия.

И становится понятно, почему выпускники сельских школ не рвутся в вузы. А их места в сельскохозяйственном или педагогическом занимает горожанин, которого в селе надолго не удержишь.

Мы говорим о реформе, а у нас остается все по-прежнему. Школа наша строилась в 1968 году как начальная, сейчас восьмилетка. Нет у нас спортзала, мастерских, нет даже буфета. Детей негде да порой и нечем кормить в перерывах.

* * *

Поневоле вспомнилась яркая картина, нарисованная товарищем Зеленковым. После знакомства со школами сельской глубинки стало совершенно очевидно, что его данные приводились по старому, не изжитому еще образцу — по радужным отчетам: все, мол, у нас прекрасно. Но это далеко не так. И потому после написания я не стал показывать материал Александру Николаевичу. Вероятно, по его убеждению, рассказывать о недостатках — это ошибка.

Хабаровск.

Со срочным донесением.

**5 ДЕКАБРЯ — 45 ЛЕТ
СО ДНЯ НАЧАЛА
КОНТРАСТУПЛЕНИЯ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ПОД МОСКВОЙ**

**ОЛЕГ ШМЕЛЕВ,
участник
Великой Отечественной войны,
фото военного корреспондента
МИХАИЛА САВИНА**

ВОСХОД В ДЕКАБРЕ

Из обращения немецкого командования в канун Московской битвы:

«Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдитесь по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

Обращение командования было услышано солдатами.

Рядовой Христиан Хельцер — своему отцу Георгу Хельцеру в Германию:

«Когда вы получите это письмо, русские будут разбиты, мы будем уже в Москве, про-

маршируем по Красной площади. Мне и во сне не снилось, что я увижу столько стран. Надеюсь, что буду присутствовать и на параде наших войск в Англии».

Из дневника Германа Кейльвитца:

«5 октября. Пьяным ходил в атаку. Я хотел убивать. Я бежал и стрелял...»

6 октября. Консервы и водка. Я хочу крови, море крови, все равно чьей».

Молодым людям, живущим ныне в Солнечногорске и Яхроме, невозможно себе представить, что на улицах, по которым они ходят, рвались снаряды, свистели пули, падали убитые бойцы. Москвичам трудно поверить, что

Химки были огневой позицией, с которой пушки стреляли по врагу. И сколько трагического и героического смысла заключает в себе тот факт, что в могиле Неизвестного солдата у стен Кремля лежит прах бойца, погибшего на 41-м километре Ленинградского шоссе...

Сегодняшние молодые люди могут спросить: как же допустили врага до Москвы! Нужно помнить: гитлеровцы считали свои вооруженные силы самой сильной армией всех времен и народов, и это действительно было так в июне 1941-го. Необходимо лишь добавить: она была и беспощадной. «У тебя нет сердца и нервов. На войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай!.. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец: как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном, о

фюрере, и ты победишь! Тебя не возьмут ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир». Не более и не менее... Это слова из «Памятки немецкого солдата». С таким напутствием вторглись бронированные полчища вермахта на советскую землю, но их путь на Москву не стал легкой прогулкой. Он усеян могильными крестами.

Для штурма Москвы гитлеровское командование стянуло самые боеспособные части, оборонные войска — 77 дивизий, в том числе 14 танковых, 8 моторизованных, общим числом свыше миллиона человек, 1700 танков, свыше 14 тысяч орудий и минометов, 950 самолетов.

Но был уже не июнь, надвигался декабрь. Пехотинец Фортгаймер 6 декабря писал в Германию свое последнее письмо: «Дорогая жена! Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час

приносит страшные для нас вести... Умоляю тебя, перестань писать мне о шелке и резиновых ботинках, которые я должен привезти тебе из Москвы. Пойми, я погибаю, я умру, я это чувствую». Предчувствия оказались верными. Фортгаймер не успел отправить это письмо.

Их сначала остановили. А 5—6 декабря наши войска перешли в контрнаступление и погнали вспять всю эту железную лавину.

И сегодня хочется задать вопрос: какая иная держава смогла бы за неполных полгода обрести такую силу!

6 июля Уинстон Черчилль предрекал скорое «падение России». Американский генерал Маршалл утверждал: «Советский Союз будет разгромлен минимум в один месяц, максимум в три месяца». А в 23.00 13 декабря 1941 года английская радиостанция Би-би-си начала свою передачу так: «Лондон приветствует город Мо-

Атака.

Саперы старшего сержанта
А. Е. Селикина готовятся к выходу
на задание.

На окраине Тулы.

Фашисты выбиты из Марфина!
Жители потянулись домой.

скву, храбрую Красную Армию, героев Красной авиации. За три месяца вы отбили самый мощный натиск во всей истории войн... Половина мира, затаив дыхание, ожидала исхода. И вот этот исход — победа, победа для Москвы!»

Тут ни убавить, ни прибавить. Жаль только, что не всем хочется помнить собственные справедливые слова и искренние чувства...

Первая стратегическая победа, первый прорыв в еще далекий тогда май 1945-го. Солнце Победы всходило над сражающейся страной.

Впереди еще будут неудачи и отступления, но всему миру стало ясно: планы Гитлера провалились, и ничто не может остановить армии Советского Союза.

Нас ждут и другие славные 45-летия. Сталинград, Курская дуга, Белоруссия и дальше, дальше... Но мы никогда не забудем, что отсчет этот идет от Москвы.

КАКОЙ ХАРАКТЕР У НИКОЛАЯ ТРАВКИНА?

Начало на стр. 1

фии, или: «Это все слюни, не пишите»... Не знаю, как насчет так называемых «стриптизов», но поначалу в своей жизни он совершил немало зигзагов...

После школы — физмат педагогического института. Сельский учитель математики. Служба в армии. Затем Красногорский механический завод. Шлифовщик-полировщик. Но там не нашел себя. Гидромонтаж, сварщик. И, наконец, Мособлсельстрой. Вернулся, так сказать, к исходной позиции: еще в Шаховской средней школе получил он второй разряд каменщика и очень тем гордился.

К тому времени, когда я с ним познакомилась, а произошло это при обстоятельствах неординарных, прямо в редакции (в 1981 году журнал «Огонек» и ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов проводили совещание по бригадному подряду), Травкин уже был известным в Подмосковье бригадиром. И не просто бригадиром, а и прорабом («через черточку», — как он откомендовал себя). Коллектив в 53 человека, им руководимый, работал на подряде, нацеленном на конечную продукцию, начинал с «нуля», сдавал «под ключ» раньше срока и с высоким качеством. Заработную плату распределял совет бригады, который менялся каждые полгода, по коэффициенту трудового участия.

На то совещание в редакцию съехались вожак рабочих коллективов с горячих точек страны. Нижневартовск и Старый Оскол, Усть-Кут и КамАЗ, Кузбасс и Волгоград. Не смущаясь нацеленных на них камер операторов Центрального телевидения, бригадиры аргументированно, с конкретными цифрами и фактами обращались к руководителям Госкомитетов и министерств, находившимся в зале. Говорили о просчетах в планировании и материально-техническом обеспечении. Травкин был активнее всех. Он тогда, в частности, говорил:

— В нашей бригаде вместе со мной три специалиста. Первый — мастер-комплектующий. Он на окладе, но будем доплачивать ему из премий, — быстро, четко отчетливым голосом. — Жизненно важной стала для нас подготовка коммуникаций — значит, еще один мастер на тех же условиях. А как же иначе? И я, бригадир-прораб. Мои заработки целиком зависели от деятельности бригады, пока не вмешались сверху. Теперь, как бы хорошо ни работала бригада, я получу только оклад. Считаю, если специалисты и не входят в состав бригады, они тоже должны участвовать в распределении премий.

Решительно взмахнул рукой, поправил хохолок на макушке, сел. По его категоричному тону чувствовалось, что этот молодой человек крутого нрава и добьется того, чего хочет, хотя его рассуждения не всем были понятны: как это так, чтобы инженер был в бригаде?

Но Травкин добился! Когда почти через три года я приехала в Шаховскую, меня встречал уже не бригадир-прораб Травкин, а начальник передвижной механизированной колонны ПМК-96 Николай Ильич Травкин. Начальник генподрядной организации совершенно нового типа. Она, как и бригада, работала по-прежнему на конечную продукцию, по одному наряду. Эксперимент? Да, эксперимент, и огромного риска. Московский обком КПСС поддержал эту идею. Травкин стал начальником новой ПМК, получившей номер 96. Бразды правления бригадой он передал Виктору Макарову, человеку со средним техническим образованием, мастеру, пользовавшемуся авторитетом среди рабочих.

В 1984 году выработка на одного работающего в новой колонне превысила среднюю по главку более чем в два раза!

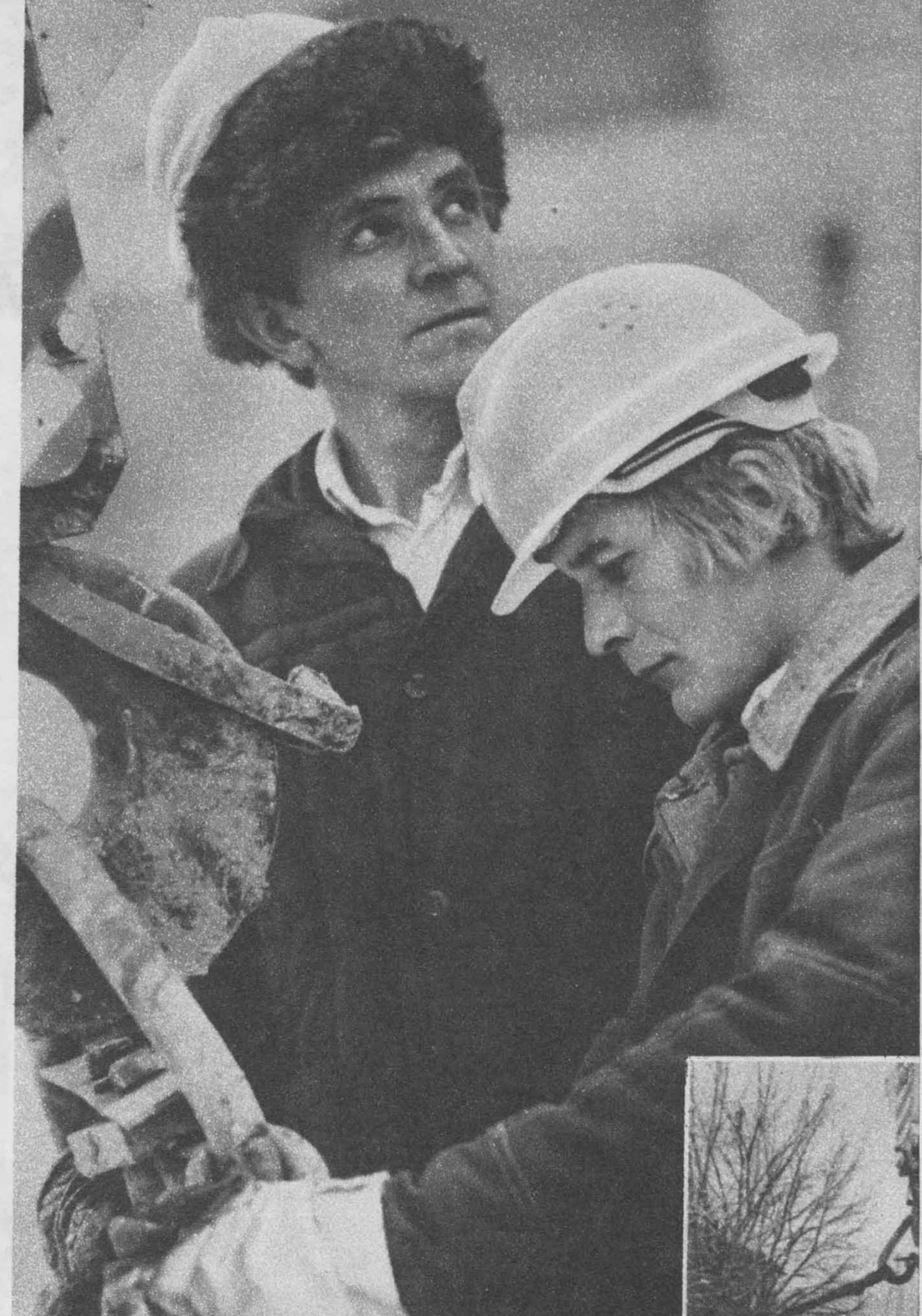
Помнится, тогда я поехала в Муриково, в котором некогда учительствовал юный Травкин, видела, как оно хорошеет и молодеет, обретая новенькие аккуратные дома, построенные рабочими 96-й. В одном месте каменщики вели кладку стен, в другом хозяйничали веселые отделочники. Работа спорилась.

Я заинтересовалась: а как же с линейными инженерами и вообще со всеми остальными и обслуживающим персоналом? Они по-прежнему только на окладах?

— Заработок каждого — от уборщицы до начальника — из общего, как говорят, котла, напрямую зависит от конечного результата на стройплощадке, от ввода объектов, от премии, которая будет. То есть от успеха всего нашего коллектива, мы же на коллективном подряде. Зарплата с премией распределяется на общем собрании в звене по КТУ. Если меньше единицы — утверждается на хозяйственном совете. Линейные инженеры могут получить надбавку до половины своего оклада. Но бывает, и меньше оклада. Нарушений тут никаких нет. Одиннадцатая статья Закона о трудовых коллективах расширяет права по совершенствованию оплаты.

...Кончалось лето 1984 года. Длительный эксперимент полностью оправдал себя. Пример 96-й ПМК показал, что надо как можно быстрее распространить принципы коллективного подряда на все остальные подразделения треста. Это будет первый шаг. А затем совершить и второй: перевести на коллективный подряд весь трест. Да, именно так: весь трест! Расчет был на то, что хозяйственные советы станут тем рычагом, который поможет взломать установившийся порядок, инерцию и пассивность, и выведет убыточно существующую строительную организацию из прорыва.

Само собой напрашивалось, что во главе треста должен стать человек, уже обретший опыт в этих делах, энергичный и решительный, а самое главное — глубоко убе-

денный, уверовавший в силу коллективного подряда. Так кто же? Такой вопрос и не возникал. Конечно, Николай Ильич Травкин! Его же самого в первое мгновение просто-напросто оторвать взяла. Отказывался. Пугали масштабы предстоящего и ответственность. Там, в Шаховской, все было ясно: двести человек, которых знаешь не только по имени, а кто на что способен. Тут более двух тысяч. Там относительно все близко: в одном районе. Тут три района, самых глубинных и больших в северо-западной части области и не самых одаренных природой — леса, болота и подзолы, — Волоколамский, Лотошинский и Шаховской. Объекты не только в колхозах и совхозах, но и в городе и райцентрах.

К тому же неприкрытое нежелание некоторых специалистов и руководителей переходить на коллективный подряд.

Подавали заявления. Не уговаривал. Уходили.

Все было... Шел по коридору в главке. А вслед ему от стоящих в сторонке: «Вон этот бригадир-выскочка. Посмотрим, как через пару месяцев он вылетит в трубу!» Будто кипятком обдали его. Обида, нахлынувшая волной, злость, упрямство — все перемешалось, вскипело. Не обернулся, ни звука в ответ, будто оглох, не слышал. Только напрягся, вскинул голову, толкнул дверь на улицу. Какой вдруг тяжелой и неподатливой показалась ему тогда та дверь!

Стропальщики
Н. Емелин
и Ю. Мареев.

Будет
еще один
детский сад.

Все было... И единомышленники, и соратники. Были и есть. И их становится все больше.

Галина Евгеньевна Соколова, нынешний секретарь парткома, например. Когда Травкина назначили управляющим трестом, она была председателем объединенного профкома. Но знала его давно и поддерживала, когда тот был еще начальником ПМК. Соколова ценила в нем принципиальность, требовательность, особенно жесткую, когда речь заходила о трудовой дисциплине, отношении к работе, порученному делу. Николай Викторович Чернов, заместитель управляющего по общим вопросам. Он и не думал уходить, сразу остался. Как работала, так и работает Лариса Васильевна Пинаева, начальник планового отдела, хотя объемы строительства возросли. А Иван Владимирович Тревогин, заместитель управляющего по

производству, пришел при Травкине, раньше такой должности не существовало. И Ирина Викторовна Леонтьева, заместитель управляющего по экономике, тоже пришла при Травкине и именно потому, что работала с ним раньше в одной ПМК, еще в 287-й, где по окончании Владимирского политехнического была мастером, потом в его же знаменитой 96-й ПМК. Занималась там подготовкой производства. В ее руках, можно сказать, сейчас все доходы и расходы, прибыли и потери — та самая экономическая политика, от которой во многом зависит, как поплывет их корабль. А плывет он совсем не плохо, на большой глубине.

Итоги первого же, 1985 года такие: на 20 процентов возросла производительность труда, зарплата — на 11 процентов. В полтора раза больше, чем в предыдущем, сдано было товарной строительной продукции. Значительно снизилась себестоимость. В прошлом планово-убыточный трест получил почти полтора миллиона рублей балансовой прибыли. Нет, не вылетел в трубу Николай Травкин, как ему пророчили! В этом году, скажем, забегая вперед, волоколамцы намерены удвоить прибыль.

— Мы все время изыскиваем резервы, — говорит Леонтьева, — освобождаемся от лишних должностей. Совершенствуем структуру треста. В прошлом году объединили несколько ПМК, они стали

замы тоже молодые специалисты: Сергею Миленину 26 лет, главному инженеру Андрею Яковлеву тоже 26. На днях главным инженером всего треста утвержден воспитанник Курского политехнического института Александр Ильич Лянцев, ему нет еще и тридцати.

Кстати, и сама Леонтьева, и Соколова — тоже представители молодого поколения волоколамских строителей. Обе только-только разменяли четвертый десяток. И это уже не совпадение, а целенаправленная кадровая политика управляющего, который доверяет молодым, смело выдвигает их и на них опирается. Да и сам Травкин ненамного опередил коллег и по своему начальственному стажу, и по абсолютному возрасту: в этом году перешагнул сорокалетие.

Вот какую информацию я получила, побывав недавно в тресте № 18. Травкина не застала, был где-то на объектах. Третья с ним встреча, как и при нашем знакомстве, произошла прилюдно. И где?! В сверкающем хрустальными люстрами Колонном зале. Ученые обсуждали научные проблемы управления экономикой. Вспоминаю и вижу во втором ряду президиума знакомый профиль. Он!

Председательствующий назвал его фамилию. Травкин поднялся, подошел к микрофону, и стало заметно, какой он высокий и тонкий. Помолчал, собираясь с мысля-

состава. Возглавляет совет первое административное лицо. Через полгода перевыборы с тем, чтобы за это время каждый прошел эту школу самоуправления, мог принять участие в решении производственных вопросов, социальных проблем и распределении заработка. Каждый таким образом, защищая свои интересы и интересы своего звена или бригады, защищает интересы коллектива, а значит, и общества.

Через несколько дней в Волоколамске заседал хозяйственный совет треста. Обширный кабинет управляющего напоминал аудиторию вуза: столы, тетради, ручки. Много молодых лиц. Травкин стоял у громадной школьной доски с мелком в руках. Он быстро набрасывал столбцы цифр, сравнивал, убеждал. И был похож на... строгого, но задорного математика, доказывающего теорему. С его легкой руки — первую доску он вселил в деловой кабинет, еще будучи начальником ПМК-96, — школьный атрибут распространился повсеместно. Это же удобно, особенно когда просчитываются доходы и расходы, штрафы, суммы взысканий за срыв графика, низкое качество работы, несдача объектов в срок. Секретов тут нет, каждому все видно. Что-то непонятно? Тут же пояснят. Ошибка? Пристально следящие немедленно поправят...

А сейчас тут, на хозсовете, подводят итоги соревнования за минувший месяц, делят фонд зарплаты между подразделениями. Спрос суровый. Иначе нельзя. С 1 июля 1986 года трест № 18 первым в стране из строительных предприятий перешел на полный хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Это значит, что капитальные вложения на техническое перевооружение, жилищное, культурно-бытовое строительство будут теперь направляться не «сверху», а зарабатывать трудовым коллективом. У треста всего три плановых показателя: ввод объектов в эксплуатацию, прибыль, соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы. Вот об этих показателях и шла речь на очередном заседании хозсовета треста.

...Сдаточные объекты. Их немало. Одной только ПМК-287, где Равиль Сайфуллин, до нового года надо закончить Дом культуры, производственный центр в совхозе «Львовский» с детсадом, чайной, медпунктом и жилой зоной, многоквартирные и многоквартирные дома в нескольких колхозах и совхозах, химчистку — в общем, девять вводных объектов. Дорог не то что каждый день — каждый час. Вот управляющий и нажимает. Спрашивает, как используется техника, сколько участков переведено на двухсменную и трехсменную работу. Травкин знает, чего хочет, что надо сделать, и добивается этого неукооснительно.

...Прибыль. Тут полное благополучие: на счете больше трех миллионов рублей. Вот вам и взрывной эффект подряда! Но и потребности растут. Нужно строить и для себя — детский сад, жилые дома.

...Рост производительности труда и зарплата. С нового года вводятся новые тарифы, ставки, оклады. Трест предусмотрительно заранее принял меры по сокращению управленческого аппарата с тем, чтобы сохранить на том же уровне фонд зарплаты.

Я смотрела на Травкина, слушала Травкина. Дивилась тому, как много успел, как далеко ушел управляющий от бригадира. Об этом и текла беседа, но уже в домашней обстановке.

Живет Николай Ильич в центре Волоколамска, в длинном доме, прозванном «чулком».

Был воскресный день, я приехала раньше условленного времени, и хозяин дома отсутствовал. Еще не вернулся из Шаховской, где навещал стариков родителей. В квартире еще недообставленные комнаты. Гостиная полупустая. Стенка, два кресла, телевизор и сиротливо торчащая под потолком лампочка без абажура.

— Все некогда, — смущенно объясняет жена Николая Ильича Светлана Васильевна, — кроме того, что работаю в школе (она преподаватель английского языка), еще и методист горно. К тому же курсы переподготовки в Москве, а дорога два с половиной часа туда, два с половиной обратно... Живем тут всего два года.

У Травкиных двое ребятшек. Илюша и Миша. Погодки. В самый торжественный для отца день, 3 ноября, когда Николаю Ильичу в Кремле вручали Золотую Звезду, у Миши Травкина тоже был торжественный день: его приняли в пионеры. А теперь вот устался в экран — показывали «Золушку».

Спрашиваю про стариков. Знаю, что такие вопросы очень не любит Травкин. Между тем родословная такая, что другой бы не скромничал излишне. Илья Иванович всю жизнь прожил в Шаховской, работник райкома партии и райисполкома, очень хорошо разбирается во всех сельскохозяйственных делах. «Он у нас ходячая энциклопедия по этим вопросам», — говорит Светлана Васильевна. — Мария Ильинична, свекровь, всю жизнь учительствовала, преподавала математику. Ну как тут не вспомнить о пристрастии сына... к расчетам.

В доме Травкиных небольшая библиотека, но направленного интереса. Полное собрание сочинений В. И. Ленина, книги и периодические издания по экономике, «ЭКО», «Аргументы и факты»...

— Приходит поздно. Садится за газеты. Просматривает бумаги. А потом за книги. Читает и что-то записывает.

Самообразование — вот ключ к тому, чего успел достичь Николай Травкин, ну а характера и упорства, как мы убедились, ему не занимать.

— Я все ленинские статьи, речи и доклады, касающиеся хозрасчета, начиная с сорок второго тома, перечитал не один раз. Читал и выписывал.

И свел разговор к злободневному.

— Знаете, чего нам не хватает? Самостоятельности. План формируется сверху вниз. До планирования снизу на основе прямых договоров между предприятиями и подрядными организациями, между нами и заказчиками мы еще не дожили. Как же обрадовались, воспрянули духом, когда востановлении ЦК КПСС о работе нашего треста прочитали: «Разрешить... в порядке эксперимента... заключать прямые хозяйственные договоры на выполнение работ для предприятий и организаций и для населения сверх установленного государственного плана». Возьмемся строить и организациям только из их материалов и за их деньги!

работать более стабильно. Со всем недавно состыковали 96-ю и 287-ю ПМК в Шаховской. Да, ту самую, которую создавал Травкин. Тогда, три года назад, 96-я была лабораторией коллективного подряда, она сыграла свою роль, полностью оправдала себя. Это был необходимый шаг. Теперь мы сделали качественный шаг. Он позволил сократить управленческий аппарат персон.

— Кого же назначили начальником объединенной?

— Выбрали Сайфуллина.

— Я не ослышалась — именно выбрали?

— Да, выбрали... На общем собрании, прямым голосованием. Кандидатура была предложена руководством треста. Люди его знают. Четыре года назад Равиль Сайфуллин окончил Московский гидромелиоративный институт. Его

ми и оглядывая переполненный зал.

— Я всегда волнуясь перед выступлением, сегодня нет, — начал он, обретая уверенность. — Тут такая непринужденная обстановка... Я коснусь участия трудовых коллективов в управлении экономикой через хозяйственные советы. Речь не об эксперименте — об опыте, которому уже более трех лет, о логичной трансформации советов бригад на более крупные структурные подразделения. Мы называли эти советы хозяйственными. От коллективного подряда их оторвать нельзя — работать не будут.

Кратко охарактеризовав трест, он подробно остановился на работе хозсоветов. У каждого свои задачи, в зависимости от этого и состав — от 22 до 33 человек. В совете ПМК две трети рабочих, в совете треста — одна четверть его

В отпуск- только зимой

**Андрей СОКОЛОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

ЛЕТИМ НА ПОЖАР

— Лучше бы вы летом приехали. Вот летом у нас пожары, так пожары. Верховые, как ураган идут! Такие, что и не потушишь.— Эти слова мы услышали от парашютистов-пожарных и летчиков, как только приехали во Владивосток, на Приморскую базу авиационной охраны лесов.

Да, летом все действительно гораздо серьезнее. И страшнее, как признают сами пожарные. Но лес горит и сегодня, в конце осени. Поэтому ни на один день не прекращается работа базы и всех ее шестнадцати отделений, что разбросаны по огромному краю.

...«Восьмерка», как попросту называют вертолет Ми-8, оторвавшись от своей стояночной площадки, берет курс в район порта Восточный, где летчики-наблюдатели обнаружили очаг пожара. На борту десант — четверо парашютистов-пожарных: Анатолий Степанчук, Алексей Скокленёв, Александр Журавский, Николай Роднов, а также старший инструктор парашютно-пожарной службы Геннадий Казаченко. Сейчас они без парашютов, высаживаться предстоит на специальном спусковом устройстве. Летим молча. Но не только потому, что рев двигателей позволил бы переговариваться лишь одним способом — кричать друг другу в ухо. Просто каждый в этой группе знает все свои предстоящие действия до мельчайших деталей. Здесь иначе нельзя.

Под нами поросшие лесом сопки. То тут, то там на их осеннем буром фоне разбросаны темно-зеленые островки. Это кедр. Он в этих краях главная порода. Впрочем, точнее сказать, был ею ког-

да-то. И одним из главных виновников сегодняшнего бедственного положения этого дерева-красавца являются именно пожары. Отсюда, с вертолета, отлично видны их следы — проплешины на склонах сопки, будто лапа какого-то гигантского зверя прошла по ним, содрвав всю растительность. Разные они по размерам, эти язвы. Есть совсем небольшие, где огонь удалось «задавить» быстро. Но есть и такие, где человек, похоже, долго был бессилен что-либо сделать...

Минут через сорок полета в кабине ощутили запах дыма. Значит, подлетаем. Проходит еще какое-то время, и вот, когда вертолет переваливает через гребень одной из сопки, под нами открывается картина лесного пожара. Огромное пространство сплошь затянуто белым, словно пар, дымом, а по границе его — ярко-красная полоса огня, на всем своем фронте упорно пожирающая у леса метр за метром. Это так называемый низовой пожар: горит лесная подстилка из опавшей листвы, веток и невысокого сухостоя.

Прежде чем начать высадку, нужно как можно точнее оценить всю обстановку. Поэтому летим дальше, чтобы заглянуть за следующий гребень. Там — такая же картина. В общей сложности насчитываем четыре основных очага пожара. Сделав над ними несколько кругов, вертолет отходит немного в сторону и начинает снижаться. Сесть здесь некуда, мешают кроны деревьев. А пожарных нужно посадить неподалеку от кромки огня, чтобы не пришлось им со всем своим довольно-таки громоздким имуществом, которое сложено в тюках здесь же, в вертолете, совершать многокилометровые переходы по сопкам.

- РАБОТА НЕ ДЛЯ СЛУЧАЙНЫХ ЛЮДЕЙ
- ПАРАШЮТ ИЛИ КРЕСЛО!
- ЭНТУЗИАЗМ ПЛЮС... ПОЧТИ НИЧЕГО
- СПУТНИК И... ЛОПАТА

Подходящее место вскоре найдено, и Ми-8 зависает на высоте около тридцати метров. Выброшен прикрепленный к внешнему кронштейну вертолета капроновый шнур с четырьмя спусковыми устройствами, по одному на каждого из десантников. Геннадий Казаченко, как старший группы, прикрепляет их к специальным кольцам на амуниции, и четверо парней в защитных шлемах и брезентовых комбинезонах один за другим покидают борт. Следом за ними в открытую дверь Геннадий выбрасывает тюки с пожарным снаряжением, палатками и запасом продовольствия, которые мы, оставшиеся в воздухе, подтаскиваем ему из гулко-полутемного чрева вертолета.

— Дело сделано. На сегодня — точка! «Восьмерка» вновь набирает высоту и ложится на обратный курс. Стремительно уменьшаются в размерах и вскоре совсем исчезают из виду четыре человеческие фигурки на склоне сопки.

— А как же ребята? — спрашиваю у Геннадия Казаченко. — Разве сегодня мы не вернемся за ними?

— Нет, конечно. Мы же сами им палатки выбросили. Теперь они будут работать, пока не потушат пожар.

— Сколько времени это может продлиться?

— Дня за три-четыре, думаю, управятся, дело для них обычное. Чем и как тушат пожары в городе, знает каждый. А здесь, в лесу? Как, с помощью каких средств будут бороться с огнем те четверо, что спустились с вертолета у кромки огня и в общем-то на неопределенное время? Но об этом чуть позже.

МАСТЕР

— Вот, видали, бумага-то сколько! И чего тут только нет: приказы, директивы, отчеты, справки, циркуляры... — Александр Ковалев выкладывает на письменный стол содержимое его ящиков. Гроссбухи, папки ложатся одна на другую, образуя сооружение весьма впечатляющих размеров.

И всем этим приходится заниматься каждый день. А полагается, кстати, заполнять только три формы, которые утверждены ЦСУ СССР. Все остальное, — Александр показывает на ту гору, что лежит на столе, — это изобретения, так сказать, местные. Когда же при этом работать-то?

Работать для Александра Ковалева означает прыгать с парашютом и тушить пожары. Он делает это уже тринадцать лет. Этому посвятил свою жизнь. Он старший инструктор парашютно-пожарной службы, главный парашютист Приморской базы. Кстати, когда-то его должность именно так и называлась. Специально привожу этот устаревший и сегодня нигде не применяемый термин, потому что он как нельзя более точно определяет то, чем занимается Александр.

...С этим улыбчивым русоловым богатырем мы познакомились за пару дней до этого разговора. А на следующее утро встретились с Александром в самолете во время его обычного тренировочного прыжка. Резкий зуммер, короткий — какие-то полтора шага — разбег, и, с силой оттолкнувшись, он покинул борт Ан-2. Пока мы сделали несколько разворотов над полем аэродрома и сели, поджидавший нас на земле Александр уже успел сложить парашют, снова приготовив его к работе. «Просто конструкция такая удобная, — улыбаясь, пояснил он, предупреждая наш невольный вопрос «Когда успел?» — «Лесник-2» называется».

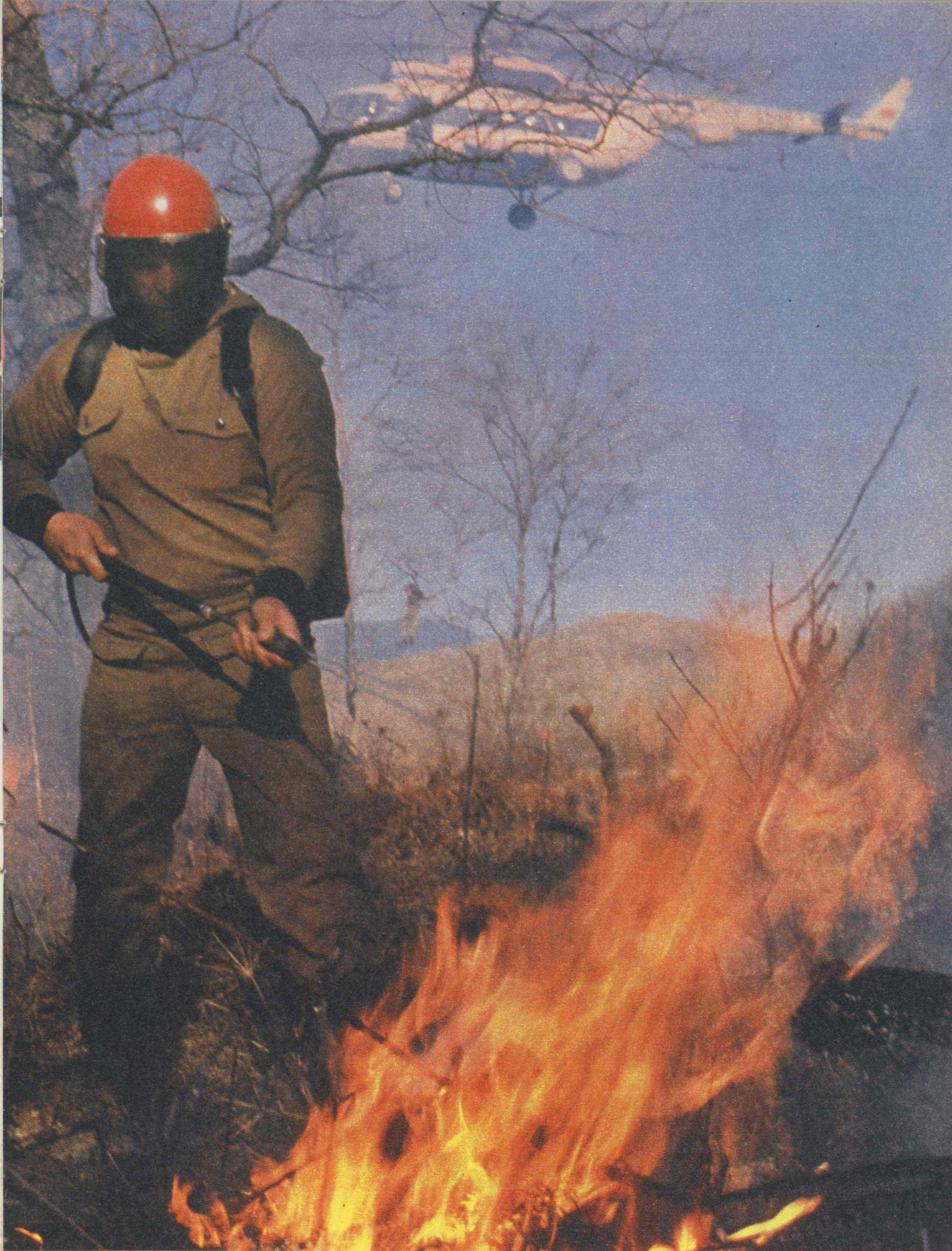
Но дело, конечно, не только в удобстве конструкции парашюта, в испытаниях которого, кстати, принимал участие Александр.

— Сколько у меня прыжков? — переспрашивает он. — Примерно 1200—1400. Точное количество не считал.

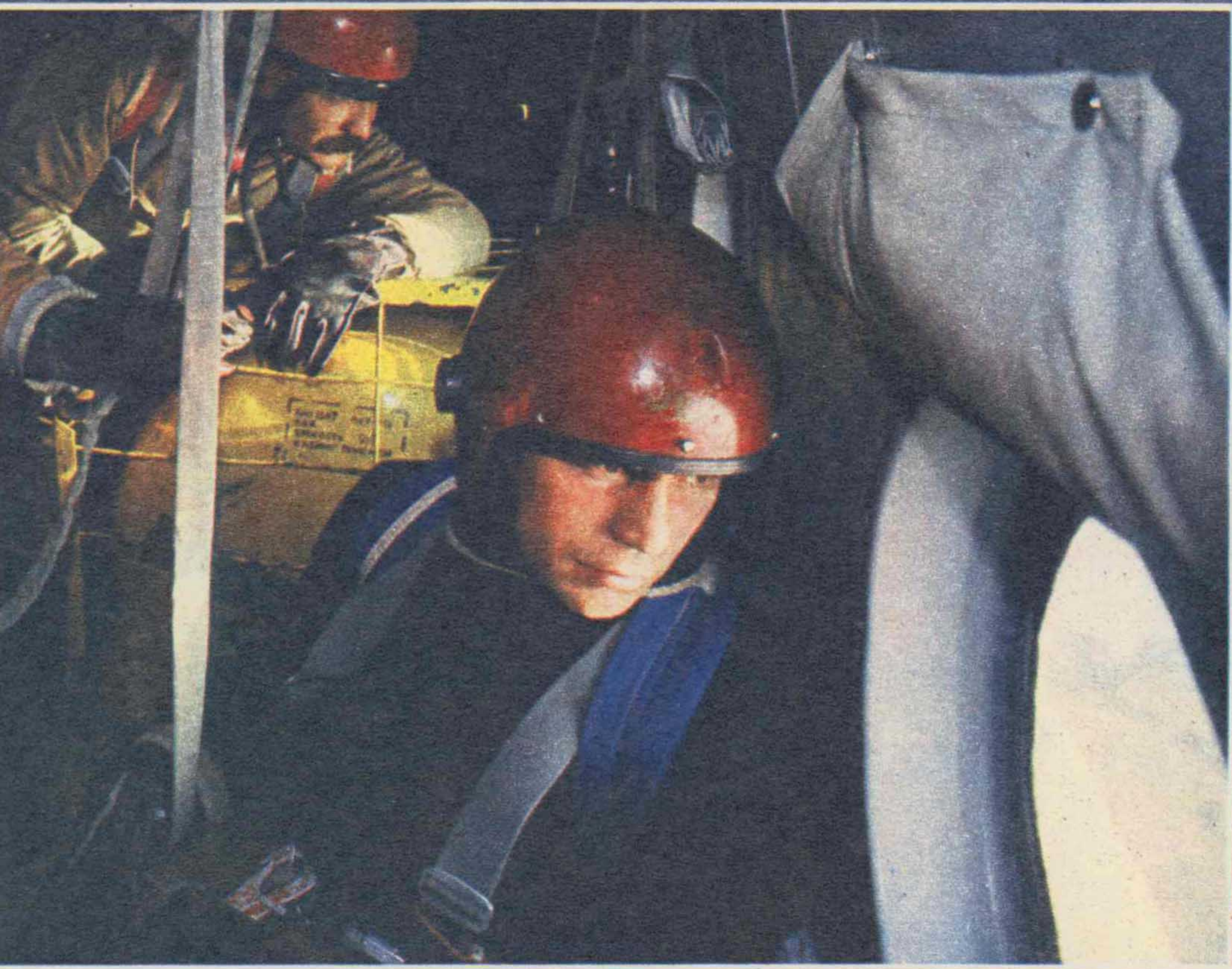
Много трудностей и опасностей выпало на его долю за эту тысячу с лишним прыжков. Много было и пожаров, которые приходилось тушить, и не только в Приморье. В 1977 году, например, за тушение сильных верховых пожаров в Якутии, вместе с рядом других парашютистов Александр был награжден медалью «За отвагу на пожаре».

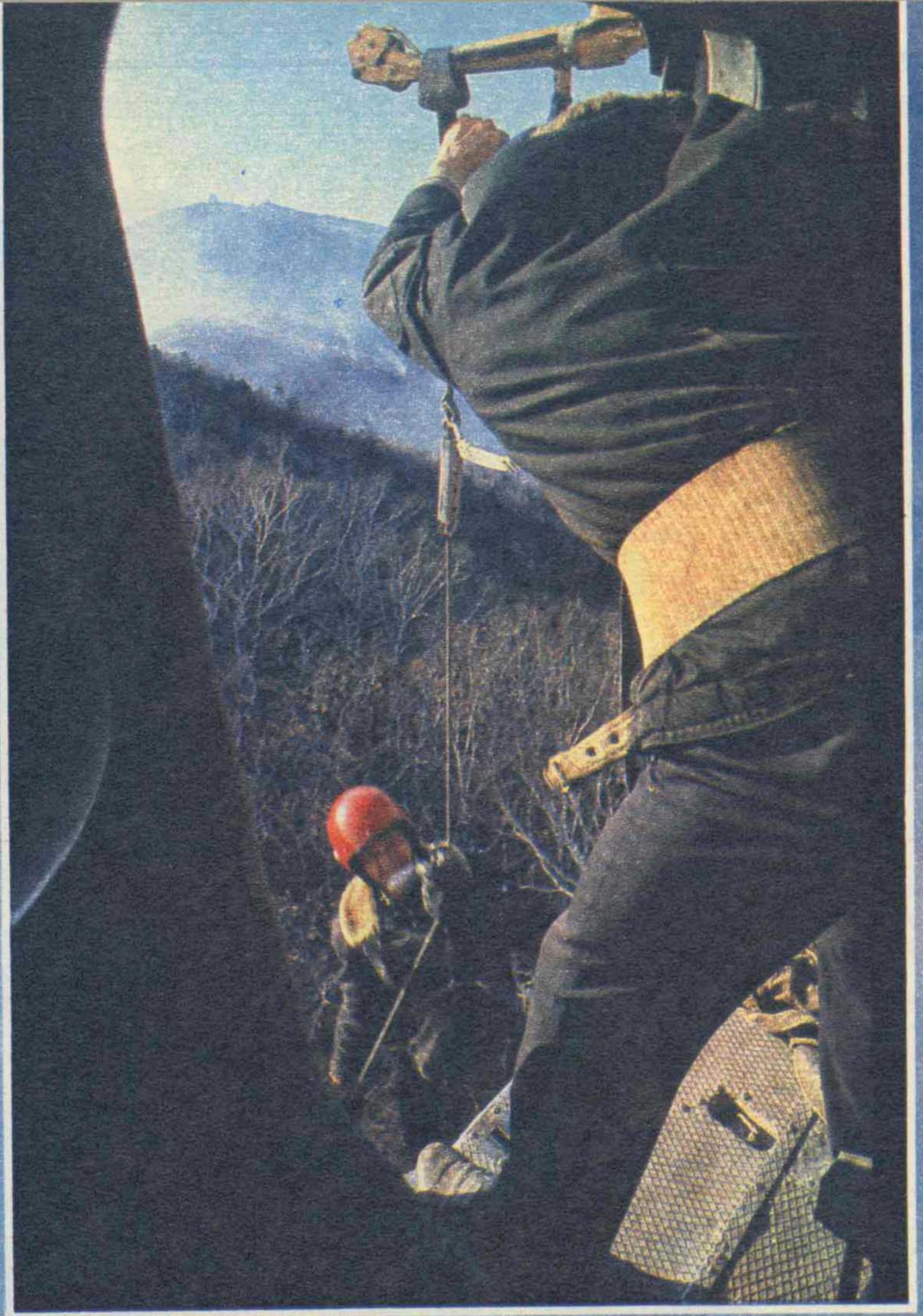
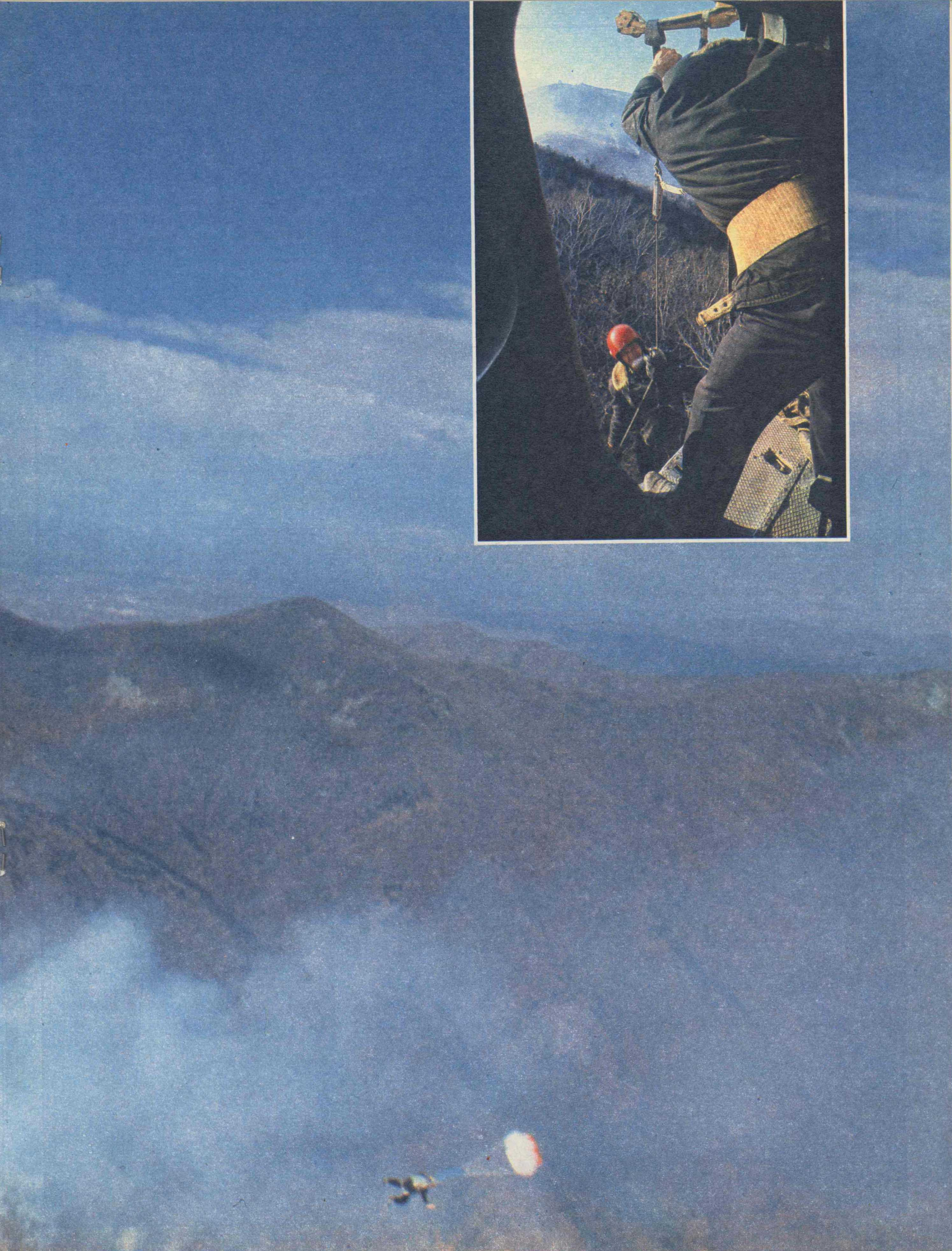
Его рабочий день насыщен до предела. Он готовит к вылету груп-

Продолжение на стр. 18

СЧИТАННЫЕ МИНУТЫ УХОДЯТ НА ТО,
ЧТОБЫ ОПРЕДЕЛИТЬ СКОРОСТЬ
И НАПРАВЛЕНИЕ ВЕТРА,
МЕСТО ВОЗМОЖНОГО ПРИЗЕМЛЕНИЯ ПАРАШЮТИСТОВ...
РАЗВОРОТ, САМОЛЕТ ЛОЖИТСЯ НА БОЕВОЙ КУРС,
И — КОМАНДА «ПОШЕЛИ».
ТАК НАЧИНАЕТСЯ РАБОТА ЛЕСНЫХ ПОЖАРНЫХ.

СПОРЫ
О ЖАННЕ БИЧЕВСКОЙ —
ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ,
О МАНЕРЕ...
НО КТО-ТО СПРОСИЛ:
«ЕСЛИ БЫ НЕ ОНА,
МНОГО БЫ ТЫ ЗНАЛ
СЕГОДНЯ
НАШИХ НАРОДНЫХ
ПЕСЕН!»

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СВЕТЛЫЕ СЛЕЗЫ!

Сергей МАРКОВ

Мы разучились плакать, вот что страшно! — говорила Жанна Бичевская. — Не теми слезами, что рождаются из жалости к себе, мол, бедный я бедный, какие все нехорошие кругом, или что время проходит, а я старею, дурнею. Это все тоже, может быть, достойно человеческих слез, но я говорю о другом, я хочу говорить о другом — о том, чтобы боль ближнего, боль Отечества своего принимать, как свою. Праведные слезы — это ведь очищение, они и задуматься заставят, и вспомнить то, что вроде бы на каждый день не требуется, но без чего жизнь наша в какую-то механическую превращается... Да здравствуют светлые слезы!

Довольно долго я просидел дома у Бичевской, и на прощание она подарила мне свою пластинку, на которой энергичным размашистым почерком написала: «В память о душе-раздирающих размышлениях!» Говорили мы, верней, говорила она, я слушал, и о музыке, конечно, но не только: и об истории русской и нашем к ней отношении, и о русской деревне, и о философии, и о животных, и о том, как воспитывать способность к любви в истинном и единственном смысле этого слова, воспитывать способность к самопожертвованию, патриотизм...

— Патриотизм, его воспитание, — говорила Бичевская, — это не лозунги, которым порой просто не верят, не громкие слова, а может быть, иногда и совсем наоборот — тишина, полная тишина, закат над рекой, лес, пруд, покрытый зеленоватой ряской, запах сена... Патриотизм, не показушный, а истинный, — это сложное чувство. Оно складывается из очень и очень многого. Но основное, мне думается, — истоки, корни наши, осознание корней. Я получаю довольно много писем, среди них много и от бывших фронтовиков...

Фронтовики пишут Бичевской письма, в которых рассказывают часто о том, как ее песни всколыхнули в памяти давно, казалось, забытые, «окопные» ощущения, чувства те, с которыми поднимались в окопы, пусть песни вовсе не о войне — о России.

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождеешься,
Черный ворон, я не твой...

Помню, в семидесятых годах, когда я был студентом, мы с друзьями спорили о Бичевской, о ее манере исполнения:

— Да она поет как Джоан Бааз, от настоящих русских песен только названия остались!

Тогда и в газетах об этом спорили, но вот что, например, написала одна из крупнейших западногерманских газет: «Отлично владея техникой игры на гитаре, Ж. Бичевская поет под собственный аккомпанемент. Манера аккомпанемента, как и манера ее пения, современна и действительно несколько напоминает стиль Джоан Бааз — американской исполнительницы народных песен и песен протеста. Однако это лишь внешнее сходство. Бааз в музыкальном отношении — любитель. Что же ка-

сается Ж. Бичевской, то она, напротив, музыкант-профессионал с отлично поставленным голосом, способным на передачу любой нюансировки. В творчестве Ж. Бичевской привлекают яркая индивидуальность, готовность спорить с привычными эстрадными канонами. И одерживая в этом споре победы, она возвращает эстраде народные основы, исключая нивелировку и заштампованность безликого, общепринятого стиля».

— Если б не она, — продолжается студенческий спор, — много бы ты их знал-то, русских песен? И стал бы ты сейчас здесь вот их петь?

— Ладно вам спорить. Грянем лучше: «Ой, да не ве-чер, да не ве-че-ер, мне ма-лым-ма-ло спа-ло-ось...»

— Нет, ты обожди. Да, она играет и поет вроде бы не совсем так, как мы привыкли... Но главное в песне, особенно в народной, душа, а она жива, мало того, спасена даже, как, например, в «Шумел камыш». Согласен?

Не согласиться было трудно.

Лирическая народная песня, романс воспринимаются всегда очень лично, многое зависит от твоего настроения, от твоих переживаний, воспоминаний. Поэтому, рассказывая о встрече с Бичевской, я и решился привлечь что-то из своей жизни, связанное с ее творчеством. Песня «Шумел камыш» произвела на меня, пожалуй, одно из самых сильных впечатлений в жизни. Так уж совпало. До концерта, на котором я услышал песню, первые ее две строки ассоциировались у меня, как и у десятков миллионов человек, понимающих по-русски, с тем, о чем после Указа и вспоминать негоже, а что там дальше, в этой песне, никто почти и не знал уже. «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночь темная была...» Как она пела на том концерте!

...Одна возлюбленная пара,
Всю ночь гуляла до утра.
По утру пташечки запели,
Уж наступил прощанья час,
Пора настала расставаться,
И слезы полились из глаз...

От этих простых, наивных слов, но спетых с необыкновенной внутренней силой, страстью, подступал к горлу ком, горячий, жесткий, сжимало грудь, и трудно было дышать, и очень хотелось жить, радоваться, любить или вспоминать о любви...

— Веселые песни слушая, — говорила Лидия Андреевна Русланова, — человек отдыхает, грустные — задумывается... Так, может быть, хватит отдыхать! Мы и так уже много лет отдыхаем, если и не телом, то уж сердцем-то, во всяком случае, душой, а ведь душа обязана трудиться. Многие и отдыхать не умеют, разучились, оторвавшись от природы...

Сама Бичевская не отдыхает ни в домах отдыха, ни в санаториях — только «диким» образом, на байдарке по рекам. Впервые она пошла в поход «за песнями», что у нее всегда совмещается с летним отдыхом, во время студенческих каникул и привезла тогда из-под Новочеркасска «Сон Степана Разина». В Каре-

лии восьмидесятилетняя старушка подарила ей песню семьи «Цветик мой», слова которой были выдолблены на обратной стороне иконы XVII века. С Дона привезла пятнадцать вариантов «Донской баллады». Мещера, деревни Калужской, Рязанской областей...

— Зашла я однажды в клуб, там были танцы... — рассказывает Бичевская. — Ужас! Новые веяния, перемены к лучшему, перестройка, борьба с негативными явлениями — сколько сейчас об этом обо всем пишется и говорится! Но ведь для материальной нашей базы может быть опорой только духовная, неужели это не понятно? И если в городе еще есть из чего выбрать, то в деревне русской вообще, как правило, выбора нет — смотри телевизор, слушай радио, и все! И на танцах еще слушай так называемый вокально-инструментальный «ансамбль», бездарно копирующий телезвезд, которые сами копируют, копируют, копируют, пользуясь тем, что западных-то почти нам не показывают, кроме разве что итальянцев.

А почему бы не показывать? Дурной пример заразителен? Да хватит, довольно уже относиться к слушателям, как воспитатели к непослушным детям! Необходимо показывать, рассказывать. Потом спохватываемся, но поздно. Хотим мы того или не хотим, но целое поколение молодых людей одурманено водопадом пошлятины, накрывающей их с официальной эстрады, и — с другой стороны — так называемым металл-роком, о котором наши тридцати — семнадцатилетние «металлисты» имеют весьма и весьма туманное представление. Почему не выпускать специальный музыкальный журнал, скажем, «Музыка в мире», в котором бы профессиональные и, главное, умные критики, такие, как Л. Переверзев, А. Петров, А. Баташев, могли бы рассказывать о том, что делается в музыкальном мире, обо всех течениях и направлениях, но со своей, естественно, точки зрения? Есть ведь на Западе и замечательные, глубокие певцы, такие, какими были «Битлз», как Г. Белафонте, П. Сигер, Ж. Брель...

Сейчас Бичевская мечтает организовать при министерстве культуры секцию певцов русского фольклора — «Фольклор с гитарой».

— Мы даже не представляем себе, сколько у нас сейчас талантливых творческой молодежи! — говорит она. — Молодежи, не желающей поддаваться пошлости, бездумности, мечтающей о чистоте и искренности, обо всем том, чем испокон веку славилось русское искусство. Но пробиться трудно, безумно трудно! И вот, чтобы помочь молодым людям, хочу я на общественных началах работать в секции «Фольклор с гитарой». Ведь огромен интерес к русскому фольклору! Если б вы только знали, как слушали, как аплодировали — не мне, а русским песням, русскому духу — в сорока странах, в Хельсинки и Варшаве, в Берлине и Кельне, в Бухаресте и Париже, где, кстати, в зале «Олимпия» мне предложили выступать теперь каждый год.

Очень талантливая она — наша Россия. В нее верить надо!

В отпуск- только зимой

Начало на стр. 16

пы парашютистов, сам занимается подгонкой и проверкой снаряжения, успевает управиться с «бумажными» делами и, когда нужно, сам прыгает на пожары.

— Народ у нас здесь серьезный, — говорит Александр. — Случайные люди на такой работе не задерживаются.

Это верно, народ серьезный, закаленный. Достаточно сказать, что по условиям работы парашютист-пожарный не имеет права на отпуск в течение всего теплого времени года, то есть с апреля по ноябрь. Такой режим требует не просто постоянной собранности, но и известной степени самоотречения во имя дела. И только мастер, профессионал высокого класса может пользоваться уважением у коллег по такой профессии. Это в полной мере относится к Александру Ковалеву.

Мы не говорили с ним о любви к природе, которую он вместе с другими пожарными защищает от огня. Таких разговоров не требовалось, все было и без того ясно. Вот лишь один, но о многом говорящий факт из биографии А. Ковалева: уже будучи парашютистом-пожарным, он окончил факультет лесного хозяйства Приморского сельскохозяйственного института. Кроме любви к природе, здесь нужны еще и глубокие знания.

— К сожалению, ни одно учебное заведение в стране не готовит кадры для нашей работы, — сокрушенно говорит старший инструктор. — Тому, кто решил овладеть этой профессией, все приходится учиться здесь, на месте. Хорошо еще, что в последние несколько лет Приморский сельскохозяйственный направляет к нам на практику студентов после четвертого курса.

Вот приезжают к нам эти ребята. Ладно, не знают они всех наших тонкостей, это понятно. Но они ведь вообще ничего о нашей работе не знают! Вот вам и задача, которую решать надо. Все с нуля. Поэтому сейчас мы хотим превратить нашу Приморскую базу в крупный современный центр подготовки специалистов нашей профессии.

С тех пор как после окончания службы в воздушно-десантных войсках решил Александр стать лесным пожарным, был в его жизни только один период, когда он не имел возможности заниматься любимым делом.

— Направили меня на выборную партийную работу, — рассказывает он. — Дело, конечно, ответственное. Справился. Но те два года, что проработал в новой для себя должности, честно скажу, все время тянуло сюда, на базу. Я ведь еще в тот момент, когда назначение на ту работу получил, почувствовал, понял: парашют ни на какое кресло не променяю. Так и сказал товарищам.

ТАК ЧЕМ ЖЕ ТУШАТ!

У меня на ладони лежит небольшой металлический прямоугольник сантиметров пятнадцать в длину. С одного конца он

заканчивается карабином. Внутри у него несколько блоков, между которыми пропускается капроновый шнур. Это устройство для спуска с вертолета, то самое, которым пользовался каждый из той четверки, что вылетела на тушение пожара в районе порта Восточный. От надежности его работы зависит ни много ни мало — жизнь человека.

Внешний вид устройства вызывает у меня определенного рода сомнения, поэтому спрашиваю у Александра Ковалева:

— Самоделка, что ли?

— И да, и нет. «Нет» потому, что выпускает их для нас государственная фирма, называется она «Рослесхозмонтаж». А «да» потому, что, кроме как кустарным промыслом, деятельность этой фирмы не назовешь. Устройства эти сплошь и рядом приходят изготовленными с нарушением многих технологических норм и годятся разве что на металлолом. Но это еще не все. Сия фирма еще и шнуры капроновые в комплекте поставляет. Длина его должна быть пятьдесят метров. Мы проверяем каждый раз, это называется входной контроль. То 42 метра длина шнура, то 44, то 40. В общем, шнур нужной длины нам не прислали еще ни разу. И куда они девают остальные метры?! Представляете, чем это кончится, если мы хоть раз доверимся нашему поставщику? Кстати, есть серьезные претензии и к самой конструкции спускового устройства.

Вот мы и возвращаемся к вопросу о том, как и чем тушить лесные пожары.

— Да как деды наши их тушили, так и мы тушим, теми же самыми способами, — говорит заместитель начальника летной службы Приморской базы Вячеслав Федотов. — Лопата да грабли — наши главные средства на пожаре.

Да, именно так. Именно лопатами и граблями будут в основном пользоваться те четверо пожарных, что высадились на склоне сопки. Они будут обкапывать горящий участок, растаскивать сучья, сгребать листья, создавая так называемую минполосу, которая не позволит огню двигаться дальше. Правда, при больших пожарах такая полоса создается взрывным способом, но то при больших... А для борьбы с самим огнем есть у

них «мощное» средство — лесной ранцевый огнетушитель, который вмещает в себя всего двадцать литров воды. При работе на пожарах крупнее применяется мотопомпа — небольшой производительности и весьма сомнительной надежности агрегат, сделанный на базе мотопилы.

— Вот и получается героизм в чистом виде, а точнее, с голыми руками, — продолжает В. Федотов. — Если перечислить все, что у нас есть, десяток наименований от силы наберется. А уж чего нет...

Нет, например, у лесных пожарных ни одного из средств малой механизации, столь необходимых в их тяжелом и — нет здесь преувеличения — смертельно опасном деле. Нет ни одного прибора, с помощью которого летчик-наблюдатель при осмотре местности мог бы дать объективную оценку опасности того или иного пожара или обнаружить пожар, который только что начался, но еще невидим, — все эти оценки делаются, что называется, на глазок. Нет самолетов-цистерн для тушения крупных пожаров, а ведь такие машины существуют во многих странах и изобретены они не вчера. Нет даже уверенности в том, что вовремя на пожар поспеют. А причин тому множество. Вот, например, о каком случае рассказали нам на Приморской базе:

— Послали нас как-то, нет, не пожар тушить, а огурцы собирать в совхоз. Собираем, собираем. А тем временем пожар в лесу начался. От ближайшего населенного пункта до огурцов наших километров тридцать по разбитым проселкам. Пока нас там нашли, пока вывели, пока мы собрались, вылетели да прыгнули... в общем, тот пожар, который можно было бы ликвидировать за пару дней, мы тушили полтора месяца! Сгорел целый лесной массив. Вот какая цена получилась у этих огурчиков...

Случай этот произошел несколько лет назад. Но и сегодня отвлекают пожарных то сено собирать, то обои в новостройках клеить. Время течет, но ничего в этой практике не меняется!

Но вернемся к нашему разговору о средствах тушения.

— Кто же должен разрабатывать все то, что вам необходимо? — спрашиваю у Александра Ковалева.

— Этим занимается, вернее, должен заниматься, ряд институтов, такие, например, как ДальНИИЛХ и ВНИИПОМлесхоз. Они периодически присылают нам

разного рода анкеты и с их помощью пытаются вести конструирование на значительном удалении от нас. И это вместо того, чтобы хоть раз самим приехать, посмотреть и понять, что нам нужно. Вот, кстати, несколько таких анкет, полюбуйтесь.

Жаль, что за неимением места не могу воспроизвести полностью текст этих удивительных документов. Ограничусь лишь коротким цитированием. ДальНИИЛХ, например, вполне серьезно интересуют такие вопросы, как «Состав десанта и его назначение», «Специфические условия работы в районах тушения пожаров». Выходит, не знают они этого? Да, похоже. Но зато Красноярский ВНИИПОМлесхоз идет гораздо дальше дилетантских вопросов, он выходит с предложениями выпустить, например, для защиты пожарных покрывало из металлизированной огнестойкой ткани 180×200 сантиметров или сшитую из такой же ткани палатку.

«Это, наверно, для того, чтобы в такой палатке, накрывшись этим покрывалом, поджариться, словно мясо в фольге», — смеются парашютисты над этим и ему подобными документами.

* * *

Кто кого? Огонь или люди? За ответом на эти вопросы мы и летели в Приморье.

Человеку, к сожалению, пока нечем особенно похвастаться в этой борьбе. Он обороняется. Обороняется активно, порой героически. Обороняется даже в тех случаях, когда теоретически мог бы наступать и одерживать быстрые победы. Причина такого положения — техническое и организационное несовершенство службы авиационной охраны лесов.

Знаем, в наши дни лесные пожары ищут даже с помощью спутников. Но как все же далеки спутники от той лопаты, которую держит в руках парашютист-пожарный, высадившийся у горящей кромки!

Вопросы, вопросы... Они накапливались у нас с каждым днем пребывания в Приморье. И переросли в один большой вопрос: до каких же пор будет оставаться без изменений существующее положение дел! Об этом спрашивают у всех причастных к этому организаций и сами лесные пожарные.

Но вопрос остается пока без ответа.

Владивосток — Москва.

ЭТИ «ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ» РОК-МЕЦЕНАТЫ

Начало этой истории в изложении американского издания «Ю Эс Эй Тудей» (от 24 июня 1986 года) интригует: «Американская рок-певица посетила Ленинград, познакомилась со многими местными любительскими группами и подпольно вывезла их записи в США, где вскоре выйдет двойной альбом». Скажем сразу: уже вышел. И с зазывным примечанием на обложке: «Красная волна. Четыре подпольные группы из СССР».

Какие же это группы? «Аквариум», «Странные игры», «Кино» и «Алиса». Что касается их «подпольности», то достаточно, думается, нескольких фактов: все эти группы — члены Ленинградского рок-клуба. Пластина «Аквариума» принята худсоветом фирмы «Мелодия», группа выступает по стране, принимает участие в программах ЦТ.

Американская рок-певица, о которой идет речь, — это двадцатипятилетняя Джоанн Стингрей. Теперь об альбоме. Западная печать тут же обратила внимание на его издание: мол, иначе о советской рок-музыке никто бы и не узнал. То обстоятельство, что Стингрей искажала, мягко говоря, действительное положение молодых музыкантов, обошли молчанием. Зачем лезть в такие «дебри»? Куда легче привычно пожевать лакомый кусок: «Смелая американская мисс помогает угнетенным советским рок-музыкантам».

Руководитель «Аквариума» Борис Гребенщиков с удивлением обнаружил, что название пластинки «не отражает реального статуса ансамбля» (это цитата из его письма от имени группы в правление ВААП). Свои действия Стингрей объяснила «желанием развить дружбу между молодежью и музыкантами СССР и США».

Что ж, это желание популярно и в нашей стране. Делаются принципиально новые шаги, чтобы оно дало плоды и в остальных сферах общественной жизни. Но другая сторона упрямо действует по старинке, пытаясь примерить ветхие умозаключения на сегодняшний день нашей страны. Пример тому — газета «Ю Эс Эй Тудей» (в переводе — «США сегодня»), взявшая вдруг за тему советской рок-музыки. Во-первых, издание демонстрирует элемен-

тарное незнание этой темы, к примеру, называя руководителя «Аквариума» Бориса Гребенщикова «отцом советского рок-н-ролла». Такая категоричная характеристика незаслуженно принижает роль других известных советских музыкантов этого направления. Впрочем, какие уж тут могут быть упреки в бестактности, когда главное дело сделано: в очередной раз запущен в оборот образ молодых музыкантов, якобы загнанных в подполье. Дело сделано, можно бы и довольно потерять руки. Но остается еще досадная закорючка — пиратские методы мисс «защитницы». И закорючку рубят топором: читатель-то все равно не углубится, он уже расстрадался по «притесняемым», которые «не могут получать валюту от иностранцев и заключать с ними контракты». Этим и оправдывается музыкальная контрабанда. Вряд ли американские журналисты не в курсе, что такие операции законно происходят у нас через государственные учреждения, в данном случае через ВААП.

Подобные проколы объясняются скорее всего не просто недобросовестностью исполнителей, а общим настроением в освещении жизни нашей страны. Сейчас у нас происходят интересные для журналистского глаза и пера процессы. Но нет, опять стряпают очередную «сенсацию».

Андрей КОМАРОВ,
Михаил СИГАЛОВ

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Юнна МОРИЦ

Я проснулась от шелеста из...
Над заливом текучая мгла,
целомудренный свет затаив,
облекла этот мир,
облегла

предрассветную святость
кувшинок,
и предпамяти крик петушиный,
и преджизненной звонкости
колокола.

МЛАДЕНЧЕСКОЕ

Душа в облаках оступилась —
и в пропасть упала душа!
И пропасть от сна пробудилась,
рыдая и жадно дыша.

Связали ей руки и ноги,
заткнули ей рот молоком,
и в белой хлопчатой берлоге
лежит она мокрым зверьком.

И делают люди ошибку,
приняв ее бедственный вид
за полную счастья улыбку,
не зная нашу обиду.

Все знает! И помнит всей кожей
свой долгий мучительный рост.
Мужайся — и станешь такой же,
какой ты была среди звезд!

Учись шевелить, моя радость,
молочным своим язычком,
чтоб жизни земной ненаглядность
на память связать узелком.

ВОР

Зимой сорок третьего года
видала своими глазами,
как вор воровал на базаре
говяжьего мяса кусок —
граммов семьсот
с костью.
Он сделал один бросок
и, щелкнув голодной пастью,
вцепился зубами в мякоть,
и стал удирать и плакать.

«Караул! Моё мясо украли!» —
вопить начала торговка,
на воре сплелась веревка,
огрели его дубиной,
поддели его крюком,
дали в живот сапогом,
схватили его за глотку,
а он терзал и заглатывал
кровавый кусок коровы.

Тут подоспел патруль
и крикнул торговкам:
— Сволочи!
Вас и повесить мало!
Дайте ребенку сала!
Выпучив лютый взгляд,
оторопела свора
и разглядела вора:
вор на карачках ползал,
лет ему было десять,
десять или двенадцать,
слезы его и сопли
красного были цвета.
Бабы перекрестились:

— Господи Иисусе,
зверость на нас нашла! —

Стали сморкаться, плакать,
вору совать капусту,
луковицу, морковь,
круг молока замороженного.
Но вор ничего не взял,
только скулил, скулил,
только терзал, терзал
кровавый кусок коровы.

Зимний пылал закат,
когда его уводили
в патрульную караулку.
Он выбросил кость на дороге,
ее подняла торговка
и прилепила к мясу,
которое продала, —
кость была мозговая!
Кушайте на здоровье...

МЕТЕЛЮ НОЧНОЮ, ЗЕМЛЕЙ ЛЕДЯНОЮ

Сугробы, как звери,
столпились у двери
и дышат в лицо!
На крыше вокзала
ворона сказала,
что хочет обратно в яйцо.

Я слышу, за Тулой
обходчик сутулый
простукивает состав —
всегда в этом звуке
скрежещут разлуки,
болью суставчатой став.

Метелью ночью,
землей ледяною —
под мост, и по рельсам домой!
А сзади — старуха
в платочке из пуха
боится ножа, и нечистого духа,
и поскользнуться зимой.

Не смей оглянуться
и ей улыбнуться —
старуха от страха помрет!
И я, напевая,
вдоль рельсов трамвая
иду без оглядки вперед.

И я, напевая,
вдоль рельсов трамвая
иду без оглядки домой.
Вдруг слышу, старуха
в платочке из пуха
идет, напевая, за мной.

И вспышкой мгновенной
из мрака вселенной
дошло до меня, наконец —
от счастья какого,
не молвя ни слова,
ходил напевая отец,

в погоды какие
и в годы какие
он пел, от мороза в слезах,
и стекла тяжелые —
минус пятнадцать —
носил на поющих глазах
метелью ночью,
землей ледяною,
метелью, землею,
ночной, ледяной...
И только руками,
губами, щеками
(по воле судьбы
пропадая веками!)
он виделся в жизни со мной.

Прощайте, зеркала текучих вод,
И кроны лиственной
шарообразный свод,
И хвой трапеции, а также
пирамиды,
Беседы, мостики, дриады,

нереиды,
Наряды златотканые дождей,
(Мы собирали даже перлы градин,
Когда однажды, заблудясь вдали
людей,
Гуляли в зарослях, где мрак
лесной громаден).
Вдохни, впитай прозрачный этот

рай
И призрачный, как плоть летучих
ветров.

Мы уезжаем на рассвете
в дальний край,
В Москву, за девяносто

километров,
За семь морей, за тридцать

земель,
Где горы дешевы теперь, как
карамель,
Где знаменитые крушат их
мастера,

Да негде кланяться, поклоны
негде бить —
Успели горочку Поклонную
срубить.

(В Москве родилась горочка,
В Москве она росла...)
Прощай, моя зеленая
Поклонная Гора...

ТАБЛИЦА ЭЛЕМЕНТОВ

I
У людей, обладающих чувством
юмора,
как правило, очень грустные
лица.

У Зощенко, например...
Если б открыл Менделеев
элемент мировой печали,
это была бы формула,
слившая две улыбки —
Зощенко и Джоконды.

II
Я помню, как ночью по радио
поэт и певец Брассанс
уверял французскую публику,
что он ее ненавидит
и мечтает уйти со сцены,
в деревне писать романы,
ковыряться в своей земле.
Это слишком банально для шуток,
это пахнет испорченным вкусом
и похоже на скверный характер
(«Нам бы ваши заботы,
Брассанс!»).

Но если б открыл Менделеев
элемент мировой тоски,
это была бы формула
одиокой предсмертной ненависти
к жизни, пошедшей прахом
ради публичной славы.

III

Наших детей и клоунов
связывает любовь,
некое обожанье —
потому что многое правильно,
но совсем не имеет значения.
А многое предосудительно

и содержит сплошные ошибки,
но имеет большое значение.
Эта великая путаница
чудесно сгущается в цирке
и там превращается в праздник,
но слишком растянута в жизни
и порой превращается в ад.

Если б открыл Менделеев
элемент мирового абсурда,
это была бы формула,
слившая воедино
слезы ребенка и клоуна
на планете железных правил,
где ничто уже не имеет
собственного значения.

...Лимон — это очень кисло,
но ужасающе просто
получить лимонад из лимона,
из лимонада лимон? — никогда!

СТРОФА

Косточкой вишневой —
В мякоти заката...
Все, что стоит жизни, —
Очень облакато.

Ходим в люльке с погремушкой,
Расцветаем, увядаем
Между Арктикой и Кушкой,
Между Польшей и Китаем.

Покидаем с вечным всхлипом
Облак над лицейским прудом —
Между Лиром и Эдипом,
Между Цезарем и Брутом.

Сохраняем здравый разум,
Маслим свет над фоллиантом,
Строим ясли голым фразам, —
Между Пушкиным и Дантом.

Поднося фонарь к репризам,
Связь находим колоссальной —
Между Блоком и Хафизом,
Между Музой и Кассандрой.

И дыша гипербореем,
Проплываем каравеллой
Между Женей и Андреем,
Между Беллой и Новеллой.

Но кровавою корридой
Угрожает путь старинный
Между Сциллой и Харибдой —
Между Анной и Мариной.

Между Сциллой и Харибдой,
Между Анной и Мариной —
Кто проглочен был пучиной,
Тот и выплюнут пучиной.

Стало следствие причиной.
Объясню образ странный:
Кто проглочен был Мариной,
Тот и выплюнут был Анной.

Золотою серединой
Отродясь не обладаем —
Между Анной и Мариной,
Между Польшей и Китаем.

И над бездною родимой —
Уж незнамо как! — летаем
Между Анной и Мариной,
Между Польшей и Китаем.

прошу слова!

ПРОПАЛА СОБАКА

Римма ЛИХАЧ

У нас пропала собака. Я прихожу домой, и никто не бросается ко мне с восторгом, не прыгает, стараясь лизнуть, не выражает ликования по поводу моего существования на свете. В квартире тихо, пусто, нет нашей Астры, я раздеваюсь и плачу.

Летом, гуляя в лесу, мы увидели привязанного к дереву щенка — боксера. Он покорно сидел и смотрел на нас с напряжением: подойдем ли? Мы, конечно, отвязали его и пошли домой, он побежал рядом. Как же было его не взять? Накормили, напоили, назвали Астрой, и стала она у нас жить. Мы полюбили ее все, а она панически боялась расставаться с нами.

Астра выросла и стала красивой, крупной собакой. Но по-прежнему ласковой и доверчивой. И вот ее украли. Заблудиться она не могла. Кому-то поверила, тот позвал, погладил, зацепил за ошейник — и все! Украли, как вещь — пальто или кошелку. Мы искали ее тщетно...

Пишу приличные слова, а сказать-то хочется: мерзавец! Что ж ты сделал? Ведь собака сама не способна на подлость, она и в людях ее не предполагает! Отчаяние ищущих свою собаку усугубляется чувством полной незащищенности законом. Ну, пропала вещь, пусть небольшая, можно заявить в милицию. А тут украли живое, дорогое существо, и пожаловаться некуда!

Сознание безнаказанности порождает бездумное, походя совершенное злодеяние. Три подростка притащили на пустырь собаку, облили соляркой и подожгли. Было разбирательство в комиссии по делам несовершеннолетних. Заседание походило на душевительную беседу. На родителей наложили штраф. Подросткам прочитали нотацию. Поздно тут читать нотации, но большего сделать было нельзя: нет закона, охраняющего животных.

Теперь какой-то скоростной темп жизни. Высканиваем из подъездов и мчимся, мчимся. А кругом цивилизация: дома-коробки, машины, гул. Мы и к стрессам привыкли и почти лишились чувства общности с природой, а собаки, кошки, птицы в квартирах дарят нам ощущение единства со всем сущим на земле. С ними уютней, теплей. Взрослым собака в семье радость не меньшая, чем для детей.

О необходимости издания закона, налагающего жестокое, садистское обращение с животными, не раз говорилось и писалось. Но пока дело на мертвой точке.

При МГУ создан штаб по проблемам социальной и экономической программы развития Москвы и Московской области, имеющий отделения на факультетах. На биофаке работает секция «Животные в городе». Секция будет проводить научные исследования в области экологии города, чтобы выработать обоснованные рекомендации к действию. Одна из проблем — безнадзорность животных и их отлов. В ныне действующей системе заложен порочный круг: варварские методы отлова предопределяют работников, способных на жестокость. Существующие методы не могут привлечь людей другого склада.

Необходимо отменить удавки, крючья, заменить их сетями. Отвозить собак в хорошо оборудованные места передержки, где их накормят и не будут им причинять страдания. Все это, разумеется, изменит репутацию службы, тогда и молодые люди пойдут ту-

да охотнее. Ведь работают же они в питомниках, в вивариях. Но многое зависит и от нас самих. Так и хочется стать на стезю миссионеров и произнести:

— Дорогие братья и сестры! Чадолюбивые родители, дарящие щенка как игрушку, одинокие, жаждущие тепла друга! Очень хорошо подумайте, прежде чем взять собаку. Безразлично приласкать, а потом, убоявшись сложностей, а они, конечно, возникнут, выгнать на улицу или бросить, уезжая с дачи. Собаки озабочены, дичают, сбиваются в стаи, уходят в лес к волкам. Они становятся опасны.

В будущем предполагается провести ряд мер, которые позволят ликвидировать безнадзорность собак. Но, чтобы это не осталось розовыми мечтами, нужна реальная основа: заинтересованность государственных учреждений — исполкомов, ветеринарных и санитарных служб города. Нужны площадки, стройматериалы, рабочие руки и, конечно, деньги. Тогда построили бы приюты-передержки, куда можно было бы определить собаку на время отпуска или командировки. За плату. Как это делается во многих странах. По предварительным прикидкам, в дальнейшем такие учреждения смогут перейти на самоокупаемость — желающих будет предостаточно.

Но кто же должен скоординировать все это? В моем блоноте появились фамилии целого ряда должностных лиц, адреса учреждений, столбики телефонов.

И все-таки некоторый сдвиг наметился. По многочисленным просьбам общественности Главмосжилуправление заказало Главному архитектурному управлению разработать типовую проект приюта для собак. Но, так как ранее средства на это не были предусмотрены, сейчас Горплан решает, кто будет финансировать строительство. Хозяин приюта предполагается горветотдел.

И снова началась сказка «про белого бычка»... Всесоюзное общество охраны природы занимается «дикой природой» и пропагандой, домашние животные не в их ведении, как мне сказали, и тут же сослались на устав. Такую же ссылку я услышала в московском отделе секционной работы. Но ведь устав, если жизнь вносит свои коррективы, можно и изменить? Горветотдел курирует Московское городское общество любителей-собаководов. Оно вступило в пай строительства нового приюта для собак. А не следует ли пойти дальше? Создать содружество горветотдела и Московского общества любителей-собаководов. Пусть туда и поступают налоги с владельцев собак, а клубы могли бы организовать добровольный фонд пожертвований для упорядочения и устройства жизни собак в городе.

И может быть, наконец, решится «проблема проблем» — отлов собак. Горветотдел не стремится выполнять сию, прямо сказать, малоприятную работу. Но ведь ранее эти функции были его обязанностью. То, что у них нет специального транспорта, выглядит спасительной отговоркой.

А у жилищных управлений Москвы есть свои прямые обязанности. Собаки, кошки, птицы, право же, им не по «профилю».

Публикуя этот материал, редакция рассчитывает получить конструктивные, обоснованные ответы на затронутые вопросы от упомянутых ведомств.

трезвость — норма жизни

Сергей ВЛАСОВ

ТРУДНОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Солнце слепило глаза, легкий ветерок заигрывал с листвою, небо бездонным шатром висело над городом. Тихое ликование рвалось из души. Как приятно иногда себя обмануть и сделать вид, что все в жизни прекрасно — и в тебе самом, и вокруг! Ни тебе забот, ни мировых катаклизмов. Мудро все-таки устроен человек, если хоть изредка способен на такой вот самообман, думал я, безмятежно идя по улице.

И вдруг все померкло. Как будто на солнце, на небо, на зелень, на мое беспечное ликование кто-то плеснул ведро чернил. Я увидел Егора. Он стоял на углу и кланялся у прохожих «на пачку сигарет». Кто-то, глянув на его опухшее лицо, спешил пройти мимо, кто-то лез нехотя за мелочью.

Егору нет и сорока, а выглядит он стариком.

Я подошел к нему, взял за локоть, тихо шепнул:

— Егор! Ты же обещал...

Да он сам прекрасно знает, что сто раз обещал «завязать», только вот... Эх!..

Три года он проучился на философском факультете университета. А потом... Потом вдруг захотелось ему красивой жизни. Бросил университет, пошел в бармены, потом в официанты, потом на кладбище — копать могилы. Деньги у него появились, а вот красивая жизнь... Он не представлял ее себе без ежедневного застолья в ресторане, без кутежей, без царственных чаевых... Шальных своих денег он не жалел, сорил ими направо и налево, за это и любили его друзья...

Друзья?.. В том-то и дело, что он был очень одинок и как человек тонкий не мог не чувствовать этого, не мог от этого не страдать. Я вспоминаю его слова: «Знаешь, что самое страшное на свете? Одиночество. А знаешь, что еще страшнее? Одиночество среди друзей».

Это шло у него рефреном... Первый раз он попал в медвытрезвитель пять лет назад. С тех пор — постоянный посетитель сего заведения. Егор не без злой иронии так и говорит о себе:

— В моей жизни нет ничего постоянного, кроме того, что я завсегдатай медвытрезвителя.

Это звучит у него по крайней мере как завсегдатай некоего клуба. Терпения считать свои визиты в «клуб» у него хватило до тридцати, потом сбился. Да, сбился парень, сбился с дороги, спился...

Нет, не случайно, конечно, борьбу с пьяной напастью мы называем общенародной. И все же, чего греха таить, главную тяжесть этой борьбы подчас берет на себя не общественность, нет, и не трудовые коллективы, и не их руководители, а работники органов внутренних дел, и в первую очередь медвытрезвители.

Когда я обратился в отдел охраны общественного порядка МВД Азербайджана с просьбой назвать самого достойного начальника медвытрезвителя в республике, и Вагиф Мусаев, начальник отдела, и Фирдин Зейналов, начальник отделения по руководству спецучреждениями, были единодушны — Тариверди Керимов из Сумгаита.

— Почему именно он?

— Человек хороший, — было мне ответом, — поезжайте, сами увидите.

И я поехал...

Кто-то из великих назвал глаза зеркалом души. Глаза капитана Керимова меня поразили своей глубокой, затаенной грустью. Я так и не решился спросить его, есть ли у этой грусти причина. Впрочем, какие тут нужны еще причины, коли человек на таком месте служит...

Вот слово и сказано — служит. Для капитана Керимова оно имеет свой особый смысл: не просто нести службу, а служить человеку. Человеку, попавшему в беду. И делает он это уже почти двадцать лет.

Что же тревожит капитана Керимова сегодня, когда борьба с пьянством после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 года приняла широкий размах?

— Да, количество «клиентов» нашего учреждения за прошедший год сократилось. Но я бы не стал по этому поводу очень уж радоваться...

● В СОРОК ЛЕТ—СТАРИКИ...

● КЛИЕНТУРА

«НЕПРЕСТИЖНОГО» ЗАВЕДЕНИЯ

● ЧТО ТРЕВОЖИТ

КАПИТАНА КЕРИМОВА?

● КПД

КАБИНЕТОВ ПРОФИЛАКТИКИ

ВЛЕНИЕ

ся. Пьянство теперь стало более осторожным, оно переместилось с открытых мест, с улиц, из парков, из «забегаловок» в быт, в дом, в семью. Да, число преступлений, совершенных в нетрезвом виде, уменьшилось, зато стало больше семейных, бытовых драк, скандалов, дебошей, виновники которых те же пьяницы. Но войти в дом мы не имеем права, неприкосновенность жилища у нас охраняется законом. Как тут быть? Значит, нам нужен теснейший контакт с населением, нам нужно доверие людей. А оно завоевывается очень нелегко. Мы ведем большую профилактическую работу и на предприятиях, и в быту. Участвуем в обсуждениях выпивок на собраниях коллективов, обязательно выступаем сами, стараемся найти какие-то близкие, понятные каждому слова. Да, верно, пьяницы повсюду должны чувствовать обстановку всеобщей нетерпимости, но это отнюдь не означает, что их следует считать изгоями. Их надо вытаскивать из болота общими силами. Осуждение — да, наказание — да. А вот формализму и равнодушию мы должны сказать решительное нет! Одной милиции здесь не справиться. Нужны усилия каждого из нас и прежде всего — руководителей. Но, к сожалению, сегодняшняя ситуация такова, что многие руководители предприятий стараются занять нейтральную позицию, как будто их наша общая болезнь не касается.

Капитан Керимов прав — еще многие стратегическую линию партии по оздоровлению нашей жизни приняли за очередное «мероприятие», о котором можно по-привычному отрапортовать, произнести две-три красивые речи на общем собрании и... забыть. Что ж, это и понятно: искоренение пьянства, столь глубоко въевшегося в наши традиции и привычки, дело очень хлопотное, кропотливое, нервное, требующее искренних усилий души. Это хомут не из легких, конечно, кому охота добровольно в него впрягаться!

А впрягаться надо. Придется. Ведь беда наша общая!

...На Рижском фарфоровом заводе комиссия по борьбе с пьянством создана четырнадцать лет назад. Правда, раньше, до Указа, она не имела тех полномочий, которые есть у нее сейчас. Раньше вызывали человека к столу, покрытому зеленым сукном, убеждали его, журили. Теперь другое дело.

Комиссия теперь может лишать пьяниц премии, тринадцатой зарплаты, снимать с очереди на жилье, не давать справку для покупки товаров в кредит, не присваивать в течение года новой квалификации...

Давайте задумаемся: отчего так много у нас пьют? От распущенности? От неумения добиться справедливости? От нечего делать, от скуки? От пустоты души?.. Десятки причин еще можно назвать, и все же есть одна, может быть, самая горькая. Беда, горькая беда, если человек вдруг почувствует, что он не нужен.

Сколько их таких, «ненужных», живет рядом с нами! А мы спешим, торопимся, нас ждут великие дела, и мы забываем, что нет более великого дела, чем поднять человека, вернуть ему веру в себя.

На Рижском фарфоровом заводе, которому скоро полтора века, ненужных людей нет. Здесь каждый однажды сорвавшийся чувствует к себе внимание коллектива, нет, не назойливое подглядывание, а тактичную, доброжелательную заботу товарищей. Скольких людей забота эта спасла! Скольких со дна достала! С одним из них я встретился; не сразу, но все-таки рассказал человек о себе:

— Пил я по-черному, страшно вспомнить, это был какой-то кошмарный сон. И сколько со мной возились, сколько таскали по диспансерам! Такой трогательной заботой окружили, что мне даже неловко было. Домой после работы провожали, чтобы я со своими собутыльниками не встретился. Билеты в театр, на концерты разные доставали. Дома по выходным навещали под различными предлогами, мне даже иногда смешно было, как со мной нянчатся. А когда понял, сколько я хлопот занятым людям доставляю, не до смеха стало. Совесть-то я свою не успел пропить... Завязал, потом и с учета в диспансере сняли. Продолжаю работать в своей бригаде, и за эти четыре года мне никто ни разу старое не вспомнил и спасибо от меня даже не спросил. А ведь вторую жизнь мне товарищи подарили. За просто так...

Сейчас на учете в кабинете профилактики медвытрезвителя Московского района Риги нет ни одного из рабочих завода. Каждый случай появления в нетрезвом виде воспринимается всеми буквально как чрезвычайное происшествие, на предприятии провозглашен практически сухой закон, хотя словосочетание это не фигурирует ни в одном из отчетов. Более сорока бригад завода заключили коллективные договоры, по которым рабочие берут на себя общую ответственность за соблюдение трудовой дисциплины и поведение в общественных местах. Один из двадцати нарушил, а страдают все двадцать, лишаются, например, премии. Сурово? Да. И все же такие договоры заключили больше половины всех бригад завода.

...Но вот я сижу в кабинете с Николаем Михайловичем Гавриленко, начальником медвытрезвителя латвийского города Юрмала, и с его заместителем Илмаром Язоповичем Авотсом.

— Ну хорошо, число винных магазинов повсеместно сокращено, — продолжаю я наш разговор, — в ресторанах вашей республики подают теперь не более ста граммов водки на человека, доставлять в медвытрезвитель стали меньше пьяниц. И все-таки, скажите, намного ли меньше люди стали пить?

— Боюсь, что такой вывод был бы поспешным, — невесело отвечает Николай Михайлович. — Хотя многие показатели вроде бы свидетельствуют, что пьянству объявлена война, но мы замечаем, что война эта нередко напоминает боевые учения. Да, сняли с продажи все крепленые вина. Чем это обернулось? Тем, что пьяницы начали пить одеколоны, лосьоны, стеклоочистители. В сводках и отчетах фигурирует цифра — четыре винных магазина стало теперь в городе вместо девяти. А в каком отчете указаны горы пустых пузырьков из-под «парфюмерии», выпитой рабочими целлюлозно-бумажного завода в Слоке, например? При желании их можно увидеть на заднем дворе завода, правда, желания такого у нас нет. Да, сократили мы число точек, где продают спиртное, и что же? Выросли очереди. Это породило новые проблемы, прежде всего спекуляцию. Появились люди, которые живут перепродажей спиртного. Торгуют даже местом в очереди, и многие готовы переплачивать, лишь бы не тратить нервы и время. И заметьте, длинные очереди не отвалили от выпивки настоящих пьяниц, она им даже нравится: она дарит «роскошь человеческого общения». Вообще говоря, мне кажется, что пить стали осторожнее, хитрее. Прячутся люди. А нам труднее стало выявить пьяниц. Кто раньше не пил, тот и не пьет. А кто уже пристрастился к бутылке, того и теперь от нее не оторвешь. — Но ведь какие штрафы сейчас налагаются! Какие общественные меры воздействия!

— Да, этого люди боятся. И поэтому все чаще мы теперь слышим от наших клиентов: нигде не работаю. Хитрят, врут, лишь бы мы не общили на их предприятие. У некоторых мы находим по несколько удостоверений, выданных на разных заводах, приходится проводить целое дознание.

— Вот вы говорите, штрафы, — вступает в разговор Илмар Авотс. — Некоторые наши клиенты этих штрафов нисколько не боятся. Потому что никогда их не заплатят. Да-да, ни штраф, ни плату за услуги, оказанные им у нас. В прошлом году из четырех с половиной тысяч наших клиентов только три четверти расплатились с нами, да и то не без помощи судебного исполнителя. А остальные (их более тысячи) и не думают платить. С кого-то действительно взяли нечего — пьет, не работая, а на что пьет, не ясно. Таких мы отправляем в ЛТП. Но я сейчас хочу сказать о тех ловкачах, которые используют лазейку в законе. На взыскание штрафа за появление в пьяном виде в публичном месте закон отводит три месяца, после этого срока человек от штрафа почему-то освобождается. Этим пьяницы и пользуются. Называют себя чужими фамилиями, притом фамилии берут реальных людей — соседей, родственников. Пока суд да дело, время уходит. Три месяца — это очень маленький срок, его надо увеличить по крайней мере до полугода.

— Пьянство — болезнь сложная и коварная, корни гнездятся глубоко в теле общества. Одними запретительными мерами проблему нам не решить, — говорит Николай Михайлович Гавриленко. — Тут очень многое между собой связано. Возьмите, например, вечерний досуг. Мы замечаем, как только по телевизору показывают хороший фильм или интересную передачу, так у нас два-три пациента за вечер. Когда нечего людям смотреть, так у нас все помещения битком забиты. А куда пойти вечером жителям нашего города? В Каугури только один кинотеатр! Один детский клуб, который с трудом вмещает сто человек. Нет ни Дома культуры, ни стадиона, ни бассейна, ни бани. Да-да, пусть вас не удивляет, что я говорю о бане. Я знаю, что многие наши пациенты с удовольствием бы провели весь вечер в бане, где можно попариться, поговорить по душам, а если бы еще небольшой бассейнчик, то их оттуда за уши не вытащить. На всю Юрмалу сейчас всего три бани. Строительство новой бани в Дубултах переносится из пятилетки в пятилетку. То же самое можно сказать и о клубе в Каугури.

— Особенно плохо дело обстоит с досугом молодежи, детей, — подхватывает Илмар Авотс. — Во дворах играть им негде. Каугури начали застраивать новыми кварталами с 1960 года, но это только жилые дома, а о спортплощадках совсем забыли. Ребята ютятся по подъездам, по чердакам, подвалам, где нередко пристраиваются те же пьяницы, а то и жулики прячут краденое. О каком уж тут безалкогольном воспитании говорить! Мы рискуем упустить и новое поколение...

Беседуя с работниками медицинских вытрезвителей в разных городах страны, я понял, что «непрестижное» это заведение высвечивает очень многие болезненные места нашей жизни, так или иначе связанные с пьянством и его порождающие. Полтора года, прошедшие после Указа, очень ясно показали, что наскоком проблемы эти не решить. Работа предстоит долгая, кропотливая.

...Егор уже не клянчит мелочь у прохожих, его отправили в ЛТП. А что будет потом, когда он вернется оттуда через два года? Сумеет ли, сможет ли? Или уже безвозвратно потерял человек?

Что скажешь, Егор?..

ПАЛО УРОКИ

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Проиграв в рулетку деньги, выданные на приобретение служебной автомашины, бывший журналист-международник Ростислав Знаменский возвращается на Родину и становится переводчиком. В Ашхабаде он подружился с Аширом Атаевым, бывшим старшим следователем по особо важным делам, которого оклеветали торговцы наркотиками. Ашир тайно продолжает расследование, начатое им еще до увольнения с работы. Он устраивает Знаменскому поездку по Туркмени. Во время этой поездки друзья Атаева передают Знаменскому сведения о посевах опиумного мака в отдаленных районах республики.

24

Кара-Кала была родиной великого Махтумкули, он родился неподалеку, в селении Геркез. Там теперь был памятник поэту и недавно открыли музей его имени. Вот куда следует проложить путь для иностранных туристов. Недолгий путь по горной дороге — а как красива эта дорога! — и ты, человек, отринув сегодняшние суетные заботы, медленно подходишь к изваянному из гранита Задумавшемуся. О чем его мысли? Не слагает ли он стихи, наполненные такой живой силой, что и через двести пятьдесят лет они трогают суетную нашу душу?

Они возвращались после доклада Самохина, отказавшись от машины, шли пешком, радуясь горной прохладе, волнами набегавшей на город, и что ни волна свежего воздуха, то новый в ней привкус. Виноградники касались губ мускатом, миндалевые рощи — горьковатой сладостью, сами горы касались губ снежной влагой. Самохин молчал, отдыхал, пытаясь, он был похож на паровоз, прошедший долгий и трудный путь и вот тормозящий, спускающийся пары, остывающий.

А Меред, молитвенно повествуя о своем Махтумкули, к кому на поклон предстояло им завтра рано утром отправиться, чувствуя какое-то непонятное безразличие Самохина к своим словам, решил прочесть ему стихи великого поэта. Меред забежал вперед, обернулся к Самохину и Знаменскому, пятая, шел и читал:

Охотится небо, крепка его сеть.
Ты где, долгожданное светлое время?
Я больше не в силах разлуку терпеть.
Ты где, долгожданное светлое время!?

Меред, пятая, ждал, как откликнется на эти строки, столь горячо им произнесенные, Самохин. Никак он не откликнулся, он дышал, отдыхал. Спросил вдруг:

— Я не слишком усложнил свой рассказ, Меред? Народ меня понял?

— Конечно, понял! Или... — Он снова начал читать:

Мне горько: я истину мало любил.
Кончается жизнь, но не гаснет мой пыл,
И духом я тот же, что в юности был,
Да жаль: борода у меня поседела².

Меред выждал, пятая, но опять не услышал ни слова от Самохина, понравились ли ему стихи Махтумкули. Молчал и Знаменский, слушая, как ветер волнами идет с гор, как неподалеку шумит, шуршит камнями Сумбар, глядя, как гаснут то тут, то там за деревьями огоньки в домах, но зато вспыхивают то тут, то там крупные странно большие звезды в небе.

— Эти стихи родились на этой земле, им веришь, — сказал Знаменский, пожалев Мереду. Но он не фальшивил, сказал, что подумалось, и Меред благодарно ему поклонился, как на Востоке кланяются, коснувшись пальцами земли.

Шедший сбоку и поодаль усатый летчик ускорил шаг, подошел к Мереду и, потеснив плечом, занял его место. И тоже обернулся, пошел, пятая.

— А есть и такие стихи, — сказал он. — Поэта Зелили. Тоже на этой земле жил и творил. Чуть поближе к нам. Конец восемнадцатого и начало девятнадцатого. Меред, если забуду, подкажешь.

Летчик вскинул руки, вздернул голову, начал нараспев:

О, друзья! Бедняка в нашем веке
Не считают за человека.
Взятка стала доходом бека,
Правосудие — ремеслом.
Гнет мой стан тетива тугая,
Тесной стала земля родная.
Зелили! В наше время бай,
Точно змеи, шипят кругом.

— Кстати, о змеях, — сказал Самохин. — Не заползут они к нам в окна во время сна? Тут ведь их среда обитания...

— Не исключено! — обозлившись, сказал Меред. — Нет, Ибрагим Мехти оглы, не лучшее стихотворение Зелили ты затвердил. Это не поэзия, это публицистика.

— Тебе виднее, ты ведаешь культурой, а я в какой-то мере витаю в облаках.

— Так как же нам быть? — спросил Самохин. — Спать с закрытыми окнами?

— Ну, заползет гюрза, ну, уползет, — насмешливо сказал Меред, не простив старику его невнимания к прекрасным стихам. — Главное, не задеть ее во сне, не придавить. Змеи мстят лишь за обиду.

— Задача! — озабочился Самохин. — Кстати, Меред, завтра мы прямым ходом едем к поезду, в Кизыл-Арват. Там, кажется, проходит железная дорога на Ашхабад?

— Там. А как же Геркез?

— А зачем нам туда ехать? Совершенно ясно, что это вполне туристический объект. Тут нет вопросов.

— А вам лично неинтересно?

— Очень интересно. Но еще одна бессонная ночь меня страшит. Домой, домой! Я и так уже накатался и натрясся.

— Тогда действительно вопросов нет, — сказал Меред, резко повернувшись: он все еще по забывчивости шел, пятая.

Поскрипывая, покатались на колесиках ворота, впуская их во двор дома для почетных гостей. В доме горели огни за приветливыми занавесками, и все окна были распахнуты.

— А что, если они еще до нас напользли? — спросил Самохин. — Окна-то открыты.

— Судьба! — сказал Меред. — Ну, укусит! Собираетесь вечно жить, товарищ посланник? Между прочим, укус змеи — хороший выход из положения. Согласен, Ибрагим Мехти оглы? Одиннадцать всего секунд — и нет вопросов.

— За одиннадцать секунд можно кучу дел переделать, — сказал летчик. — Влюбиться можно, между прочим.

— Между прочим, — сказал Знаменский, — одиннадцать — это самая ненавистная для меня цифра.

— А для меня — двадцать два, — сказал Меред. — А для вас, Александр Григорьевич?

— Шестьдесят девять, мои молодые друзья, — печально сказал Самохин. — Не сердитесь на меня, Меред. Шестьдесят девять — это не подарок.

— Что вы, что вы?! — Меред смягчился, засуетился, кинулся к одному из окон, заглянул в него. А графинчик с чалом уже вас ждет, Александр Григорьевич! Ибрагим, а нас что ждет?!

— Сон, сон, приятель. Это тебе не Париж: тут танцовщиц тебе не будет. И вина не будет. Мы совсем рядом с аятоллой находимся. Забыл? Что он велит делать с теми, кто нарушает коран? Он велит бить их палками.

— Но его палки нам не страшны, граница-то на замке.

— На замке, на замке. Именно! И потому это тебе не Красноводск. Перебьешься. Спокойной ночи, друзья! — Маленький летчик козырнул, четко повернулся, четко зашагал за ворота, страшно довольный собой.

Знаменский в дом не пошел, остался во дворе. А Самохин, поддерживаемый под руку Мередом, идя осторожно, нащупывающим шагом, ибо змеи могли быть повсюду, вскоре замечкал в освещенном окне, створки которого тотчас же с шумом захлопнулись. Старика ждала душная, бессонная ночь.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—48.

^{1, 2} Перевод с туркменского А. Тарковского.

Здесь было тихо, разом будто вывездилось небо. Ветер шелестел листьями яблонь, и стало слышно, как яблоки падают в рыхлую землю, и снова донеслась издали неустанная работа реки, день за днем, ночь за ночью и век за веком перетирающей камни.

В самой глубине двора, в противоположной от ворот стороне, стоял у высокого дувала дом сторожа, где жили те самые двенадцать ребятишек, их величавая мама, их сохлый, большерукий отец и рыжий пес, охранитель семейства. Там светился в окне огонек. Знаменский пошел туда, угадав по синему отблеску, что там включен телевизор. Как-то не верилось, что там сейчас смотрят телевизор. Здесь, в горах, у реки Сумбар, позабылось это повсеместное мерцание, столь много значившее еще недавно в его жизни.

Так и есть, семья смотрела телевизор. Дом состоял из двух частей. Из небольшой комнаты и, видимо, кухни, и громадной, как барак, комнаты, вытянувшейся вдоль дувала. Там-то, в этой комнате, светился синевато квадрат окна. Знаменский подошел, заглянув в окно. Вся ребятня, от старших до малышей, расположившись кто где, но на полу, конечно же, на коврах, на подушках, на одеялах, а в комнате, кроме телевизора, тоже стоящего на полу, никакой вообще не было мебели — все смотрели сейчас на экран. И мать тут была, и отец, и пес, мгновенно поднявший тяжелую голову, едва Знаменский подошел к окну.

Тотчас поднялся глава семьи и вышел во двор, зная, что собака зря не насторожится.

Он увидел Знаменского, не удивился, не обрадовался, не засуетился, а просто шире распахнул дверь, предлагая войти. Знаменский вошел. У порога целая выставка стоптанных сандалет открылась. Больших, маленьких, совсем крошечных. Разулся и Знаменский, в носках пошел по старому коврику, поклонившись хозяйке дома, всей ребятне и собаке тоже, которая встретила его изучающим взглядом, но, познучав, успокоилась и снова опустила голову на лапы. А Знаменский, отыскав свободное место у стены, сел на ковер, спиной оперся о стену и стал смотреть на экран. Там что-то очень интересное происходило, светился экран в уставившихся на него ребячьих глазах, так распахнутых, что они сами стали маленькими экранами. В них можно было разглядеть происходящее на экране телевизора. А там шел мультфильм. Уже поздно было, и детям досказывали сказку, русскую сказку. В ней было снега, высоченные сугробы. А здесь, за стенами комнаты, ступи только во двор, жар обдаст от прокалившейся за день земли. Медведь и маленькая девочка подружались на экране. Девочка заблудилась в лесу, среди этих диковинных деревьев с колючими ветками. Девочку подкарауливали со всех сторон опасность, волк лязгал зубами, лисица плела интриги, скверная старая ворона накаркивала беду. Но не бойтесь, ребята, не страшитесь, медведь выручит маленькую девочку, он ее друг. Она только что, не испугавшись, выручила его, подошла, разжала (как только силенок хватило!) капкан, сковавший его лапу,

вернула ему свободу. А он теперь проводит ее домой, охранит от всех опасностей. Так и должно быть. Друзья проверяются в беде. Зря, волк, щелкаешь зубами, зря, лисица, путаешь следы, и зря, охотник, взводишь курки, приближаясь к капкану. Друзья выручили друг друга. Ничего не страшно, когда есть у тебя друг.

Вспыхнул экран, закончив эту мудрую историю, а ребятишки в комнате радостно загалдели, захопали в ладоши. И их величественная мама тоже раз-другой свела ладони, скупно улыбнулся, радуясь за девочку, их строгий, подсохший от работы отец. Кажется, улыбнулся и пес, приподняв голову.

Вспыхнул свет, и ребятишки обратили внимание на гостя. И тотчас узнали его. И стали радостно кивать ему, махать, указывая руками и ручонками на экран телевизора, возбужденно говоря что-то родителям. Странно, никто в Ашхабаде его не узнал, не сопоставил его нынешнего с этим вот экраном — этой метой славы всенародной. Он был несопоставим для взрослых, такой, каким стал, с тем, кем был. Иные и задумывались: мол, где могли его встретить, отчего лицо его знакомо им, — но и только. Экран телевизора и он в нем — такое им в голову, в зрение их не вмещалось. А ребятишки вот мигом узнали. Сразу же. Они привыкли к чудесам. Жили в такое время, когда все везде могли очутиться. Вот снег сейчас к ним пришел. А вот пришел и сидит у стеночки человек из телевизионного ящика.

А теперь взял и поднялся, поклонился, обу-

ся и вышел из их дома. Ничего особенного... Обыкновенное чудо. Обыкновенная радость.

Знаменский вышел в темноту и в яркое свечение непривычно больших, близких звезд. Новые звуки пришли в ночной город. А в близких горах пробудилась жизнь. Там подымались шакалы, не смея еще спуститься в город, выжидая, когда он окончательно уснет. Это был такой город, где у канав можно было встретить не собак, а шакалов, где над крышами, закрывая небо крыльями, мог пролететь, косо садясь, орел, где в шорохе листвы могла подняться точеная головка гюрзы, молниеносная эта смерть, где, особенно ночью, слышны были звуки жизни «с той стороны», и, хоть всего лишь обмелевшая речка делила стороны, там по-иному звучала жизнь, вскрикивала, плакала и даже радовалась по-иному, хотя здесь и там жили туркмены.

Окно в комнате Самохина светилось. Не спал старик. Знаменский решил не заходить к нему. Он к самому себе сейчас зашел, в недавнее свое. В темноте ночи ярко светился в его глазах экран телевизора, промельками шла в этом экране его былая жизнь. Былая жизнь...

Наутро рванули на вездеходе в Кизыл-Арват. Мчались по пыльной, тряской дороге, как участники какого-нибудь ралли. Но могучий вездеход тряски не страшился, а Самохин, охваченный вдруг нетерпением, с готовностью страдал, лишь бы скорей, скорей. Поехали. За три минуты до отправления примчались к отходящему на Ашхабад поезду. Быстро попрощались, крепко обнявшись, но не целуясь, к счастью, этот целовальный обычай в Средней Азии не прижился. Обнялся Знаменский с усатым летчиком, который зачем-то погрозил ему строго пальцем.

— Вы о чем? — спросил Знаменский.

— Вообще! Будем друзьями, надеюсь? Ждем вас в Кара-Кале. Такой это у нас городок: кто раз побывал, еще побывает.

Обнялся Знаменский и с Мереем. И когда обнимался, почувствовал, как тот сует ему в задний карман брюк какой-то пакет, туда же сует, где уже лежали конверт летчика и пакет старого туркмена, продавца фисташек. Мереед совал свой конверт, таясь ото всех, таясь и от летчика. Вон оно что, они работали на Ашира повозы!

— Не потеряй! — шепнул Мереед. — Буду в Ашхабаде, найду. Эх, вырваться бы! — Эти слова он сказал громко и для всех.

— Скорей, скорей! — торопил Самохин. Он уже простился, уже поднялся на ступени вагона.

И вот они в пути. Странно, тоненьким голоском покрякивал приземистый, промасленный тепловозик, похожий на большого жука. За окнами вагона пустыня, верблюжья колючка, ветер крутил барханы. Вагон был старый, еще с довоенной, наверное, поры бегал, он скрипел и постанывал. В вагоне было тесно, он был забит мешками с дынями, ящиками с виноградом. Владельцы этого товара, который скоро очутится на ашхабадских базарах, охотнее сидели на полу, чем на лавках. Поджали ноги и сидели, молчаливые, важные, очень картинные в своих халатах, тельпеках, с лицами вовсе не торговцев, а суровых воинов. Это мужчины. А у женщин лица все же были сокрыты, хоть и не укрыты. Конечно, ни у кого паранджи не было и в помине, но так они как-то спустили платки, так как-то держали, согнув в локте руки, что лиц их не было видно. Только глаза громадные посверкивали, рассматривая украдкой.

— Заехали мы с вами, Ростислав Юрьевич!... Самохин близко придвинулся к Знаменскому. — Воистину на край света... А зачем? Или был все же смысл?... Самохин всмотрелся в Знаменского, допытывался взглядом, умно и зорко глядел.

Знаменский ничего не ответил, только улыбнулся.

— Ну, ну, — покивал старик. — Ну, ну... Он устало закрыл глаза, застыл болезненно-оливковым лицом.

Жук-тепловозик отозвался вместо Знаменского, что-то загадочное прокричав тоненьким, пронзительным голосом. Жара в песках разгоралась, разжигало там солнце свой костер-пекло.

Он дома. Эта комнатенка, вросшая в землю, его дом. Он еще не привык здесь ни к чему, а уже поверил, что это его дом, и сейчас был рад ему, всему здесь, особенно этим крошечным окошечкам, за которыми близко стояли горы. Он теперь их и поближе узнал. Все тот же Копетдаг, но с противоположной стороны. Слетал, сбегал, чтобы поглядеть поближе, а теперь вернулся, отдалился, но все равно они перед глазами — эти горы, и с ними каждое утро можно будет глазами перемолвливаясь, а то и помолиться на них, на извечные их лики.

В комнате у него произошли кое-какие перемены. Он не успел обжить ее, а теперь она показалась обжитой. Это, конечно же, Светлана ко всему тут прикоснулась, Дим Димыч так бы не мог прибрать стол, он у него был завален папками, картами, а теперь звал к своему крошечному, расчищенному простору, мол, подсаживайся, журналист Знаменский, давай пиши, послужи тебе. И старенькая тахта приободрилась, куда-то подевала свои бугры, став не диваном для всех, а постелью для него, здесь поселившегося. Он не успел, улета в Красноводск, выложить вещи из чемоданов, чемоданы так и стояли у стены, готовые кинуться снова в путь, но в комнату уже вселился, хоть и утлый и узкий, но все же шкаф, чтобы туда перекочевали вещи из чемоданов, если все же останется он здесь, в этой комнате, жить. Чемоданы, барственные и чужие, призывали покинуть эти убогие стены, и как можно быстрее. Прибранный столик, шкаф, тахта, застланная женщиной, предлагали остаться. А куда ему было уходить? Он присел на стул, провел рукой по столу, прикидывая, как тут будет его пишущей машинке, плоской «Эрик», быстро поднялся, раскрыл самый большой чемодан, достал ее и поставил на стол. Достал еще из чемодана один за другим два магнитофона, побольше и поменьше, два «Сони», о них корреспонденты пели, переиначив песню николаевских еще солдат: «Наши жены — «Сони» заряжены». Эти ящики тоже нашли свое место на столе. Что еще? Надо бы бумагу выложить, ручки. А зачем? Он разве слетал в Красноводск, побывал в Кара-Кале, чтобы отписаться потом? Кто он? Зачем он? Забылся, выволок все машинки, а они ему не нужны, как и он сам никому не нужен. Он снова сел к столу, раздумав обживать его, злясь на себя, что забылся, выволок вот свое прошлое из чемодана.

В дверях встал Дим Димыч, обряженный в фартучек, с кухонным полотенцем через плечо, спросил:

— Вы как себя приучили после дальней дороги: сперва поесть или под душ? Воду в бак я налил доверху.

— Сперва под душ, — сказал Знаменский, поднимаясь. — Это Светлана Андреевна тут руки приложила? А где она?

— Сегодня утром вернулась домой. Побывала у меня, чтобы отдышаться, и вернулась. Она часто так в последнее время поступает. Глотнет воздуха — и снова на дно.

— Жаль... А почему на дно? Как это понять?

— Не удалась семейная жизнь у девочки, вот как это понять. Муж, кстати, профессор, медик, наисквернейший человек. Мать мужа, свекровь, стало быть, наисквернейшая из старух. А я все же крестный ее мальчика. Вот ко мне и сбегает. Ну, вставайте под душ. Сейчас наш Ашир примчится. Нужны вы ему. Или полюбился? Как он вам?

— Мне он нравится. Полагаю, умный человек. И жизнь знает.

— Умный... Знает... Вам бы с ним встретиться, когда он был в форме. Стремительный. Сверкающий. Не узнать совсем человека. Разжалованный... Какое слово убийственное. Вдумайтесь, вслушайтесь в это слово: разжалованный...

— А зачем мне вдумываться или вслушиваться, Дим Димыч, когда я сам поселился в этом доме? — Знаменский даже улыбнулся, так невесело стало на душе. Просто хоть смейся над самим собой, так скверно все. Он и улыбнулся, наигорчайшие выкладывая у губ морщинки. Они, эти морщинки, в такие минуты на

наших лицах и укореняются. Вчера не было зарубки, сегодня, глядишь, появилась.

— Нет, Ростислав Юрьевич, вы в этом слове не поселились, — несогласно мотнул головой Дим Димыч. — Я для вас еще слова не нашел. Вы транзитный пассажир на станции Несчастье. Вызволит. А Ашира некому. Разве что сам... А как? Разжалованному-то? Тут все построже, чем у вас. Согласитесь, построже. А, легок на помине, явился сокол!

Послышались быстрые шаги, и в комнату, минуя посторонившегося Дим Димыча, вбежал Ашир, глазами-дупльцами вперившись в Знаменского. А если бы не эти глаза, не опаленное нетерпением лицо, то показалось бы, что в комнату вбежал ну просто бродяга, опустившийся какой-то тип, уже с утра где-то набравшийся.

Ашир ничего не спросил вслух, глазами спросил, а Знаменский ничего не сказал вслух, глазами ответил. Молча обменялись они рукопожатием, постояли рядом, и Знаменский, теперь знавший, что Ашир — самбист, даже мастер спорта, не удержался и дотронулся пальцами до его руки у плеча, обрадовавшись, что ушиб пальцы, что этот будто бы опустившийся человек был из железа выкованным.

Дим Димыч исчез из дверного пролета и чем-то там гремел во дворе, нарочно гремел, чтобы отгородиться от их разговора.

— Как же так, друг? — упрекая, спросил Знаменский. — Ни о чем меня не предупредил. Я всякий раз наткался на неожиданность.

— Вот и хорошо.

— В аэропорту я ждал, ждал тебя. Даже показалось, что ты в последнюю минуту примчался. Нет, померещилось.

— Почему померещилось? Я был там. Примчался, именно. Понимаешь, свежее пиво в аэропортовский буфет привезли...

— Ну, знаешь ли!

— Знаю, знаю. А ты вот знаешь ли, что сидел в самолете с человеком, у которого в пиджонской сумке под сиденьем было килограммов десять опийного сырца? Ты запах не почувствовал? Воняет это зелье какой-то нелюдской вонью. Сладкой тухлятиной воняет, тошнотный запах.

— Нет, ничего такого я не почувствовал.

— Упаковали, постарались. Человеческий нос — грубый инструмент, а собак на внутренних рейсах наши службы контроля еще не завели. Беспечничаем. Все та же песня: «У нас?! Как можно?! Быть этого не может, потому что не может быть никогда!»

— И с кем же я там сидел? Ты что, заглядывал в салон с пивной кружкой в руке?

— Именно. Я дальноразведчик. А сидел ты со сценаристом Петром Сушковым. Нарядный такой и сверхнарядный. Личико моложавое, но морщинок сверх меры. Может, и сам уже приохотился? Наверняка! Пустой малый!

— Да, человек, сидевший со мной рядом, представился сценаристом и назвался Петром Сушковым.

— Все правильно сказал, не соврал. И сценарист, и Петр, и Сушков. А вот про то, что под ногами в сумке у него десять килограммов вонючести и распада, он тебе не сказал. Он не сказал, ты не учуял.

— Нюх слабоват.

— Верно, слабоват. И сейчас, Ростик, эти десять килограммов, поделенные всего-то на пять-шесть граммов в порции, уже начали убивать твоих москвичей, все больше молодых дурней и дур. Прикинь, сколько это порций! — Ашир выпрямился, вскинула его ярость. — Ты прикинь, ты посчитай! Голова кругом идет! А разве он один у них?

— Схватил бы его, отволокл бы в милицию, у тебя силенок бы хватило. Вот тебе и факт. Убийственный!

— Да, факт. Один. Но я бы засветился. Понял? На одном-единственном факте я бы вычеркнул себя из расследования. Не-е-т! Я больше торопиться себе не позволю! Привез?

— Да. — Знаменский извлек из кармана три пакета, ужавшиеся, слипшиеся, протянул их Аширу.

Ашир взял эти пакеты, разлепил, снова сложил, а потом сунул их в ящик письменного стола.

— Они останутся в твоей комнате, Ростик.

А. Яковлев. ЗАНАВЕС ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКОГО КАФЕ.
«БРОДЯЧАЯ СОБАКА». 1914 (?).

**Из истории
русского
театрального
занавеса**

Ю. Пименов. «БЕСПРИДАНИЦА». 1950-е гг.
(Неосуществленная постановка).

А. Головин. «МАСКАРАД». 1917.

Мне с ними по улицам ходить нельзя. Я стал прозрачным. И дом у меня стал прозрачным. Это кусочки карты, которую я хочу нарисовать, когда соберу все кусочки. Дим Димыч обещал мне нарисовать эту карту. Он в курсе. Нельзя, невозможно работать в одиночку. Мне, как ты заметил, помогают. И вот когда мы сложим нашу карту, ты отвезешь ее в Москву. Готовься, тянуть с этим мы не будем. Карта! Я складываю карту. Вот она и убьет их! Пошли есть. И выпить хочется.

— Не пойму, ты все же пьяница или следователь?

— Я, Ростик, спивающийся бывший следователь, выгнанный и опозоренный. Понял? Ты думаешь, зачем я сюда примчался? А затем, что тут нашел пристанище один московский неудачник, у которого еще есть денежки и с которыми можно их пропить по-быстрому. Понял? Неудачники, мы с тобой неудачники, а неудачников тянет друг к дружке, чтобы вместе пить и слезы лить. Пошли, подтвердим версию!

— Я бы сперва душ все же принял.

— Ошибка! Неудачники, такие, как мы, не следят за собой, им достаточно, что следят за ними.

— Я все же приму, слипся весь, устал.

— Как там мой Мерседес? Как поживает маленький летчик? Крепкие ребята?

— А этот старик в тельпее, продавец фиштак, кто он?

— Так он фиштак для конспирации надумал продавать?! Вот голова! Сказать тебе, кто он такой?.. Скажу — не поверишь! Ладно, пошли есть и пить, потом скажу, не все сразу. Ну, голова! Вот голова! — Ашир повеселел, услышав про этого старика, продавца фиштак. — Фиштак, говоришь, продавал? И дорого взял с тебя?

— Рубль потребовал.

— Замечательный старик! Герой! Ладно, приоткрою его. Герой, не соврал, Герой Социалистического Труда. Чабан. И какой! Все горные морщинки знает. Ну, пошли, пошли! Тебе к воде, мне к застолью, ведь пьяный для них не опасен. Нет, мы их сделаем! С такими ребятами? Клянусь, мы их сделаем!

26

Только уселись за стол, как примчался Алексей, который лишь час назад встречал Самохина и Знаменского на вокзале, развез их: Самохина — в «Юбилейную», а Знаменского — домой. Примчался, чтобы немедленно доставить Знаменского к Захару Васильевичу Чижевскому.

— Начальство срочно требует! — встав в калитке, объявил Алексей, жадно взглядывая на утлый столик под виноградными лозами, такой приманчивый бутылочкой посреди даров земных. — Подлая у меня профессия, я вам скажу! — Алексей, не смаргивая, глядел, опечаливаясь все больше. — Сейчас бы тянуть стопаря, захрустеть бы чем-нибудь, но нельзя! Баранка. Она хуже кандалов. Помчались, Ростислав Юрьевич! Что-то стряслось! Захар Васильевич мрачнее тучи!

Только из-под душа, еще не обсохнув, кусок не успев съев, покотился Знаменский на зов начальства.

— Я вижу, сдружился вы с этим бывшим следователем, — сказал Алексей. — Как судьба играет человеком, ай-яй-яй! Кем был и кем стал! Популярнейшей был в городе личностью. Все наши хапуги, завидев его, трястись начинали. И что же? Брал, оказывается. Вот спивается теперь. Совесть замучила. Но, конечно, с ним не заскучаешь. Острый человек. А Лана вам кланяется, Ростислав Юрьевич. Зацепили вы ее.

Хоть и плохо еще ориентировался в городе Знаменский, но дорога в МИД была очень проста, шла напрямик по проспекту Свободы, мимо запомнившегося парка, после которого и надо было свернуть вправо, развернуться — вот и прибыли. Но Алексей вел машину какой-то другой дорогой, тоже показавшейся знакомой, тут все дороги были породнены деревьями, и все же куда-то не туда вез.

— Мы не в МИД? — спросил Знаменский.

— Захар Васильевич велел к себе домой доставить. Он как туча, а наша Нина свет Павлова еще мрачнее. Вы там, в Кара-Кале, не учи-

нили чего-нибудь, Ростислав Юрьевич? — Алексей снял даже руки с руля, покрутил ими, изобразив нечто фривольно-замысловатое. — А? Дамы, а?!

— Кобры там, а не дамы. — Знаменский протянул руку к баранке, с наслаждением приняв в ладонь упругий ход машины, выправил чуть этот ход. Так и повел, Алексей не мешал ему, не перехватывал руль, с понятием был человек. Едва коснувшись руля, стал Знаменский узнавать дорогу, водительскую обретая память.

— Тормози, приехали.

— Есть, капитан!

Захар Чижев встретил друга возле дома. Они обнялись, будто после долгой разлуки. Обнявшись и в калитку вошли. Захар помалкивал, Знаменский ни о чем не спрашивал.

Недели не прошло, как он был здесь, а сколько сразу приметилось перемен в этом крошечном саду. Все тут будто шагнуло в другой цвет, ну, словно повзрослели деревья и виноградник, в зрелость вступили, в глубину.

— Похоже, солнце у вас творит чудеса, — сказал Знаменский.

— Похоже, похоже... Здравствуй, Ростик. — Из дома вышла Нина. Неожиданная какая-то, строголикая. На него и взглянула, и не взглянула, мимо прошел взгляд, так только женщины умеют смотреть, когда гnevаются. Но разве он в чем-то перед ней провинился?

— Ниночка, и тебя тоже не узнать. — Знаменский подошел к ней, поцеловал руку, наигрывая светскость, взглянул улыбочиво. Нет, она ответно не улыбнулась, она и вправду гневалась.

— Что случилось, друзья? — спросил Знаменский, недоумевая.

— Как тебе сказать... — Захару явно было не по себе. — Ты завтракал, Ростик?

— Только начал, как был вами затребован, шеф.

— Вот и хорошо, позавтракаем вместе.

— Ох уж эта мужская консолидация! — вздохнула Нина. — Готов даже подряд два завтрака съест во имя дружбы. Да не тужи ты, Захар! Конечно, будет ему завтрак, но сперва он должен получить выволочку. Надо же, донжуан проклятый! Едва приехал, едва свалился к нам со всеми своими неприятностями, как уже у него амуры начались! Господи, что за человек?! Бедная Лена...

— Нина, о чем ты? Захар, что она несет?

— Ах, он не знает! Ах, он не догадывается! Захар, может быть, объяснишь товарищу...

— Да что тут объяснять?.. — Захар томился, видно было, что ему тягостен предстоящий разговор, он тянул, не начинал, озабочился вдруг, что вода в канавке сбилась с пути, закружилась, наткнувшись на обсыпавшуюся землю, и он кинулся вырывать воду, схватил кетмень и начал расчищать завал. — Видишь ли, Ростик... — Захар пошел вдоль арыка, расчищая его дальше, за дерево зашел, взрыхлил вокруг землю, раз уж кетмень в руках. — Видишь ли, Ростик... На тебя поступила жалоба... Точнее сказать, донос... Но за подписью, вот беда... — Под одним деревом землю он взрыхлил, но надо было и под другим взрыхлить, раз уж кетмень в руках. — Совсем запустил сад! — пожаловался Захар, которого теперь даже не видно было, отгородили его деревья. Впрочем, слова его еще можно было разобрать. — Понимаешь, если бы это была анонимка, я бы ее просто порвал и бросил в корзину... — доносилось из-за деревьев. — Но это не анонимка, это заявление. И за подписью, и с указанием звания, и даже с указанием партийного стажа. Что прикажешь мне делать?

— Окучивать сад, Захар! — сказала Нина. — Теперь я знаю, как тебя заставить окучивать наш сад!

— Вот ты сердисься, — издали донесся голос Захара. — А мне каково?

Он вернулся. Несчастный, с вымокшими ботинками, облепленный какой-то паутиной, влоча за собой кетмень.

— Захар, прошу тебя, не бросай кетмень, — язвительно сказала Нина. — В конце концов ты всегда сможешь работать садовником.

— Я, кажется, подвел вас, друзья? — спросил Знаменский. — Но, даю вам слово, я не знаю за собой никакой вины.

— Нас подвел? — переспросила Нина. — Начнем с того, что ты себя подвел. Ну, хорошо, скажу я, коль скоро муж мой дипломатически переквалифицировался в садовника. О дипломаты! Нет, о мужчины! Итак, Ростик, как выяснилось, ты поселился в доме, где живет одна весьма знаменитая в городе дама. Вернее, не то чтобы живет, но иногда ночует. Хозяин этого дома — говорят, что он весьма странный тип, — ее какой-то родственник, и вот она... Согласно, доктор Светлана Андреевна просто прелестная женщина. Но, Ростик... Что ты знаешь про нее?..

— Нина! — Захар вышагнул вперед и кетменом ударил оземь. — Нина, прошу тебя, не будем касаться чужой судьбы! Как можно, Нина? Ростик, все дело в том, что муж этой женщины, видимо, из породы отвратительных ревнивцев. Словом, он написал нам заявление, требуя...

— Иногда ревнуют не без повода, — тихонько обронила Нина.

— Это его дело! Вызывай на дуэль, черт побери! — взорвался Захар, смешно, как рапирой, взмахнув кетменом.

— А это мысль, — сказала Нина. — Ведь Ростик у нас шляхетских кровей. Верно, Ростик, вызывай ревнивого мужа на дуэль. Впрочем, он старик, не принято фехтовать со стариками. Но Захар, мой Захар-то каков! Я тобой восхищаюсь, Чижев из деревни Чижи Смоленской губернии. Бретер! Дуэлянт! Bravo, Захар!

— Что с тобой, Нина? — удивленно поглядел на жену Чижев.

— А то, мои милые, что эта женщина действительно может сыграть роковую роль в судьбе Ростика да и в твоей, мой дуэлянт-муженек. Это роковая женщина, а город у нас не так уж велик, у нас все про все знают, даже я, хоть мы тут недавно, все про всех знаю. Да, согласна, муж у нее не из симпатичных личностей. Но он подобрал ее после суда, он подобрал ее, когда она ждала ребенка от другого, он загородил ее собой, а у нее была репутация хуже некуда. Тут, Ростик, лет двенадцать назад был громкий, громчайший процесс по медицинскому институту. Веселились студенточки со своими педагогами. Медики! Циники! Одна так довеселилась, что отравила мужа и его отца. Мешали они ей веселиться! Вот такие дела. По этому процессу, а его в городе помнят, многих девиц таскали. Была там и твоя Светлана, Ростик. Шла по списку слишком веселившихся. Ну, оправдали, ждала женщина ребенка, но... Но вот что это за женщина, Ростислав Юрьевич. И ты, едва приехав, едва...

— Да, вот что это за женщина... — Знаменский смотрел на Нину, дивясь ей. Ведь это же их Ниночка-блондиночка была перед ним, славная, милая, беззаботная, отзывчивая — что там еще? — добрая, веселая, заводная — что там еще? Все ушло! Совсем она, полное сходство, но другая. — Да, Ниночка-блондиночка... Ну я пошел, Захар?

— Иди. Считаю, что я переговорил с тобой официально. Письмо мы, разумеется, закроем. Слушай, съехал бы ты с этой квартиры. Там и неприглядно очень. Знаешь, поживи пока у нас, мы тебе найдем не спеша что-либо поприличнее. Нина, ты согласна? Приглашаешь? Пойми их, этих женщин, эта суровая обличительница сейчас плакала, уткнувшись лицом в ладони, рыдания сводили ей плечи.

— Сын... не может забыть сына... — шепнул Чижев Знаменскому, который уходил, чтобы удержать его, и тотчас кинулся к жене. — Нина? Ну, что ты, Ниночка? Ну, умоляю тебя!

Но тут требовательно зазвонил из дома телефон, пронзительно и настойчиво, суля какие-то неприятности, и Захар кинулся в дом, схватил трубку.

— Да?! Слушаю?! — Он надолго замолчал, слушал. Потом произнес всего одно слово: «Еду!» — и повесил трубку.

Он вышел из дома, добитый новым известием. Уныло глянул на жену, на Знаменского, разведя руки, будто на нем была вина, сообщив:

— Умер Александр Григорьевич Самохин... Острая сердечная недостаточность... Час от часу не легче...

Окончание следует.

МАРШАЛ ЖУКОВ

Начало на стр. 6

ходит сейчас. Где противник? Где наши войска? Если вы можете, поезжайте немедленно в штаб Западного фронта, разберитесь там с обстановкой. Позвоните мне в любое время суток, я буду ждать...

Сразу же после разговора со Сталиным Жуков получил у начальника Генштаба Шапошникова карту западного направления и специальное распоряжение Ставки. Вот его текст: «Командующему Резервным фронтом. Командующему Западным фронтом. Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки. Ставка предлагает ознакомиться тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов, и по вопросам управления обязательны для выполнения. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников. 6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.»

Это был, по существу, мандат с чрезвычайными полномочиями.

Полустанок Обнинское. В десятке километров родная его деревня Стрелковка. Там остались его мать — Устинья Артемьевна, сестра с детьми...

— Так что эта местность хорошо знакома, исхожена мною вдоль и поперек, как говорится... Когда подъезжал к Обнинскому, признаков штаба я не заметил. А потом вдруг вижу, два связиста тянут проволоку недалеко от дороги. Я останавливаю машину, спрашиваю:

— Товарищи, не знаете вы, где штаб Резервного фронта?

— Нет, не знаем.

— А куда вы тянете провод?

— Куда надо, — говорит, — туда и тянем!

Здоровый детина такой! Ну, думаю, солдаты хорошо службу знают, раз малознакомому человеку, вернее, даже незнакомому человеку, так отвечают. Ну, пришлось назвать, кто я такой есть.

— Ну, — говорит, — извиняемся, мы вас не знаем в лицо, поэтому так и ответили...

Штаб Резервного фронта только что переехал в деревню Пяткино, северо-западнее села Белоусово. Военный Совет разместился в бывшем имении Саввы Морозова.

Командующего фронтом на месте не оказалось. В это время в помещении штаба появился армейский комиссар первого ранга — Л. З. Мехлис. Он несколькими днями раньше был направлен Ставкой в войска Резервного фронта.

Мехлис хорошо знал Жукова. Тем не менее он задал вопрос:

— А вы с какой задачей прибыли к нам? Жуков помедлил. Затем вынул из кармана нитяное распоряжение Ставки и протянул его Мехлису.

Тот внимательно прочитал текст, вернул документ Жукову:

— Так бы и сказали...

За все годы войны это был единственный

случай, когда Жукову пришлось предъявить документ, удостоверяющий его личность и его полномочия...

От завтрака, предложенного в штабе фронта, Жуков отказался. Приказал шоферу:

— Заводи!...

Путь лежал по Варшавскому шоссе — в Малоярославец...

— Проезжая через Малоярославец, увидел машины, спрашиваю: чьи машины? Семена Михайловича Буденного... Ну, я обрадовался, что Семена Михайловича нашел.

Да, вошел в помещение райисполкома, где Семен Михайлович находился, застал его — он внимательно рассматривал карты. Ну, поздоровались, потолковали с ним, значит, как, что, ему я сказал, что был у Конева.

— Как дела у Конева?

Я говорю, что вот дела сложились не особенно хорошо.

— А у нас, — говорит, — тоже не лучше. Дорогу на Малоярославец и далее на Москву, собственно говоря, нечем прикрывать. А это очень опасное направление...

...Когда война уже подходила к рубежам Германии, на одном из фронтов снова встретились Буденный и Жуков как представитель Ставки. Георгий Константинович за ужином спросил тогда:

— Семен Михайлович, как могло случиться, что ты в октябре сорок первого был отозван с фронта в Москву?

Тот ответил не сразу:

— В гражданскую попадал и не в такие переплеты. А тут потерял управление войсками, понадеялся на штаб... Ты же знаешь Мехлиса, он пытался проводить свою линию...

— А ты что, у Мехлиса в кармане сидел?

— Что я? Я-то бывал в переделках, а вот сколько командующих пострадало от этого деятеля...

От Буденного Жуков через Медынь направился в Калугу.

— ...Ну, в Медыни, кроме разрушений, которые произвела там авиация накануне, ничего не было, никаких войск не было. Только, значит, встретил женщину, копается, что-то такое... Обращаюсь к ней, не отвечает. Смотрит непонимающим взглядом, вдруг выходит, значит, из-за угла другая женщина. Половина мешка у нее набита чем-то. Вы, говорит, у нее не спрашивайте ничего, она с ума сошла. С горя. С какого, говорю, горя? А вот вчера налетела авиация, она набирала воду из ко-

лодца. На ее глазах в дом попала бомба, и обломками придавило ее двоих внучат. Да вот и я, говорит, то же самое, собираюсь уходить на Малоярославец, но ничего не найду, а надо чем-нибудь из одежки запастись на дорогу.

...Двадцать пять лет хранил Жуков в памяти эту встречу со старухой крестьянкой. Может быть, никогда прежде Жукову не открывалась — во всей своей наготе, глубине, наглядности — неизмеримая народная беда...

...10 октября Ставка потребовала, чтобы Жуков вновь срочно прибыл в штаб Западного фронта. Там тогда находились члены Государственного Комитета Обороны: маршал К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, а также член Военного Совета фронта Н. А. Булганин, представитель Генштаба генерал А. М. Василевский.

Иван Степанович Конев, командовавший Западным фронтом, переживал, пожалуй, самые трудные, драматические дни.

Жуков и Конев...

Сама история еще не раз в самых неожиданных, порой парадоксальных, невероятных поворотах поставит рядом два этих имени...

О том же, что происходило в первой декаде октября, Г. К. Жуков рассказывал так:

— Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Еременко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится. Тогда Сталин спросил: «А вы что предлагаете делать?» Я сказал, что предлагаю оставить Конева моим заместителем. Сталин спросил подозрительно: «Почему защищаете Конева? Что, он ваш дружок?»

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу... Сталин дал согласие. Думаю, что это решение, принятое до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева.

Через день или два после того, как вступил в командование фронтом, я направил Конева как своего заместителя на правый фланг, к городу Калинин. Управляя этим далеко отстоящим флангом, он действовал там самостоятельно и так удачно, что вскоре вступил в командование созданным Калининским фронтом...

А позже, уже во время Курской операции, когда Конев вступил в командование Степным фронтом и дело у него пошло хорошо, успехи и удачные операции сменяли друг друга, Сталин, видя, как Конев воюет, изменил к нему отношение...

...Напомним: в начале 30-х годов в записи о молодом Жукове М. А. Булгаков употребил неожиданное слово «книголюб».

Никогда, даже в самые сверхуплотненные дни кризисных ситуаций на фронте, Жуков не расставался с книгой. В октябрьские дни 1941-го, в недолгом затишье посреди ожесточенных и яростных боев, Георгий Константи-

Приезд на Западный фронт.
Весна 1942 года.

Фото Н. Бедова,
офицера для особых поручений
Г. К. Жукова

нович неожиданно обратился к своему офицеру для особых поручений:

— У меня к тебе просьба... Раздобудь где-нибудь Толстого, «Войну и мир»... Захотелось перечесть...

Маршал отчеркнул тогда слова Толстого: «Ежели причина нашего торжества была не случайна, то оно лежит в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен отразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений...»

* * *

...В один из самых напряженных моментов битвы за Москву на КП Жукову позвонил Сталин. Георгий Константинович не мог припомнить точной даты — кажется, это случилось уже в декабре, когда один из участков 30-й армии Калининского фронта неожиданно прорвали немецкие танки.

— Вы уверены, что мы удержим Москву? — спросил Сталин. — Я спрашиваю вас с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим, — ответил Жуков...

Жуков сказал в те дни фронтовому корреспонденту: «Вот что запиши. У нас в штабе, среди шифровок, заявления о приеме в партию. Подобного, по-моему, в истории еще не было...»

Фронт иногда выгибался дугой, казалось, вот-вот может случиться непоправимое — фронт будет прорван. Но фронт выдержал!..

За двадцать дней второго этапа наступления на Москву фашисты потеряли более 155 тысяч убитыми и ранеными, около 800 танков, не менее 300 орудий и значительное количество самолетов. Легенда об их непобедимости дала трещину...

Бывший в ту пору редактором «Красной звезды» генерал Ортенберг в своих воспоминаниях пишет, что он послал фотокорреспондента в штаб Западного фронта сделать для газеты фотографию Жукова. Фотограф вернулся ни с чем — Жуков сказал: «Не до снимков...» Однако снимок был все-таки сделан и опубликован в газете по прямому указанию Сталина. Верховный Главнокомандующий хотел, чтобы войска, оборонявшие Москву, знали, кто ими руководит.

* * *

На страницах журнала «Дружба народов» (№ 5, 1978 г.) Константин Михайлович Симонов отмечал: «Пройдя мимо чего-то важного для истории в архивных папках, можно потом опомниться и вернуться к ним. Пройдя мимо чего-то исторически важного в жизни человека, поправить это потом трудно или невозможно — люди уходят из жизни, и их уже не спросишь!..»

Жуков всегда неуклонно подчеркивал то, что считал главным: историческую правду об остро-те сложившегося под Москвой положения и о мере нависавшей над ней опасности. Не сказать об этом с полной определенностью — значило для него не сказать и о силе того перелома в войне, который произошел под Москвой... В каком-то смысле это было для него как бы продолжением войны. И то, как он рассказывал о войне, заставляло заново думать о том, как он воевал...

* * *

В рабочем кабинете командующего работали аппарат связи ВЧ и кремлевский телефон. Здесь Жуков, случалось, и завтракал, и обедал, и ужинал.

Времени для сна не было, работал без отдыха, жег свою свечу с обоих концов.

Жуков поддерживал себя чашкой крепкого кофе, а чаще выходил из дома, совершал короткие пробежки, растирался снегом.

— Иной раз на фронте приходилось спать не больше двух часов. А надо, чтобы все время работал ум... Что делать? Возьмешь лошадь, проскачешь минут сорок, вспотеешь — и под душ. Опять свежая голова. Утром — физзарядка. На фронте хорошо, потому что — чистый воздух. Очень много значит, когда чистый воздух...

* * *

Жуков. Что запомнилось? Все запомнилось. Война была действительно тяжелой. Но больше всего, конечно, запомнилась битва под Москвой... Перед этим, правда, сражение за Ленинград. Тоже памятное дело. Но все же Москва — это было самое тяжелое испытание. И больше всего запомнилось...

НА РЕПОРТЕРСКИХ
ТРОПАХ

МАЭСТРО НИНА

Н. А. Желтухин.

А. Н. Желтухин.

Н. А. Желтухина.

Фото С. Киладзе

Сначала был Желтухин первый — Николай Александрович. Родился в Батуми, учился в Нижегородском кадетском корпусе, участвовал в первой мировой войне. А когда началась гражданская — пошел служить в конармию Буденного. После войны Николай Желтухин вернулся в Тбилиси, поступил на музыкальный рабфак, потом — на дирижерские курсы при Тбилисской консерватории. Позже стал руководителем духового оркестра городской милиции. Небольшого роста, плотный, с военной выправкой — он всем своим видом излучал бодрость, доброту. Не было в городе торжественного события, в котором бы он не участвовал со своими музыкантами. Не было парна, где б «желтухинский оркестр» не играл «На сопках Маньчжурии» или «Волны голубого Дуная». Со временем он стал заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР, его наградили орденами Ленина и Красной Звезды. В последние годы жизни ему помогал сын Александр, выпускник Тбилисской государственной консерватории. Сначала был старшиной оркестра, а потом сменил отца за дирижерским пультом.

С тех пор прошло почти тридцать лет. За это время старшина Желтухин стал подполковником, композитором, народным артистом республики. Но самое главное — его полюбили за талант, за веселый, открытый нрав, полюбили и его гостеприимный дом, где почти всегда звучала музыка: и жена, и обе дочери Александра Николаевича — музыканты... Но вот на самой вершине жизни Александра Николаевича Желтухина настигает смерть... Вест о кончине отца застала дочерей в Москве — младшая, Ирина, сдавала госэкзамены в консерваторию, а старшая, Нина, «болела» за нее. Убитые горем, Ира и Нина возвращаются в Тбилиси.

...Через два месяца на главной площади Тбилиси — Первомайский парад. По традиции его должен завершить заслуженный коллектив республики — оркестр УВД Тблггорисполкома. Как же без Александра Желтухина? Наверное, предложат другому коллективу? Нет! «Желтухинский оркестр» все же появился на площади, и впереди шла Нина Александровна Желтухина. Строгим четким шагом прошла она мимо трибуны, но когда миновала ее, силы оставили Нину: она сбилась с шага и... разревелась почти по-детски — от перенапряжения, от радости, от горя.

...Однажды, прогуливаясь по тбилисскому парку Победы, за зеленой листвой я услышала нежные звуки вальса. Играл духовой оркестр. Подхожу ближе, смотрю: на открытом помосте у дирижерского пюльта — тоненькая, изящная девушка в форме капитана милиции. Да это же Нина Желтухина... За вальсом последовал легкий веселый марш, как потом оказалось, «папиного сочинения», затем — «На сопках Маньчжурии». После концерта подхожу к Нине, прошу сказать несколько слов об отце, о своей работе.

— В папе жила гордость нашей желтухинской династией, он всегда интересовался генеалогией нашего рода — даже среди героев войны 1812 года нашел двух генералов Желтухиных. Во мне, видимо, многое от папы, и самое главное — это любовь к музыке. Я окончила теоретико-композиторское отделение консерватории, сейчас вот дирижирую оркестром. Думаю, что я не последнее звено в музыкальной династии Желтухиных.

Ия МЕСХИ,
собкор «Огонька»

интервью «Огонька»

Наш корреспондент встретился с народным художником СССР, почетным членом Мадридской и Барселонской академий искусств, профессором Московского художественного института имени Сурикова Ильей Сергеевичем ГЛАЗУНОВЫМ. Разговор коснулся его биографии, творческих взглядов и принципов, наиболее проблем художественной жизни, сегодняшних поисков в искусстве.

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Недавно в Москве и Ленинграде прошли выставки работ И. Глазунова. Их посетило полтора миллиона человек. Это несомненный успех, который, конечно же, налагает на него еще большую ответственность. Задумываешься вот о чем: почему зрители стремятся посещать выставки художника? Почему так или иначе, но их волнует то, что изображено на полотнах Глазунова? Однозначно ответить на эти вопросы нелегко. Интересно, а что думает об этом сам художник?

— Я счастлив тем, что мой скромный труд нужен людям. Очевидно, в своих картинах я затрагиваю проблемы, которые их волнуют. Искусство, как известно, должно отвечать на два главных вопроса: «что» и «как». Я считаю, что работы великих творцов прошлого, наших учителей-классиков понятны всем. То, о чем может мечтать каждый художник — о всенародном признании. Именно оно критерий оценки его труда.

Источник вдохновения для художника и сегодняшний день народа, и его прошлое. Много из того, что я успел сделать за тридцать лет, соприкасается с историей. В цикле «Вечная Россия» выражены наши корни, история Отечества; «Современный город» — это как бы дневник человека, живущего в большом городе двадцатого века, с его тревогами, надеждами, радостями; третий цикл отражает образы русской классической литературы, и много работ в нем посвящено осмыслению творчества моего любимого писателя, пророка и мыслителя Федора Достоевского, которого я считаю самым оптимистическим писателем — ведь он верил в человека — в совесть его. В портретах людей — представителей нашего времени я старался запечатлеть лик эпохи. Ведь нет ничего современнее, чем изображение современника. Гаснут цивилизации, уходят с лица Земли народы, но мы видим римский портрет, фаянсовый портрет, русский портрет конца XVIII — начала XIX века. Портрет — это, по-моему, внутренняя сущность человека, музыка его души. Искусство портрета — свидетельство высокого реализма художника.

— Ваша судьба складывалась непросто, много было в жизни нелегкого, драматичного. В связи с этим такой вопрос: вы не озлобились?

— В человеке я хочу видеть главную его суть — хорошее, ибо разумным, добрым императивом отличается он от животного. Тем, что у него есть душа, понимание добра. Древние античные философы считали человека мерой всех вещей. В этих словах заключен глубокий смысл.

Я очень люблю певцов итальянской школы. И меня поразило, когда я узнал, что мать

Джилли постоянно говорила ему в детстве: если ты хочешь быть певцом, ты должен быть хорошим человеком.

Хочу сказать, что у меня не было времени, да и, надеюсь, не будет, на какие-то злые дела. Жизнь наша скоротечна, и нужно спешить делать добро. Вспомним Пушкина: «...чувства добрые я лирой пробуждал».

— Несмотря на огромную популярность, ваша биография известна далеко не всем. Многие, наверное, ваша жизнь кажется красивой, комфортабельной, удачливой. Игрушечное детство, счастливая семья... Но так ли это?

— Я родился в Ленинграде. Мой отец — историк, он любил искусство, я навсегда запомнил «Сикстинскую мадонну», репродукция которой висела над столом. Подолгу бродили мы с ним по городу, ездили в Павловск, Пушкин, Петергоф. Помню чудесные ансамбли над Невой. Помню извозчиков. Помню курганы на Волхове, том самом, через который приплыл когда-то в Новгород Рюрик с братьями — внуками Гостомысла Новгородского. С отцом мы забирались на древние курганы — огромные вкопанные в землю шлемы. Над ними ползли тяжелые северные облака, и вот это чувство истории, это таинство истории глубоко запало мне в душу.

А потом началась война, пришла смерть. В блокаду умерли все мои родные. Каждый умирал страшно и мучительно. Когда я остался один, мне было одиннадцать лет, меня вывезли по ледовой дороге в маленькую новгородскую деревню Гребло, которой сейчас уже не существует. Там я прожил несколько лет. Глухие боры, поля, луга, могучие воды северного озера Великого — все это было для меня неповторимым миром общения с русской природой, с нашим народом. Я работал на полях, был подпаском, собирал картошку. Время было тяжелое. Ночью над нами ревели невидимые за темнотой немецкие бомбардировщики, которые летели бомбить Ленинград. Помню радостное ощущение от того, что все реже и реже раздавались тяжелые звуки этого рокота. А потом уже наши самолеты летели от Ленинграда. Их становилось все больше и больше. Когда сняли блокаду и я вернулся в Ленинград, мое детство было далеко позади. Я увидел заросшие бурьяном газоны, распаханные площади у заколоченных в ящики прекрасных памятников. У Медного всадника цвела картошка, шумела трава. Город пустынен, словно город оживших скульптур на крышах дворцов. Удивительные, воспетые Пушкиным прекрасные архитектурные ансамбли раскрашены, как плащ-палатки. Это было странно и незабываемо: дома, рас-

крашенные черными, желтыми, зелеными пятнами. Но как по-прежнему величественно отражались они в синих волнах дикой Невы! Я жил в мертвом городе, ибо людей почти не было. Одинокое лабиринты-каналы — там и сям руины домов. Шумящий листвою Ботанический сад на Петроградской стороне, где я жил у своей тети.

Постепенно жизнь начиналась снова. Открыли Эрмитаж, Русский музей. Вместе с товарищами, учениками художественной школы при институте имени Репина, я изучал историю живописи, учился ремеслу. Перед нами стояли высокие задачи, и об этом безмолвно говорили старые русские мастера, чьи произведения мы видели в музеях. Тогда я запомнил слова Нестерова о том, что искусство — это подвиг. Рано повзрослевшие, ко всему мы относились очень серьезно. Мы радовались тому, что живем, чувствовали ответственность перед теми, кто умер за наше право жить.

— Да, «неистраченное» вовремя детство продолжает жить в нас. Когда смотришь на ваши картины, кажется, что в вашей жизни было много хороших людей. Они учили мудрости бытия, помогали обрести крылья. Но как же вы жили, оставшись без родителей? Когда, например, появилась у вас первая творческая мастерская, квартира, когда вы, что называется, обрели почву под ногами?

— В Ленинграде после войны я жил в двенадцатиметровой комнатенке. В Москве я сначала жил у знакомых, а позже мастерская появилась у меня, в знаменитом доме, на котором когда-то красовалась реклама Маяковского: «Нигде, кроме как в Моссельпроме». Тогда я не был членом Союза художников, и тем не менее Министерство культуры ходатайствовало за меня в получении этого чердачного помещения. Четверть века прошло с той поры.

Конечно же, добрых людей всегда больше. Поэтому все, что я сделал хорошего, я сделал благодаря людям, поддержавшим меня в трудную минуту. Эти люди верили в то, что утверждал я в искусстве. Они окрыляли меня надеждой и разбивали минуты одиночества, которые бывают у каждого художника, писателя, поэта.

— Наверное, еще в юности, в пору творческого мужания, в минуты раздумий о жизни, об искусстве и сложились те принципы и взгляды, которыми вы остались верны и сегодня? Каковы они?

— Художник всегда задает себе вопрос: художник он или нет? Я всегда был уверен, что искусство — это таинство в том смысле, в каком является таинством жизни рождение ребенка. Но вот ребенок вырастает, становится солдатом, художником, политиком, ученым,

и он уже явление социальное. То же самое происходит и с картинами. Когда художник завершил работу, она становится уже социальным явлением, потому что картины живут, влияют на события и обстоятельства, вызывают ту или иную реакцию зрителей. Мне хотелось бы здесь напомнить слова замечательного французского писателя Альбера Камю, которые он произнес при вручении ему Нобелевской премии. Он сказал, что многие художники в XX веке понимают свободу в искусстве как право на свободу «от», тогда как мы должны говорить о свободе «для».

Во имя чего художник, писатель, поэт ведет диалог со зрителем, с обществом, членом которого он является? Мне думается, что художник должен выражать внутренний мир человека через правду объективно существующего мира, идеи борьбы добра и зла, где поле битвы — сердце человека. Эти слова Достоевского краеугольны, и, может быть, поэтому меня никогда не интересовали абстрактные формо-творческие поиски. Однажды Пикассо спросили: почему вы всегда ищете? — и он ответил: давайте говорить о том, что я уже нашел, — а потом добавил: нельзя искать того, чего не потерял.

Так что поиск есть выражение формы для внутреннего образа, которым мучается художник и в котором он хочет отреагировать на окружающую его жизнь. И потому мне далеки и казенный натурализм, и абстрактное формотворчество.

Конечно, каждый художник имеет право делать то, что он хочет, каждый вправе выражать себя, а уж другое дело, как на это реагирует публика.

Я должен сказать, что в своем творчестве я был всегда абсолютно свободен. Я выражал все, что я хотел. Почти все мои работы на многочисленных выставках были представлены публике.

Сегодня на Западе бытует теория, с моей точки зрения, пагубная, что существует искусство элитарное и искусство-кич — для народа, а все непонятное объясняется незнанием, необразованностью. «Через сто лет поймете», — говорят в таком случае сторонники такой теории. Кое-кто и у нас утверждает подобное.

Мне хотелось бы спросить: почему все современники понимали Тициана, Рафаэля, Сурикова, Леонардо да Винчи, Рембрандта? Почему они могли что-то любить больше, а что-то меньше? Почему, когда умер Пушкин, было сказано, что закатилось солнце русской поэзии? Слава Пушкина, его великая значимость, которую так блестяще сформулировал Достоевский в своей речи на открытии памятника Пушкину о всемирной отзывчивости русских, позволили объединиться очень разным людям. Говоря сегодня о мнимой элитарности, мне хочется вспомнить известного испанского поэта Федерико Гарсиа Лорку, заметившего, что художники, которые говорят, что их поймут через сто лет, очень эгоистичны. Во-первых, тем самым они отнимают работу у художников, которые будут жить через сто лет. А во-вторых, они лишают радости общения с современным искусством тех, среди которых они живут. Так что мне думается: искусство должно быть понятно всем. Как понятны Моцарт, Бах, Рахманинов, Чайковский, Рафаэль, Иванов, Суриков. Я допускаю, что можно принимать или не принимать то или иное явление в искусстве, но я думаю, что Шалапина любят и понимают все. Как любят Чайковского, как любят Скрябина, Рахманинова... Противопоставлять элитарное искусство антиэлитарному — опасная, наглая выдумка, идущая из тех времен, когда в искусстве воцарялись групповщина, нетерпимость, взаимные наветы.

Хотелось бы напомнить о первом съезде русских художников, который открывал Репин. Выступали на нем разные мастера — от Васнецова до Бенуа и Кандинского. Все спорили, взаимно обогащая друг друга даже полярными мнениями, утверждая каждый свою истину. В 20-е годы тональность споров изменилась, и тот же Кандинский, да и не только он, ввел в дискуссию новые аргументы, объявив многих своих товарищей подпевалами царизма. У них перестали покупать картины оттого, что они процветали при старом режиме. Даже великому Нестерову одно время с трудом выдавали краски, которые были дефици-

том, на том основании, что он устаревший, ненужный художник. Травили Васнецова и Репина, дворы в Академии художеств мостили осколками гипса античных скульптур.

Мне думается, что главное в искусстве — духовность и новаторство; это не та или иная манера, которая где-то кем-то объявлена модной и современной. Новаторство — это есть пережитая по-новому традиция, помноженная на обостренное чувство борьбы добра и зла, свидетелем которой является художник, осуществляя творчеством свое вмешательство в современность.

— Вмешательство в современность... Когда приходится видеть работы Глазунова и вокруг них самых разных людей, обязательно спорящих, не умиляющихся, а спорящих, всякий раз думаешь о том, сколь influentially искусство. Однажды Толстой написал в письме примерно так: если я остановлюсь и перестану работать, мир погибнет. Вот где ощущение своей личной ответственности за судьбу мира!

— Не мне судить о моем скромном труде, но скажу откровенно: очень много времени уходит у меня на борьбу за право делать то, что я считаю нужным. Мне всегда вспоминаются слова: «Если не я, то кто же». Если не мы, то кто же? Я чувствую свою ответственность, а в ней и оправдание всех мучений, тягостных и одиноких размышлений о своем пути, о проблемах времени. Высшим критерием радости и оправданием моей жизни являются мои отчетные выставки, на которые приходит много людей. Я счастлив, что некоторые мои работы дают пищу для полярных мнений, потому что художник не может нравиться всем, но и не может всем не нравиться. И когда люди спорят — это хорошо, ибо самое страшное — равнодушие. Мне думается, непонятные выставки свидетельствуют о том, что художник равнодушен к жизни, что ему нечего сказать людям.

— Есть художники, которые думают так: ну ладно, сейчас я схитрю, словачу, невелика беда, все, мол, хитрят, все ловчат, а потом добьюсь своего места в обществе и создам такое... Такое сотворю... Наверное, все-таки вся история культуры, в частности русской культуры, говорит о том, что нелегко достигнуть высокой цели не по совести. Если человек избирает перед собой достойную цель, он, наверное, и сам должен и жить, и трудиться достойно, а в искусстве это особенно важно. Все, что приходит в культуру, приходит в нее с собственным креслом. В искусстве нельзя занять чужого места. Каждый приходит и садится на свое.

Илья Сергеевич, у вас есть ощущение своего собственного места в живописи?

— Это покажется нескромным, но я скажу, что у меня это ощущение появилось с начала моей работы. Но, к сожалению, на картинах многих своих коллег — художников зачастую я видел жизнь вымышленную, жизнь социальных манекенов, мишуру ликуваний. Параллельно, въезд на новую квартиру, смеющиеся женщины грузят огромные мешки. В жизни же все было по-другому. И тогда в моей душе возник кризис. Я очень много работал, как и мои товарищи, усердно рисовал гипсы, которые теперь так мало рисуют, выполнял учебные задания. Подходило время диплома, но я мучился вопросом: чем я живу, о чем думаю, что ощущаю вне моего искусства? И тут мне помог завет Крамского молодому Репину: заприщесь и сделайте одну работу, которая вам лично понравится, и тогда вы откроете себя.

Этой скромной, но важной для самопознания работой стала картина «Ленинградская весна».

...Глухая стена большого дома. Двор. Старушка, пережившая блокаду, дети, радующиеся солнцу. На веревке полощется на ветру белье. Все это вызвало во мне какое-то волнение, мне хотелось заглянуть в душу этих старушек, их глазами посмотреть на чужое весеннее небо, которое так медленно приближает северное лето. Такова была моя работа. Я сделал то, что ощущал.

Потом появилась «Любовь». Он и она. Окна дома, в каждом окне своя жизнь. За каждым окном свои драмы, свои трагедии. Это были первые работы, в которых я выразил свое отношение к жизни. И они, эти работы, успокоили меня. Не потому, что были хорошие в моем понимании, но потому, что я выразил в них себя и свое отношение к окружающему миру.

Позже, когда я читал Достоевского, когда в центре России или на Севере видел древние

храмы, из стен которых росли березы, памятники, по которым прошла черная волна разрушения, — эта поруганная красота (а Рерих говорил, что для художника нет ничего страшнее, чем видеть поруганную красоту), весь этот клубок впечатлений от виденного, помноженный на веру в добро (не будем вспоминать Алешу Карамазова и знаменитые клейкие листочки, когда он благодарно бросился на землю и счастливо целовал ее), весь этот сложный комплекс, помноженный на выражение своего личного отношения к жизни, и двигал мною как художником.

— В какие годы все это происходило?

— В пятидесятые. А в пятьдесят шестом году произошло важное событие в моей творческой биографии. Студенты художественных вузов страны перед Всемирным фестивалем молодежи и студентов послали в Прагу свои работы. Как многие, послал работу и я. Называлась она «Юлиус Фучик». Герой в тюрьме... Тема эта меня мучила. Узники, тюрьма-колодец, поникшие головы, депрессия и уныние. И только один узник поднял глаза к небу и видит облака, ласточек, и в душе у него появляется, растет сила протеста: выжить, не сдаться, победить.

— Фучиковские слова: «Люди... будьте бдительны!» — гораздо шире, чем мы иногда понимаем их значение. Он как бы обращается и в сегодняшнее время: «Люди, берегите себя, берегите свою совесть, свою душу, ответственность за то, что происходит вокруг». И мне кажется символическим, что ваша творческая удача началась именно с работы, посвященной выдающемуся борцу и жизнелюбу.

— За картину «Юлиус Фучик» я получил Гран-при, и благодаря этой награде Комитет молодежных организаций и Центральный Дом работников искусств организовали показ восьмидесяти моих работ на вернисаже. Среди них были работы, посвященные Достоевскому, к которому долгое время, мягко говоря, относились прохладно. А меня уже тогда волновал сам жанр портрета, ибо в портретах, как мне казалось, заключено таинство человека, его суть.

Вспоминаю то время и с печалью, и с радостью. Это были годы моей молодости, моего начала, зрелости. Жил я тогда на квартире замечательного актера Владимира Яхонтова и его жены Лили. Здесь же в крохотной комнатке ютилась поэтесса Ксения Некрасова, о которой пишут сегодня как о знаменитой и талантливой. Мы подолгу ходили с ней по Москве, и уже тогда я чувствовал какую-то растущую разницу, несоответствие между старым и новым. Если в Ленинграде, несмотря на бомбежки, все относительно прекрасно сохранилось, то по Москве как бы пронесся вихрь разрушений и экспериментов, при которых реконструкция, предполагаемая как улучшение благоустройства города, многими понималась как право сносить памятники русской культуры, как преступное неуважение к истории. Не случайно стала уже банальной фраза Гоголя, что каменная летопись архитектуры говорит тогда, когда смолкают иные песни. Я вспоминаю любимого мною художника Сурикова, который, проходя на Красную площадь, говорил стенам храма Василия Блаженного: «Вы — свидетели истории». И мироощущение художника сквозит, когда смотришь на его картины. Так вот сохранение традиции, чувство истории, я считаю, утверждает в человеке национальное самосознание.

Мы должны помнить свое прошлое, ибо память эта рождает веру в будущее. А без прошлого будущего нет. Если мы забываем наших предков, то наши потомки вправе будут забыть и нас. Размышляю об этом в связи с тем, что на той первой выставке уже я пытался выразить свое обостренное чувство истории. Как раз в те февральские дни на Кузнецком мосту были другие выставки. И не моя, должно быть, вина, что на первую выставку никому не известного студента из Ленинграда стояла большая очередь.

Но нужно заметить, что с этого начались многие сложности в моей жизни. Выставка вызвала бурное обсуждение. Статьи в советской и зарубежной печати, очень положительная рецензия А. Членова в «Литературной газете», доброжелательная поддержка «Комсомольской правды». Однако неожиданностью для меня было дальнейшее: приехав в институт, я удивился тому, что мне выставили «тройку» за диплом и назначили учителем

черчения в провинциальный город. После того тринадцать лет я не имел возможности вступить в Союз художников.

Спасала работа, ежедневный труд. С благодарностью сегодня вспоминаю всех, кто верил мне, с кем объединяло чувство осознания того, что каждый художник должен, как говорил Белинский, отвечать на проклятые вопросы жизни.

А эти проклятые вопросы обступают нас, к сожалению, и сегодня со всех сторон. Все мы сейчас открыто говорим о том, что самое страшное в жизни и в искусстве — это полуправда. Так вот, всю свою жизнь я хотел говорить людям правду, было ли это во Вьетнаме, в Чили или на БАМе, жил ли я в городе или в деревне, писал ли портреты выдающихся деятелей эпохи по их приглашению или исторические полотна. Для меня всегда было важным выразить чувство моей внутренней правды, соответствия и понимания объективной реальности. В наши дни, когда идет новая, светлая волна переустройства жизни, задача всех нас — изжить многие недостатки, многие пятна, образовавшиеся на нашем историческом пути. Одна из задач — сохранение национальных памятников. Я могу твердо заявить: это — дело всей моей жизни. Еще тридцать лет назад я вместе с другими художниками обратился к руководству страны с письмом о создании общества по охране памятников и горжусь, что являюсь одним из основателей и создателей этого общества, что оно функционирует, и во многом благодаря ему мы видим в России огромные позитивные перемены, а в Москве прекращение тотальных сносов целых кварталов, возвращение улицам старых названий — ведь более двух тысяч памятников за последние десятилетия ушли из лика истории. Как прискорбно, что иные международные реестры исключают Москву из реестра исторических городов. А ведь говорят: хочешь узнать историю России — узнай историю Москвы. Охраняя сегодня памятники старины, мы этим самым превращаем Москву в город с активной памятью. Американцы, скажем, молодая нация, сейчас взяли под охрану здания начала XX века, конца XIX века. Наша же история уходит в глубь веков, и мы должны благоговейно передать наследие будущим поколениям, а не быть неблагодарными потомками, которые, забыв о будущем, топчут прошлое.

— История очень логично срастается с нашим временем. Тем более что так много интересного сотворено художниками, народом — от соборов и деревянных домов до картин.

— А ведь хотелось бы напомнить, что мно-

гие храмы возводились в честь больших все-народных побед. Такова была форма увековечения событий...

— Храм Василия Блаженного построен в честь разгрома казанского ханства, а знаменитая София киевская — в честь победы над печенегами. Да и здание, где проходила ваша выставка, именуемое Манежем, возведено в память победы над Наполеоном. Хорошо бы, наверное, возродить эту традицию постройки общественных сооружений по тому или иному важному государственному поводу. Сегодня же в моде возведение огромных «парфенонов», невиданных по размеру бронзовых и бетонных фигур. Сколько народных средств уходит на эти архитектурные «подвиги»? А между тем много ли появилось в Москве в последние годы новых выставочных залов, картинных галерей, достойных общественного признания?! Тут есть над чем поразмышлять. Хотя бы над тем, что традиция — это прежде всего усвоение уроков прошлого.

— Абсолютно согласен и должен заметить, что я не встречал людей, которые приехали бы, допустим, в Рим или Париж и сразу же начали осмотр с окраин, с новостроек. Каждый, кто приезжает в такие исторические центры, как Рим, Москва, Ленинград, Лондон, прежде всего спешит увидеть историю, прошлое городов, прикоснуться к тому, что пережило века. Ощутить ход времен — вот что влечет и манит любого туриста. Поэтому не случайно сегодня так резко стоит вопрос не только об охране памятников, но и о создании новой среды. Ибо те коробки, которые строятся с одинаковым равнодушием в разных городах и точках земного шара, перестали нести функцию архитектуры — окаменевшей музыки, как говорил Гете. Эти коробки Корбюзье называл машинами для жилья. Я понимаю послевоенные трудности, когда людям негде было жить и выручали тогда быстровозводимые блочные дома. Но сегодня, когда мы мечтаем о создании коммунистического города Москвы, зачем увеличивать количество стандартных коробок? Во многих других городах, кстати, эта проблема уже решается в духе современных традиций. Взять хотя бы Ташкент, Вильнюс, Тбилиси, Ереван, Таллин, Ригу, где бережно соединяются старый и новый город.

И вы знаете, порой энтузиасты-подвижники выдвигают весьма перспективные проекты. Сейчас настало время для коренного пересмотра взгляда на облик наших городов, города Москвы.

Когда я работал над пейзажами в Тутаеве, старом Романове-Борисоглебске около Ярославля, передо мной был удивительный собор XVII века, в котором почему-то находились цистерны с бензином, так вот ко мне подошел местный житель и сказал, что он готов отдать

свои кровные сбережения на реставрацию этой красоты, «на всю Волгу известной». Когда гуляют по ночам корабли, то кажется, что они приветствуют эту белую голубицу — обращенное в небо дивное сооружение. Будь такое во Флоренции или в Вероне, то водились бы туда несметные экскурсии! Так вот и вправду пришло время приверженцам сохранения памятников прошлого да и всем нам, кто хотел бы помочь государству в этом благородном порыве, дать возможность проявить свои патристические чувства и объявить сбор средств на восстановление тех или иных конкретных сооружений. Сухаревой башни или церкви Успенья на Покровке, например. Об этом, собственно, уже не раз писала наша пресса. Кстати, в этих актах проявилась бы и та личная активность, гражданская заинтересованность в делах всего общества, страны, о которой мы сегодня во всеуслышание говорим.

А как бы хотелось воссоздания многих деталей русского национального костюма! Ведь одежда — это часть нашей истории, в ней отразились былинные времена, истоки нашей культуры. Как приятно, например, читать в Риге такие вот вывески: «Ателье латышской национальной одежды». Вы обращали, наверное, внимание, что на разного рода фестивалях, празднествах представители наших национальных республик всегда красуются в своих ярких, колоритных одеяниях. Все, кроме представителя Российской Федерации. Я видел плакат под названием «Дружба народов», на котором изображены дети разных национальностей нашей страны — и все они в национальных костюмах. Только русские мальчик и девочка представлены почему-то в трусах и майках.

Все говорят об органах Европы. Но не случайно «Колоколом» — музыкой для всех — был назван журнал Герцена. Не только в Кремле, но и в Ростове Великом сохранились прекрасные колокола. Не настало ли время вернуть нам и эту страницу музыкальной культуры нашего народа, как и древние хоровые песнопения?

Думается, что наряду с Обществом по охране памятников истории и культуры, которое недостаточно активно до сих пор работает, недавно созданный Фонд культуры внесет свою лепту в эти благородные дела.

— Вы затронули очень важную тему, Илья Сергеевич. Сохранение национального достояния народа. Сохранение искусства, костюма, архитектуры, музыки. Пропаганда сохраняемого и восстановленного. И вот, находясь сейчас в вашей мастерской, где много образов старинной живописи, предметов утвари, быта, я хо-

Белая ночь.
(Ф. М. Достоевский).

чу узнать, как это все вам удалось собрать и сохранить.

— Еще мальчишкой в деревне Гребло я запомнил эти темные лики в крестьянских избах, под которыми читали похоронки, пришедшие с полей войны, и отмечали праздники. Позже, когда проходил практику в Минусинске в Сибири, я видел в домах произведения старой иконной живописи, и меня потрясли певучесть линий, удивительная внутренняя сила образов, неповторимое своеобразие которых раскрылось передо мной среди рубленых изб в бескрайней шири сибирской тайги. Я стоял очарованный. С тех пор стал изучать историю древнерусской живописи и собирать «черные доски», как назвал одну из своих повестей Владимир Солоухин. Я собирал их на Севере, под Ростовом, под Ярославлем, на Владимирщине. Меня возмущало, что иконами в свое время заколачивали окна, сараи, выбрасывали их на улицу. Однажды на Севере возле пекарни я увидел кучу икон, приготовленных на растопку. Сухая, отстоенная столетиями древесина хорошо горела. Я попросил несколько из них. Мне отдали все, что я попросил, — столько, сколько смог унести. Так началось мое собирание того, что вы видите. В одном селе за Сольвычегодском на колхозном складе я увидел, что под электродвигок, дабы он не колебался, подложена большая икона, потемневшее от времени тонкое поющее дерево. Мне удалось спасти эту икону XVI века «Никола в житии». Вот она перед вами.

Так собиралась эта коллекция, хотя я не считал себя коллекционером.

Мы заговорили об иконах — этих бессмертных памятниках русского национального гения. Не случайно Ромен Роллан, посетив Москву и придя в Третьяковскую галерею, три часа просидел с Максимом Горьким перед рублевской «Троицей». А Рерих писал в своих ранних статьях о том, что мы, русские, должны впитать в себя соки наших национальных истоков, нашего возрождения, которое заключено и в живописи, пришедшей из глубины веков и бывшей столь невнятной для нас до вмешательства реставраторов.

Как много дал Ренессанс итальянскому искусству, европейскому, мировому! Возрождая великое, сам становишься великим. Именно так было в Италии. Не случайно, как бы соревнуясь с греками и римлянами, создавали свои бессмертные шедевры Леонардо, Микеланджело, Боттичелли и Рафаэль. И это было новое слово нашей цивилизации.

У нас почему-то еще недавно считалось, что мадонна, написанная итальянцем в XVI веке, — это произведение искусства, а наш иконный лик, тоже созданный в средние века русским художником, — это исключительно явление культа и посему должно умереть вместе с религией. Прекрасно то, что мы одолели эту болезнь и лучше стали разбираться что к чему. И Музей Андрея Рублева открыли, и к древней живописи стали относиться внимательнее, любовнее. Оценили мы и значение многих других событий, в частности, так называемых «Русских сезонов» в Париже, где во всем великолепии блистало наше великое искусство начала XX века. Не случайно в Париже на месте, где впервые выступал русский балет, на здании театра Шатле установлена памятная доска и существует площадь Дягилева. Я вспомнил об этом как примере того, что и французы чтут русское искусство. И поэтому обидно бывает, когда мы сами его забываем.

Все это веские, на мой взгляд, аргументы в благородном деле борьбы за сохранение и восстановление памятников нашей истории, всего, что создано руками народа. Важно сегодня продлить нити, срастить линии народной судьбы. Эти нити должны быть крепкими, прочными.

Слово «патриотизм» предполагает нашу любовь прежде всего к своей матери-Родине, к познанию прежде всего ее истории. Путь к другому замечательному понятию — «интернационализм» — лежит через раскрытие национальных особенностей каждого народа.

Сейчас мы все чаще и чаще говорим о том, что культуры мира, культуры разных народов Земли должны приближаться друг к другу во имя главного — спасения жизни на Земле. Нужно поднять, возвеличить, спасти все лучшее, что есть во всех культурах.

Давнему другу «Огонька» поэту Сергею Островому недавно исполнилось 75 лет.

И в эти-то дни, когда нам бы его поздравить (что мы от всей души и делаем), Сергей Григорьевич сам пришел к нам в гости и принес вот эти заметки...

МОИ ЦЫГАНЕ

Почечел в «Огоньке» интересный разговор о цыганском искусстве «Кто вы, цыгане?» (№ 42), и захотелось вспомнить...

Почему меня потянуло к цыганам? В табор? История давняя. Я родился и вырос в Сибири. На Оби. Казалось бы, уже какие тут цыгане?! Ан нет...

Лето в тот год стояло жаркое. Золотое. Надо сказать, что вообще в те далекие времена погода чаще всего была устойчивой. Постоянной. Зима так зима. Лето так лето. Без подвохов. А в тот год, повторяю, лето выдалось особенно жарким. Мы, мальчишки, все свое свободное время проводили на берегу Оби. Купались, гоняли на лодках, а как только солнце уходило за горизонт — разводили небольшие костерки и рассказывали всякие страшные истории. Побывальщины. Чем страшнее, тем лучше. Особенно если про разбойников. Или про конокрадов. Или про лунатиков.

Пришел я как-то однажды на берег, а среди мальчишек прошел слух, будто на другой стороне Оби появился цыганский табор. Если подняться против течения вверх по Оби версты на полторы, на две, а потом круто взятый наискосок, то вот он, этот табор, и есть. А пристать к берегу цыгане никого не допускают. Могут утопить. Вместе с лодкой.

Цыган мы в ту пору боялись. Каких только рассказов, былей и небылиц про них не сочиняли! И детей-то они воруют, и коней-то они крадут, и всякую присуху да лихо-манку нагадать могут. Не люди — беда! И вот тут-то среди мальчишек и стал вопрос: кто же из нас первым осмелится переплыть к цыганам?! У кого на это хватит храбрости?!

Первым переплыл я. И не потому, что я был самым смелым. Нет. Скорее, наоборот. От рождения особенной храбростью я никогда не отличался. Но вот чувством стыда за эту свою черту характера отличался смолodu. Оттого и способен был иногда на самые рискованные и самые странные поступки. Для меня было горше смерти услышать от кого-нибудь в свой адрес слово «трус». Особенно от мальчишек, с которыми вместе рос, вместе ходил в драки, на одной улице жил.

И я поплыл. Было это утром. Обь была тихая, хотя грести против течения стоило сил немалых. Поднявшись вверх версты на две, я увидел на другой стороне реки тонкие столбики дыма. И понял, что это горят костры. Взяв круто наискосок, я поплыл к берегу. Самое страшное было впереди. Самое страшное было пристать к этому берегу. А вдруг вот сейчас из камышей, из тайных засад выскочат с гиканьем, да со свистом, да с длинными арканами цыгане, окрутят мне руки и ноги и поволокут по земле в свой табор. А там...

Погруженный в эти мысли, я и не заметил, как пристал к берегу. Лодка моя ткнулась носом во что-то твердое и стала разворачиваться кормой к берегу. Потом ее опять повернуло носом, и тут самое время было выскочить из лодки и втянуть ее на берег, подальше от воды. Все это я проделал в считанные секунды, и, может быть, это был один из самых смелых моих поступков за всю мою длинную жизнь.

На берегу не было никого. Тишина да мягкий переплеск воды во всю длину берега. Оглядевшись вокруг, я пошел на костры. Сердце замирало от страха, все казалось, что меня нарочно заманивают подальше от моей лодки, а вот сейчас, за тем поворотом, за той вон небольшой рощицей, все и произойдет.

И все-таки я шел. Три старухи сидели у трех костров. Рваные пестрые шатры да несколько ленивых тощих собак. И вязкая, громкая тишина. Старухи молча смотрели на меня, не вставая со своих мест. Время от времени они сосредоточенно помешивали в котлах какое-то варево. Потом одна из них сказала:

— Тебе чего, дорогой?

— Хочу посмотреть, как цыгане живут.

А дальше произошло то, что у меня подробно описано в поэме «Цыгане». Поэтому пересказывать не буду. Все это есть в стихах. Хочу только немного добавить. Когда я спросил у старухи, а где же все люди, в таборе же никого нет, она мне ответила:

— Не спеши, дорогой. Останься до вечера. Вот всех и увидишь. Мужчины наши на базаре коней торгуют, а женщины в городок ушли. Оставайся.

И я остался. До вечера. А потом до утра. А потом снова до вечера. А потом еще прожил неделю. Там меня и нашел мой отец, всю эту неделю проживший в розысках, покуда один из моих товарищей (а тайны и секреты, когда надо, беречь мы умели!) не сказал ему, где я мог находиться. И я с позором был выдворен из табора и водворен в родительское лоно. Так и закончилась эта моя эпопея, мой первый самостоятельный выход в мир. Было мне в ту пору тринадцать лет.

А в цыган я влюбился. Навсегда. Я влюбился в них за врожденный артистизм, за жизнелюбие, за жизнестойкость. Какую надо иметь гордую силу, чтобы, рассеявшись по всему свету, пройдя через грязь, через нищету, через унижения, не согнуться, не склонить головы, сохранить и пронести в душе любовь и верность своему народу! И не раствориться в гуще чужих наречий и обычаев. И складывать такие песни, от которых заходится сердце и кругом идет голова.

Я люблю цыган. Я очень люблю цыган. Вот почему я через всю жизнь шел к своей поэме, которая называется «Цыгане».

Сергей ОСТРОВИЙ

обсудим?

В редакцию пришло письмо. В солидном пакете оказалось четырнадцать машинописных страниц, озаглавленных: «Заметки провинциала», «Провинциал» не был анонимом. «Наберитесь смелости и опубликуйте мои заметки! С наилучшими пожеланиями А. Яснов, 36 лет, город Вологда». Ознакомившись с этими заметками, мы убедились, что их автор провел самостоятельное исследование на очень злободневную тему — семья и общество. Призыв к редакции «набраться смелости» возымел действие. Мы публикуем, не меняя стиля, ту часть заметок, где авторская концепция, на наш взгляд, просматривается особенно четко, и приглашаем читателей высказать свое мнение относительно «страшной беды», которую предвещает наш читатель, и других его соображений.

РАСКРЕПОСТИТЬ МУЖЧИН И... ОГРАНИЧИТЬ ЖЕНЩИН

Сейчас, как известно, женщина старается ни в чем не уступать мужчине. Появляется соперничество. Как часто пишут — война полов. Еще задолго до свадьбы, как правило, многие девушки готовят себя в «хозяйки». После свадьбы подобные девушки начинают искать малейшие недостатки у мужа, чтобы ущемить, уколоть его. А если муж недоволен этим, она ссылается на равноправие. Согласитесь, ведь невозможно в семье упорядочить это равноправие! Он и Она... Характеры различны. В одном — он ведущий, в другом — она. Насколько он, а насколько она? Жена метит в «хозяйки», а муж, естественно, не уступает. Принцип на принцип. Самолюбие оголяется до предела. Из-за того, кому, к примеру, первым встать с дивана и закрыть неожиданно распахнувшуюся в зимний морозный день форточку, в состоянии рассориться и даже скатиться до развода.

Следующее. Сейчас женщина не в меру и не по существу образованна, пресыщена знаниями, и нужными, и ненужными. Учатся, учатся, учатся где попало, в любом институте, только бы учиться... Речь уже не идет о призвании. В результате в немалой степени самовлюбленная и часто рассуждает так: если брать в мужья, так достойного, а короче — идеального. К сожалению, сейчас среди женщин слишком много таких «идеалисток»! А ведь известно — идеального в жизни попросту не бывает. Идеализируют своего будущего рыцаря еще с детства — и больше по книгам. Желанное хотя и увидеть действительным. И, естественно, — промашки. Построенный идеал не совпал с действительностью! Оказывается, у мужа куча недостатков! Она разочарована, начинает проявлять недовольство, «пилит» его, бичует. Критика переходит в ссоры, и... развод. Иногда до трагических вещей доходит, а иногда до комичного. Ходят по разным организациям, «плачут», жалуются на мужа, просят «исправить» его. Пишут в газеты, и такое иногда пишут, такую злобу и желчь выплескивают, что волосы дыбом встают.

Во время разводов, в судах, женщины часто говорят: «Развожусь из-за того, что муж пьет...»

Ее спрашивают: «А пить начал до того, как женился, или уже после?» И, как правило, слышат: «Сначала не пил, а потом, как вышла, запил...» Я уверен, если супруга хозяйственная, женственная, то этими качествами она способна перестроить мужа только в лучшую сторону.

...Мужчины стали довольно кроткими существами, инфантильными. Это обстоятельство женщин сердит. «Где же мужественность?» — нередко спрашивают они. Женщина жаждет рыцаря, но в действительности почему-то этих рыцарей маловато. Она хватается за книги, углубляется в сюжеты столетней давности: там и рыцарство, и дуэли. А теперь? Но современная эмансипированная женщина не учитывает того факта, что прежде женщина была слабой и зависимой, а сейчас стала полноправной, во многом независимой хозяйкой общества. И отнюдь не слабой. Она все чаще ущемляет мужчин. И они впадают в меланхолию, становятся циничными, злыми, начинают проявлять неуважение к женщинам.

Я утверждаю, что в немалой степени причиной роста разводов, причиной инфантильности мужчин, увеличения числа людей, страдающих сердечными и нервными заболеваниями, нездоровой обстановки в сфере обслуживания и высокой степени заболеваемости детей является все более закрепляющийся в некоторых семьях женский гегемонизм. Долговременная, в течение почти столетия, психологическая обработка разнообразными сильнодействующими средствами женского ума в сторону его величия, могущества превратила женщину в человека с мужиковатой психикой.

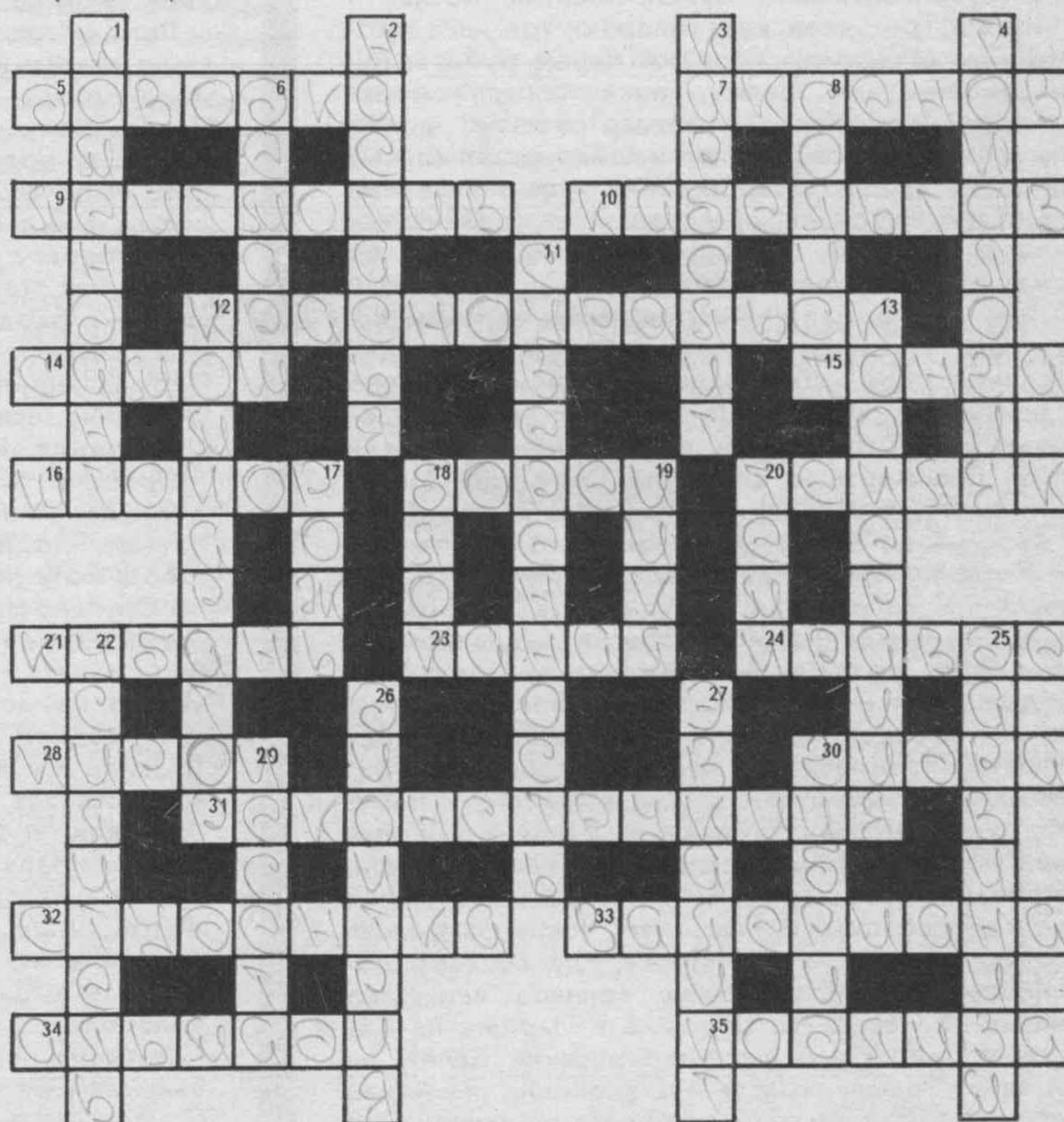
Лет пятьдесят назад общество требовало освобождения женщин. Это было закономерно. Но прошло время, положение общества изменилось. Надо как-то ограничить женщин, не ущемляя, конечно, их жизненно важных прав. В результате изменится женская мораль. Самим женщинам будет легче, они станут жить спокойнее, продуктивнее. Медлить нельзя! Иначе произойдет страшная беда.

А. ЯСНОВ

Кроссворд

По горизонтали: 5. Отшлифовка деталей или измерительных инструментов. 7. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 9. Мелодический оборот, повторяющийся в музыкальном произведении. 10. Единица длины, применяемая в мореплавании. 12. Город в Свердловской области. 14. Приток реки Тисы. 15. Государство в юго-западной части Тихого океана. 16. Фигура высшего пилотажа. 18. Спортсмен. 20. Временное сооружение на стройке для зимних работ. 21. Река, впадающая в Азовское море. 23. Искусственное русло. 24. Стихотворение Д. Бедного. 28. Минерал, спутник алмаза. 30. Южное созвездие. 31. Коренное переустройство с целью усовершенствования. 32. Учащаяся вуза. 33. Лекарственное травянистое растение. 34. Мыс, самая западная точка Африки. 35. Стихотворение В. В. Маяковского.

По вертикали: 1. Должность в вооруженных силах. 2. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Чародейка». 3. Вид синтетического полимера. 4. Раздел математики. 6. Протест, предостережение одного государства другому. 8. Артист, исполняющий в опере, хоре, балете ведущие партии. 11. Свойство, состояние независимого и самостоятельного государства. 12. Прибор для сравнения измеряемой величины с эталоном. 13. Форма организации коллективного труда. 17. Картина И. И. Шишкина. 18. Автор первой советской поэмы о революции «Двенадцать». 19. Ряд художественных произведений, объединенных общностью тематики, действующих лиц. 20. Интенсивность развития. 22. Один из основных элементов устройств автоматики, телемеханики, радиотехники. 25. Материалистическая теория эволюции органического мира Земли. 26. Единица измерения оптической силы линз. 27. Южное дерево, достигающее гигантских размеров. 29. Денежная единица Испании. 30. Животное или растение, полученное от скрещивания разных пород, сортов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 7. Непринцев. 8. Субботник. 10. Акулина. 11. Пинчук. 13. Пипков. 14. Конституция. 17. Иртеньев. 18. Автограф. 19. «Деревня». 20. Водолей. 24. Бумеранг. 26. Песчаное. 27. Киномеханик. 29. Жаркое. 30. Йыгева. 31. Городки. 32. Кижеватов. 33. Пустырник.

По вертикали: 1. Вершигора. 2. Виадук. 3. Черкасов. 4. Культура. 5. «Молния». 6. Гидростат. 9. Лисичка. 12. Кольцевание. 13. Пиотровский. 15. Перепел. 16. Агрегат. 21. Кустарник. 22. Кошовой. 23. Котовский. 25. «Громобой». 26. Плашкоут. 27. Косьва. 28. Кыштым.

На первой странице обложки: Николай Ильич Травкин, управляющий трестом «Мособлсельстрой» № 18. (См. в номере материал «Какой характер у Николая Травкина!»)

Фото Э. ЭТИНГЕРА

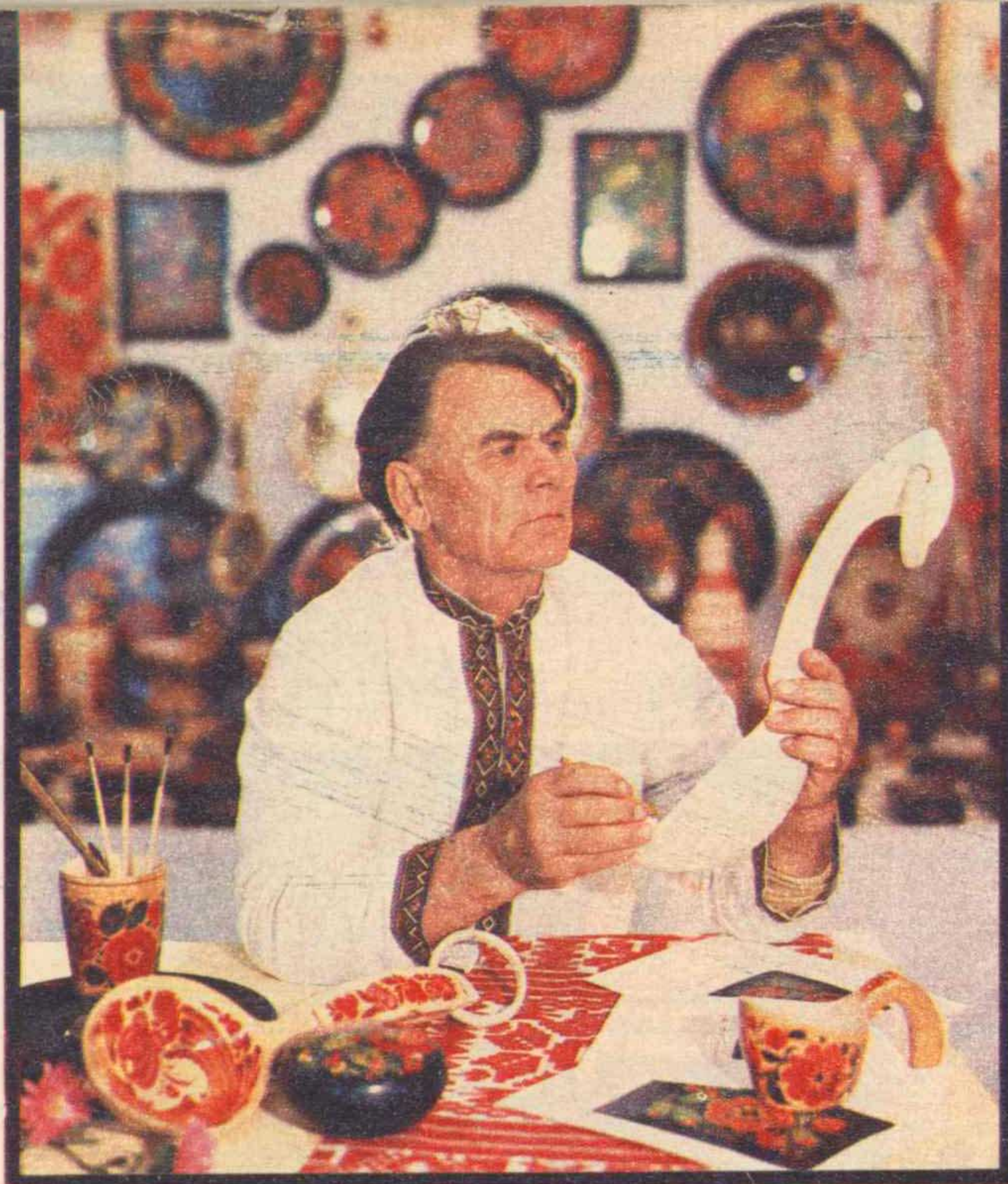

передачи,
которые мы
выбираем

Здесь представлены передачи декабря. В этом месяце вы встретитесь и с «Веселыми ребятами», не утратившими своего юмора за те долгие годы, пока передача не выходила в эфир (в ней принимает участие музыкальная группа «Браво» под управлением Е. Хавтана), и с возрожденным КВН, где будут соревноваться команды Московского химико-технологического института им. Менделеева и Одесского государственного университета; услышите новую песню Софии Ротару и будете свидетелями встречи итальянских артистов в Москве за самоваром. Побываете на фестивале солдатской песни в Одессе, где Михаил Боярский передаст микрофон Сергею Киричному, награжденному за время службы в Афганистане медалью «За боевые заслуги» (его вы видите на снимке). Какие-то из этих передач выйдут в эфир прямо в новогоднюю ночь, какие-то — в течение месяца (внимательно следите за рекламой!) Представляя эти передачи, мы уже сегодня поздравляем вас с наступающим Новым годом! Фото В. Дозорцева и А. Агеева

ТВ

ПЕТРИКОВСКИЕ УЗОРЫ

Есть в Днепропетровской области, в Царичанском районе, село Петриковка. Издавна славилось оно мастерами и мастерицами, умельцами расписать хату алыми мальвами, лазоревыми цветами, разукрасить нехитрую домашнюю утварь яркими маками, венками, спелой ягодой — на черном фоне, на светлом. А когда рядом возникали еще и сказочные заморские павлины или нарядные, с пышным оперением петухи, простые деревянные блюда, поставцы, кухонные доски становились праздничным убранством.

И сейчас это искусство радует нас своим живым и чистым мироощущением, гармонией, весельем, присущими народному творчеству. Петриковская роспись продолжает жить теперь уже в изделиях фабрики «Дружба», созданной тут же, в селе, под руководством ее главного художника, заслуженного мастера Украины В. И. Соколенко.

«Мир да любовь — не на год, а на жизнь», — гласит надпись на блюде, воспроизведенном на этой обложке. Да будет с вами всегда доброе напутствие петриковцев.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

